Софья Шоломова

Забытые страницы

О родных
В.Г. Короленко

Софья Шоломова

Забытые страницы

О родных
В.Г. Короленко

Харьков 2008

Издано на средства автора

Шоломова Софья. Забытые страницы. О родных В.Г. Короленко. – Харьков, 2009. – 242 с.: Илл.

Компьютерная верстка А.К. Польшин.
Технический редактор В.А. Шоломов

© Софья Шоломова. Забытые страницы. О родных В.Г. Короленко. 2009

Одна жизнь переплеталась с другой

Вместо вступления

Известно, что в сугубо официальных случаях Владимир Галактионович Короленко именовал себя «*дворянином и хохлом»*, не отрекаясь ни от своих предков, ни от своих родовых истоков.

С юности его семью преследовала нужда, лишения, что способствовало воспитанию жизнестойкости, привычке жить скромно, с некоторой склонностью к аскетизму.

В семье близкие называли Владимира «*человеком с воображением*», в отличие от брата Иллариона – «*человека с деловыми качествами».*

В юности у Владимира была мечта: получить, как его отец, профессию адвоката и стать защитником обездоленных людей.

Вся его общественная деятельность убеждает нас в том, что его мечта сбылась, хотя, быть может, и не в традиционной, привычной форме.

В его творческой жизни его близкие, и в первую очередь, братья играли важную роль, о чем рассказывают его собственные строки. Одна жизнь переплеталась с другой…

Отношение Памяти к Истории со временем меняется, поскольку меняется дистанция между ними. И тогда рождаются своеобразные циклы, в которых Память о прошлом постепенно оживает.

Предлагаемый читателю цикл новелл – «Забытые страницы о родных В. Г. Короленко» – назван так далеко не случайно. Он позволяет хотя бы частично

воссоздать эскизные портреты людей, каждый из которых занимал в жизни писателя важное место. В процессе историко-библиографического поиска одни факты, цепляясь за другие, рождали необычную мозаичную картину прошлого. Известные факты и события в жизни В. Г. Короленко наполнялись новым содержанием. А ранее неизвестные волновали своим внутренним смыслом. Так родилась эта композиция, в которой автор никоим образом не претендует на полноту раскрытия затронутых тем. Цикл посвящен 155-летию со дня рождения Владимира Галактионовича Короленко.

Глава 1

О старшем брате В. Г. Короленко

«…Литературные способности у тебя несомненны…»
Из письма В. Г. Короленко. Август 1886 г.

Юлиан Галактионович Короленко **(**16. 2. 1851 – 25. 11.1904) прожил сравнительно недолгую жизнь и оставил почти незаметный след в отечественной культуре конца19 – начала 20 века. Однако личность его весьма интересна и примечательна.

К сожалению, о братьях Владимира Галактионовича вообще сохранилось немного документальных свидетельств.

***

На сайте «Народная воля» лаконично сообщается**:** *«В связи с дознанием о тайной типографии арест 4 марта 1879 г. в Петербурге, но вскоре был выпущен. Подчинен надзору с мая 1879 г. Сотрудник газеты «Русские Ведомости»…»*

Напомним, что газета «Русские ведомости» была газетой либерального направления, которая издавалась с 1863 по 1918 годы.

В. Г. Короленко считался постоянным сотрудником газеты с середины 80-х гг. вплоть до середины 1918 года, когда она была закрыта большевистскими властями за так называемые «антисоветские выступления».

***

В статье «Черточка к биографии», напечатанной в 1913 году в юбилейном сборнике «Русские ведомости» (1863–1913), В. Г. Короленко приводит немало интересных подробностей к своей творческой биографии, одновременно с этим характеризуя эту, «чуть ли не единственную, определенно либеральную газету». По его словам, «Русские ведомости» недаром называли «профессорской газетой».

Он писал: «*Много знания, много солидности, много корректной сдержанности, и под этой сдержанностью постоянно бьющееся горячее гражданское чувство. Газета вызывала много озлобления и целый ряд катковских доносов, но никогда она не позволяла себе из самосохранения ни одной заведомо фальшивой ноты. Профессорская газета говорила ровно и убежденно. Читатель отлично слышал то, что она говорила, и не менее ясно слышал он также то, о чем она молчала. Это был комплекс взглядов, выраженных ясно и полно, без вызывающих подчеркиваний, но ясных даже тогда, когда какая-нибудь деталь оставалась без освещения».*

Завершает его статью итоговая мысль: «*Благодаря участию в «Русских ведомостях», я прошел строгую публицистическую школу, дававшую тон всей провинциальной прессе».*

Вот, в каком достаточно достойном издании много лет работал его старший брат.

***

В справочном издании С. А. Венгерова, посвященном русским ученым и литераторам, о Юлиане Короленко помещены предельно краткие сведения: *«Поэт, сотрудник «Русских ведомостей», брат Влад. Галактионовича Короленко, умер 25 ноября 1904 в Москве».*

Тот факт, что Юлиан Галактионович упоминается не только как сотрудник газеты, но и *как поэт*, дает надежду разыскать хоть какие-нибудь его поэтические публикации, а с другой стороны, эти сведения указывают на несомненную литературную одаренность старшего брата писателя.

***

Было правомерным обратиться к Словарю псевдонимов Ю. Масанова и попытаться обнаружить какие-либо публикации Юлиана Короленко. О самостоятельных публикациях Юлиана Короленко это справочное издание никаких данных, увы, не приводит. Но одна подробность все же отмечена: «Кор-о» == Владимир и Юлиан. Птица. Ж. Мишле. Перевод со 2-го издания. Спб. 1878.

И далее следует источник этой информации: «История моего современника». Т.1. М – Л. 1930., 635.

Так стало ясно, что перевод книги французского писателя и ученого Ж. Мишле был *осуществлен братьями совместно.*

К этому эпизоду в биографии писателя стоит возвратиться в самостоятельном сюжете. Это было время, когда, поселившись в Петербурге, Короленко вместе с братьями добывал средства к существованию для себя и семьи корректурной работой.

***

Обратимся к примечаниям к книге В. Г. Короленко «История моего современника» на которые ссылались в Словаре псевдонимов .

О Юлиане Короленко приведены достаточно подробные биографические сведения: «*Юлиан родился 16. 02. 1851. – умер в ноябре 1904. В течение многих лет состоял корректором в «Русских ведомостях», доставлял в эту газету заметки для отдела московской хроники. По временам писал стихи. Занимался*

корреспондентским и корректорским трудом.

В. Г. ценил способности брата и старался приобщить его к серьезной литературной работе (о его деятельности см. гл. 29 – «Мой старший брат делается писателем»). В последние годы жизни был разбит параличом».

Фрагменты главы под названием «Мой старший брат делается писателем» вынесены в отдельное приложение.

***

Аналитическое сравнение разных изданий «Истории моего современника» позволило установить, что в пятом томе посмертного полного собрания сочинений Короленко, посвященном дополнениям и материалам к этому сочинению писателя, изданному еще в 1929 году, также имеются краткие биографические сведения о Юлиане: «*Старший брат В. Г. Короленко занимался корреспондентской и корректорской работой. Около 10-ти лет был корректором «Русских ведомостей» и доставляя заметки для московской хроники*».

Таким образом, стало ясно, что старший брат писателя на протяжении многих лет своей жизни был связан с разными видами журналисткой деятельности. Обращает на себя внимание и фраза: «… по временам писал стихи», т. е. обладал поэтическим даром. Было ли опубликовано что-либо из его проб пера? Вопрос почти риторический.

В этом же пятом томе указано, что в первом и втором томе «Истории моего современника» немало страниц, на которых по разным поводам упоминается Юлиан.

***

Представляло интерес проследить за разными

редакциями, вариантами, публикациями фрагментов сочинения, где речь идет о Юлиане. Напомним, что Владимир Галактионович писал эти главы уже после смерти брата в 1904 году.

Так, например, в первоначальной редакции, опубликованной в журнале «Русское богатство» (1908. № 10), есть такая характеристика старшего брата: *«О нем рассказывали анекдоты. Как истинный «ученый», он был очень рассеян… вообще брат, особенно вне семьи, был окружен атмосферой общего интереса и признания». Это было связано с тем, что он стал писать стихи, и делал переводы с французского различных стихотворений еще в последних классах гимназии».*

В другом отрывке В. Г. Короленко упоминает о вспыльчивости брата, унаследовавшего эту черту от отца. И в этом он являлся как бы антиподом брата Владимира.

Владимиру Галактионовичу, по свидетельствам многих его современников, были свойственны спокойствие и умение владеть собой даже в минуты сильного возбуждения. Об этом свидетельствовали в своих воспоминаниях его товарищи по ссылкам.

***

В издании «История моего современника», напечатанном уже в 1935 году в примечаниях были помещены некоторые подробности к биографии старшего брата: «*Юлиан имел знакомство с участниками революционного движения и оказывал им некоторые услуги… впоследствии жил в Москве… в ранней молодости увлекался писанием стихов, переводами и корреспондентской деятельностью… однако, оставив довольно рано свои литературные попытки, Юлиан Галактионович к ним не возвращался…»*

Почему именно он перестал заниматься литературной деятельностью? Это, к сожалению, остается пока неизвестным, и можно лишь предполагать сложный противоречивый узел жизненных коллизий, какие ему пришлось пережить.

***

Следует заметить, что Юлиан был так же, как и его братья, арестован весной 1879 года.

В примечаниях к наиболее полному изданию «Истории моего современника» (изд. 1965 г.) приведен фрагмент доноса и ряд других документальных материалов, связанных с историей их ареста.

Читаем, что написал один из доносчиков: «*6 февраля я прибыл из Москвы в Петербург по революционным делам. У меня было рекомендательное письмо от Соколова (московского) к Юлиану Короленко… 10 февраля Юлиан повел меня к своему брату (Невский д. 134, кв. 210), где я увидал семь пропагандистов, слесарный станок и гальваническую батарею, по-видимому, для изготовления печатей. Присутствующие отнеслись ко мне радушно и обещали познакомить у себя с лицом, получающим запрещенные издания «прямо из типографии…»*
(см. Архив Земли и Воли и Народной Воли. М. 1932. С. 162).

Первый обыск на квартире Короленко был проведен уже 28 февраля, а второй в ночь на 4 марта, закончившийся арестом.

Но в то же время 19 марта 1879 года начальник петербургского жандармского управления сообщал 3-му Отделению, что «*в виду безрезультатных обысков, данных для привлечения к дознанию братьев Короленко не имеется*…» (ЦГАОР, ф. 3., отд. 3., экс., д. 128 за 1879 г., л. 169).

Остается непонятным, почему старшего брата

Фрагменты из книги «Птица», которые
могли быть наиболее близки В. Г. Короленко…..…143
Ж. Мишле и современность……146
Из книги «Птица»……147

Глава 6.
Штрихи к портрету старшей дочери……..155
Фрагмент письма С. В. Короленко
к А. М. Горькому…….162

Глава 7.
«Друг всей жизни Софьи Короленко»
(О М. Л. Кривинской)……..170
Приложение1.
Л. Гейтор о М. Л. Кривинской. (В книге «Вблизи Короленко». Полтава. 2001. Глава:
Дружба длиною в жизнь.)……..186
Приложение 2.
О сестрах Кривинских……190
О Любови Кривинской……...…190
Об Анне Кривинской……..195

Глава 8.
Этюд о крестнице В. Г. Короленко……..198
Об отце Е. М. Сосновской…….……199

О муже Елены Михайловны
Сосновской……..180
О дочери Елены Михайловны Сосновской……211

Приложение:
Стихи М.И. Андреевской……217
Список литературы …….222
Иллюстрации…….231

Содержание

Одна жизнь переплеталась с другой.
Вместо вступления……..…..2

Глава 1. О старшем брате В. Г. Короленко……..4
Приложение 1. В. Г. Короленко: «Мой брат делается писателем». Фрагменты……..…41

Глава 2. Этюд об одном племяннике В. Г. Короленко……49
Экскурс в историю репрессий……..54
Свидетельство паломника……..…64
Еще один племянник – тезка писателя……..65

Глава 3. Брат и друг (о младшем брате Короленко)……..…66
По страницам писем Короленко……75
Жизнь в Джанхоте……91
Спустя десятилетия……...97
Потомки Иллариона Галактионовича……98
Забавный эпизод (штрих к портрету Иллариона Короленко)……...100

Глава 4.
К истории одного посвящения или всего один эпизод из жизни Иллариона Короленко……103
Приложение. Жюль Легра «В РУССКОЙ СТРАНЕ» (Фрагмент)……..115

Глава 5.
К истории одного перевода……125
Эскизная зарисовка об Иване Вернадском……126
Коротко о Ж. Мишле……...135

отпустили, а Владимира и младшего брата Иллариона отправили в ссылку?

Юлиан был освобожден 11 мая того же года, и это было «*восхитительно просто»,* по словам писателя, который далее указывает мотив освобождения: «*его квартирная хозяйка заявила, что он ее жених и должен вскоре на ней жениться. «Ну, что ж, жених, так берите его себе…» И брат был отпущен…»*

В примечаниях к этой фразе имеется важное уточнение: «Женщина, заявившая, что Юлиан Галактионович ее жених, имела связь с 3-м Отделением, другими словами, была агентом царской охранки. Далее без объяснения мотивов, по которым она фактически спасла Юлиана, указывается на то, что уже в июне 1879 года она (ее имя не называется – С. Ш.) донесла на мать Владимира Галактионовича, его сестер и даже знакомых. Свидетельствующие об этом документы сохранились в «Архиве Земли и Воли и Народной воли» (М. 1932. С. 179–180).

Можно предположить, что Владимиру Галактионовичу эти факты не были известны, но последствия доноса очевидны.

В главе «В Литовском замке» Короленко писал: «*…Что касается нас двоих, то никакие обращения не помогали. Я уже сказал, что вскоре после нашего ареста был арестован Григорьев, две сестры поповы, мой приятель, студент Горного института Мамикониан и еще некоторые наши знакомые. Арестованы они были за знакомство с нами…. А когда один солидный человек, кажется, мой дядя, упоминавшийся выше Евграф Максимович Короленко, обратился с вопросом о нас в градоначальство, то там ему ответили просто: – Помилуйте! Достаточно одних знакомств: все знакомые этой семьи сидят по тюрьмам!». Это был факт, опровергнуть который было, разумеется, невозможно…»*

В мае 1879 года Илларион и Владимир были высланы в захолустный город Глазов. Началась их «Одиссея» по тюрьмам и ссылкам.

***

В «Истории моего современника» (изд. 1965 года) к гл. 18. приведен черновой набросок, который раскрывает некоторые черты характера Юлиана: «… *стукальщик был действительно мой брат, только не младший, Илларион, а старший, Юлиан, об аресте которого я еще не знал…. Сидел он в среднем коридоре, прямо под Виноградовым и совершенно терял терпение от путаницы наших переговоров.*
Он был человек нетерпеливый и вспыльчивый, и научить его новой азбуке оказалось совершенно невозможно. Кроме того, его бурные стуки в стену обратили внимание пристава и ему пригрозили карцером».

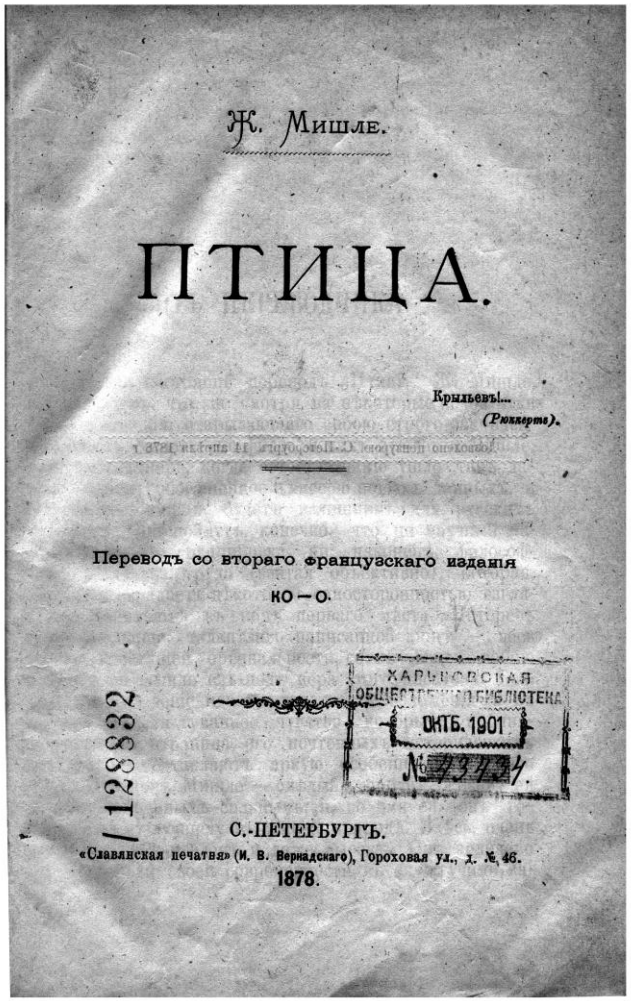
Как видим, старший брат не очень владел собой и вел совсем не так как два других брата.

***

В книге «Десять лет в провинции» (1968), написанной старшей дочерью писателя и его биографом С. В. Короленко, цитируется несколько отрывков из писем Владимира Галактионовича к старшему брату. Так, например, 1 февраля 1886 года в письме к брату Юлиану писатель сообщал о своем чувстве к А. С. Ивановской и предстоящей женитьбе: *«…Мое чувство к Дуне – давнее… я заметил, что в ней пробудилось другое совсем отношение ко мне, тогда и во мне старое воскресло с прежней силой…»*

В. Г. Короленко всегда с благодарностью вспоминал дружескую поддержку жены во всех его испытаниях. Она умела успокоить, была готова на самую большую нужду, лишь бы он поступил принципиально правильно

15.


Ж. Мишле.

ПТИЦА.

Крыльевъ...
(Рюккерть).

Переводъ со втораго французскаго изданія
ко—о.

ХАРЬКОВСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ БИБЛІОТЕКА
ОКТБ. 1901
№ 73424

128832

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
«Славянская печатня» (И. В. Вернадскаго), Гороховая ул., д. №, 46.
1878.

Титульный лист книги Ж. Мишле «Птица»

13.

Жюль Мишле

14.

Жюль Мишле

В марте 1886 года он поделился с братом своими первыми невеселыми впечатлениями от свидания со Львом Толстым**:** «*Гора, говорят, всегда величественна на расстоянии, так и гора – человек. Признаюсь, просидев у Толстого до 2-х часов ночи,… я вышел от него, как угорелый от ужасной атмосферы взаимных восхвалений и игры слов и формул…вдобавок я теперь не заметил и тени тех нравственных учений, которые так ясно сквозят в его писаниях. Наоборот – ужасная уравновешенность и самодовольство».*

С. В. Короленко пишет, что «отец не утаивает от брата ни горечь, ни раздражение от первой встречи **с** писателем. Он доверителен и предельно откровенен в своем письме, которое, к сожалению, приводится не полностью. В дальнейшем этот фрагмент будет дополнен после обнаружения полного текста письма.

С. В. Короленко отмечала, как «*тяжелобольной, он выбивался порой из сил в заботах не только о своей семье, но и о семье разбитого параличом старшего брата Юлиана Галактионовича».*

Горе, постигшее семью старшего брата, – его паралич и вскоре ранняя смерть, – не могло оставить писателя безучастным.

***

Наиболее полную картину взаимоотношений между писателем и старшим братом дает частично сохранившаяся переписка, а вернее, только письма самого В. Г. Короленко.

Обратимся к первому тому полного собрания сочинений писателя, где опубликованы его письма с 1879 по 1887 год.

В этих письмах сохранился своеобразный отзвук их отношений. Вообще письма сохраняют атмосферу и приметы времени более, чем какие-либо другие документы. Они служат своеобразным отражением памяти и внимания друг к другу. По этим письмам

можно судить о Короленко, как динамично развивающейся творческой личности. Родственная привязанность братьев выдержала все испытания. Братья были близки не только по-родственному, но и духовно, и творчески.

Отраженный свет их отношений присутствует и в письмах Короленко к другим родным:

В июне 1879 года он писал матери из Глазова:

- «*…Веля же остается «ворочать» с Юлианом корректуру и ничего больше! Перчик пристрастился к рыбной ловле. Чуть не каждый вечер «бродит с бреднем».*
Денег Юлиан хочет прислать – не надо, самим бы хватило… нужды-то много…. Юлиану поклон: еще раз – пусть денег не присылает…»

4 июля 1879 года. Из письма к сестрам:

- *«… что сталось с нашими товарищами по камере в Литовском замке, м. б., Юлиану известно».*

30 июля 1879 года**:**

- «*… что касается собственно статьи, то я не очень высокого об ней мнения. Меня не очень удивляют преувеличенные отзывы редакции (если их еще Юлиан не преувеличил*)».

***

Начало опубликованной переписки между братьями помечено 1880 годом, когда Короленко уже отбывал ссылку, и первое из писем было адресовано жене Юлиана.

11.

Семья Короленко

12.

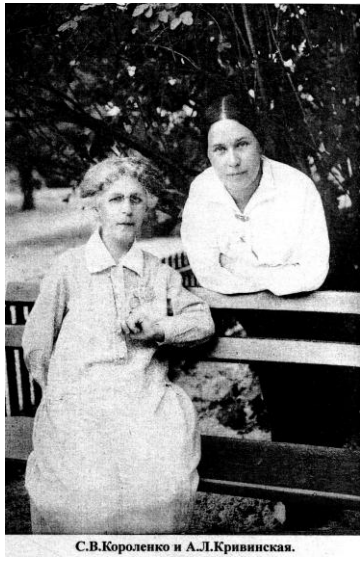
С.В.Короленко, Л.Л.Кривинская и М.Л.Кривинская.
30-е годы

С.В. Короленко и сестры Кривинские

9.

Джанхот

10.



С.В.Короленко и А.Л.Кривинская.

А.Л. Кривинская и С.В. Короленко

Юлиан женился сравнительно поздно и уж, конечно, не на своей квартирной хозяйке – доносчице. Однако брак оказался недолгим – всего несколько лет – из-за ранней смерти его избранницы, к которой с такой теплотой и вниманием отнесся Владимир Короленко.

1

7 ноября 1880. Пермь**.**

- Из письма к жене Юлиана – Марии Ефимовне**:**

«... обо мне, о моей здешней жизни Вы, вероятно, знаете кое что из писем к Веле. Да и знать собственно нечего: ни хорошо, ни худо живется. Так себе. Вот разве одна новость: младший брат Илларион подает прошение о переводе в Пермь. Стало быть, мы будем, вероятно, вместе.

…когда вы получите это письмо, Юлиан, все еще будет собираться написать мне подробности, о которых вы говорите (относительно моей статьи)… я Юлиана с этой стороны хорошо знаю – от него не дождешься. Вы пишете, что будут напечатаны очерки, тогда как я послал один очерк…. Разве отдали и тот, который я послал ранее («Чудная»)? Тем лучше…»

Свое письмо Владимир Галактионович заканчивает такими словами: *«Пока – до свидания, дорогая сестрица. Пишите же, как вы устроились, как живется…. Юлиану поклон…. Если можно будет, пусть попросит, чтобы мне прислали оттиски моего очерка. Кстати, Юлиан работает ли опять в «Слове». Если работает, то ему не трудно будет поставить под заглавием очерка «Чудная» следующие слова: «посвящ. Э. Л. У». (Э. Л. Улановской)… теперь крепко жму вам руку и даже с позволения супруга, обнимаю вас по-братски».*

Очерк Короленко «Ненастоящий город» был напечатан в11-м номере журнала «Слово» за 1880 год.

Другой очерк под названием «Чудная» вследствие цензурного запрещения в печати тогда не появился. Лишь много лет спустя, он был издан кем-то нелегально.

Заграницей очерк был напечатан на русском языке еще в 1892 году в американской газете «Прогресс» и затем печатался в переводах в целом ряде изданий.

В 1893 году он был выпущен в Лондоне в издании Фонда Вольной Русской прессы.

В России легально очерк был напечатан под заглавием «Командировка» в «Русском богатстве» только в 1905 году (№ 9).

Упоминая о «Веле», Владимир Короленко имел в виду свою сестру Эвелину. Следует привести краткие сведения и о его сестре.

***

Эвелина Галактионовна (по мужу Никитина) (20. 1. 1861 – 30 сентября 1905) оказалась единственным человеком, которого не коснулись обыски и аресты. Она занималась так же, как и братья, корректорским делом.

Когда в 1879 году почти все члены семьи были направлены в ссылку, Эвелина для заработка обратилась к корректуре. Это был наиболее привычный труд в семье Короленко.

На работе она встретилась с товарищем по корректурной работе Михаилом Никитиным и в 1882 году вышла за него замуж. Вместе с мужем она длительно занималась корректорским трудом в разных издательствах и типографиях. Семья постоянно жила в Петербурге.

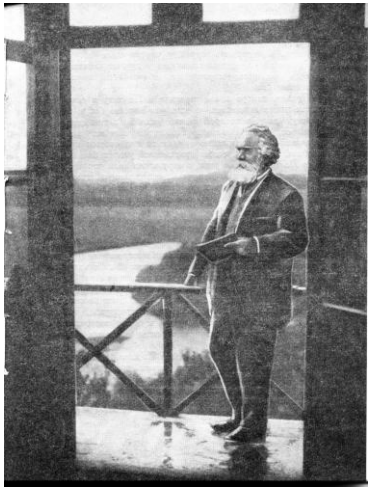
В пятом томе посмертного полного собрания сочинений писателя (изд. 1929 года) напечатана «Биографическая канва жизни и деятельности В. Г. Короленко». В ней указано, когда В. Г. Короленко

7.

ЭВЕЛИНА ИОСИФОВНА КОРОЛЕНКО
(Снимок сделан Владимиром Галактионовичем в 90-х годах)

Эвелина Иосифовна Короленко. 90-е гг.

8.



В.Г. Короленко в Полтаве

5.

С.В.Короленко-гимназистка. Полтава. 1903 год

С.В. Короленко. 1903г.

6.

С.В.Короленко. Полтава. 1946 г.

С.В. Короленко. 1946г.

получил известие о смерти сестры «Вели» (так ее называли в семье), он, прервав работу над «Историей моего современника», которую только начал в сентябре, тотчас выехал на ее похороны в Петербург.

В этом письме Короленко интересуется Улановской. Приведем краткие сведения об этой личности, обобщив разные документы: Улановская Эвелина Людвиговна (1860 – 1915) тоже была арестована по доносу в 1879 году прямо на студенческой вечеринке и затем сослана на поселение. В 1883 году она вернулась из ссылки в Харьков, но спустя год вновь была арестована и сослана в Восточную Сибирь.

2

- 15 ноября 1880. Пермь.

«Письмо твое, друг Юлиан, я получил вчера, и так как оно несколько запоздало, а мой ответ мог запоздать еще более (путь у нас еще не установился), то я и ответил телеграммой, которую ты, наверное, и получил…. Что касается собственно дела, то к сказанному в телеграмме мне остается прибавить немного: посылая статью в «Слово», я посылал ее той редакции, с которой уже имел дело прежде, и мне приятней будет и впредь иметь дело с этой редакцией, как бы ни назывался ее орган – «Слово» или « Прогресс».
…Вообще предложение редакции «Прогресса» мне очень на руку, т. к. в качестве сотрудника этого журнала, мне, б. м., удастся посетить со временем некоторые места Пермской губернии, чрезвычайно интересные во многих отношениях.
…правду сказать, я сам (совершенно искренно) держусь далеко не столь лестного мнения о своем произведении, да и вообще о моем, скажем так – «даровании», но понятно, успех этого моего детища ободряет меня, и

теперь я с большим удовольствием принимаюсь за следующие очерки… Тема – «Починки», починовцы, типы ссыльных крестьян и затем маленький эпизод – сектант – отрицатель. Все.

… Интересно – ответят ли тебе на твое прошение. Освободят ли меня через год из-под надзора. Это вопрос для меня весьма важный…. Состояние под надзором сильно стеснит меня.

… привет Марии Ефимовне. Пусть пишет мне. Я, конечно, не задержу с ответом».

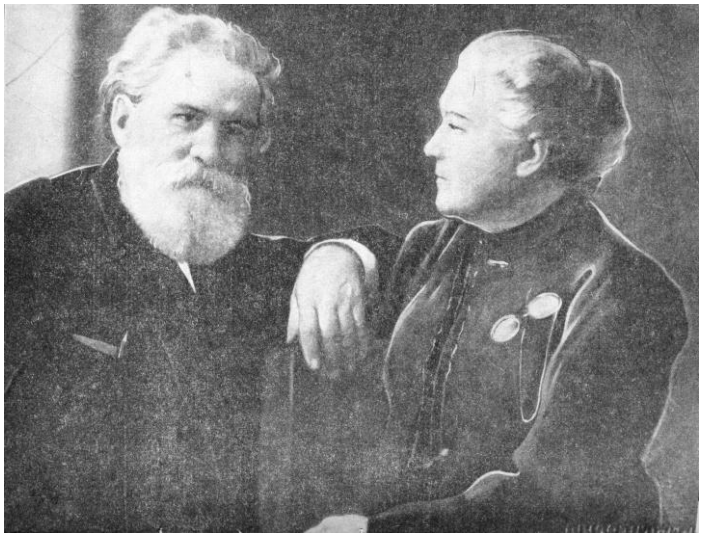
В. Г. Короленко имел в виду очерк «Эпизоды из жизни искателя», который был напечатан в 1879 году в журнале «Слово». Следует заметить, что журнал «Прогресс» так и не появился в печати. Эпизод с «сектантом – отрицателем» в дальнейшем будет изображен в рассказе «Временные обитатели подследственного отделения», а также войдет в рассказ «Яшка» («Слово». 1881. № 2).

***

Впервые писательское имя В. Короленко появилось на страницах печати в 1879 году, когда ему было уже 26 лет. В мае того же года его высылают в Глазов Вятской губернии, а в июле в печати появляется его первый рассказ «Эпизоды из жизни искателя». Рассказу были предпосланы в качестве эпиграфа стихи из незадолго перед тем напечатанной заключительной части некрасовской поэмы «Кому на Руси жить хорошо»:

Средь мира дольного
Для сердца вольного
Есть два пути.
Взвесь силу гордую,
Взвесь волю твердую,
Каким путем идти?

4.



Владимир Галактионович и Эвелина Иосифовна

3.

В. Г. Короленко
Фотография 1879 г.

Владимир Галактионович Короленко.
1879 г.

Такой кардинальный вопрос возникает едва ли не перед каждым молодым человеком, стоящим на пороге сознательного бытия. Героем рассказа был «искатель» – студент естественного факультета, натура страстная и увлекающаяся. Во многом это был «двойник автора». Его интересует многое: и избранная им область науки, и политическая экономия, и статистика, и поэзия, и современное положение крестьянства.

***

О действенной помощи крестьянам в их практических делах со стороны В. Г. Короленко рассказывает следующий документ. Так, 12 января 1881 года младший брат Илларион писал из Глазова брату Юлиану: «*Владимир написал прошение крестьянину, в котором, между прочим, указывалось на бездействие крестьянского присутствия по его делу. Иванову не понравилось, и он сделал собственноручную подпись: «донести, что политический ссыльный Короленко занимается писанием крестьянам возбуждающих прошений*». (ОР ГБЛ. ф. 135. без шифра.).

3

24 мая 1881. Пермь.

«*Сейчас получил твое письмо и тотчас же в конторе железной дороги сажусь отвечать на него. Я теперь стал очень туг на письма… между тем, твое письмо задело меня за живое: мысль, что письмо это будет идти к вам еще 2 недели, в течение которых ты и Мария Ефимовна можете думать, что я при подобном положении ваших дел, могу сделать что-либо, могущее разрушить ваши шансы на получение работы в «Слове» – эта мысль не дает мне покоя…. Очевидно также, что ты был в крайнем положении, я это видел*

ясно из твоего письма, и было бы бездушием портить еще твои дела, да еще вдобавок, когда ты не один, когда М. Е. больна, и когда вы нуждаетесь в работе. Нет, окончательно ты сделал предположение, которое глубоко меня оскорбило…. Если же я действительно написал что-либо неясное, что могло подать повод тебе написать твою просьбу, то прости меня и попроси прощения за меня у М. Е…. Обними за меня М. Е. и скажи, если ты высказывал и перед ней свои опасения насчет вмешательства моего в твои дела с редакцией «Слова», что ты меня оклеветал, и я против этого протестую…. Если бы «Чудную» напечатали, я был бы очень рад. Если не напечатают, – еще раз прошу: возьми ее и снеси в «Отечественные Записки»… Если напечатают, – Веле, конечно, нужны деньги. Затем, в виду родов и т. д., может, будут и М. Е… во избежание недоразумений и всяких предположений с твоей стороны – пусть решит этот вопрос М. Е». Далее В. Г. Короленко спрашивает брата: «*…Неужели «Слово» под цензурой?».*

Характерно, Владимир хотел помочь и сестре Веле, и брату Юлиану, у которого предполагалось появление наследника.

К сожалению, ожидания писателя, связанные с судьбой его очерков, не оправдались. В печати они так и не появились. Вообще, ссылка надолго прервала публикацию его произведений, которые стали появляться только в начале 1885 года.

Следующий пласт писем относится к периоду, когда в конце января 1885 года Короленко с семьей сестры Марии и младшим братом Илларионом после ссылки поселился в Нижнем Новгороде. Начинался новый этап в его творческой биографии.

2.

Юлиан Галактионович Короленко.
1879г.
Из собрания библиотеки
Коммун. Академии.

Иллюстрации

1.

Илларион Галактионович Короленко. 1879г.

4

- 1 февраля 1885. Нижний Новгород.

Дорогой Юлиан, нам тоже было очень досадно, что не пришлось попрощаться с тобой, и мы даже беспокоились, не случилось ли у вас чего-нибудь неожиданного.
К счастью, – теперь из твоего письма мы узнали, что дело объясняется проще – обычной нам всем короленковской рассеянностью…. Наши сильно интересуются здоровьем Мани (жена Ю. Г.). Какова она, и исполняет ли твои строгие предписания?.. мы с тобой виделись в Питере мало и даже поговорить хорошенько не успели. Я не успел также сказать тебе искреннее спасибо за то участие и доброту, с каким ты относился к мамаше и Мане (сестре). Из этого, конечно, не следует, что мы их не оценили. Напротив, – хотя впрочем, распространяться об этом не буду. Спасибо, брат. Обнимаю тебя, Маню и твоего наследника…. Перец тоже вас обоих обнимает заочно и просит Маню в свою очередь любить его и жаловать по-родственному. Пишите.

Письмо это адресовано в Петербург, где остался жить Юлиан Короленко. По каким-то причинам он опоздал к моменту отъезда своих родных в Нижний Новгород.

5

- 10 февраля 1885. Спб. Юлиану и М. Е.

«*…Не знаю, удивлю ли вас этим посланием или вы уже знаете о новом моем приключении – во всяком случае, шлю вам приветствие со Шпалерной…. Я в действительности ничего не совершил, то ясно, что*

добродетель моя восторжествует и невинность возблистает, после чего мы с вами и увидимся…. Надеюсь, что ваше здоровье с мая не ухудшилось. Напишите мне оба хоть по несколько строчек».

1 февраля1885 года В. Г. Короленко неожиданно вновь был арестован в Нижнем по подозрению в насаждении нелегальных организаций.

6 февраля был увезен в Пб…. Оказалось, что его спутали с кем-то и через несколько дней он был отпущен на свободу (см. «Историю моего современника». Т. 4. Гл. 11).

6

- 30 марта 1885. Нижний**.**

«*Дорогой Юлиан. В нашем положении пока существенных перемен не произошло…я – один без определенных занятий… книжка «Русской мысли» с моим рассказом уже вышла…. Что касается до предложения со стороны ред. «Дела», то, конечно, я согласен с большим удовольствием, хотя письма еще не получал. Будет ли «Дело» подцензурным журналом, как и прежде или нет? Вообще сообщи, что знаешь об этом журнале и предполагаемом составе сотрудников. Следующие мои работы я так и буду готовить в «Дело». Поцелуй за меня Маню и Володю. Перчик просит о том же…»*

Рассказ «Сон Макара» был напечатан в Русской мысли (1885. № 3).

«Дело» – это был журнал, руководимый Г. Е. Благосветловым. В 1885 году вышла в свет одна книжка журнала. В дальнейшем журнал выходил с перерывами. А в 1888 году прекратил свое существование. Произведения Короленко в этом журнале не печатались.

1995. – 519 с.: С. 130–132.
7. http://ru.wikipedia.org/wiki
8. М. Коломенкина. 50-летний юбилей Короленко в Полтаве. – Голос минувшего 1914. № 7. С. 107–137.
9. http://futurum-art.ru/autors/andreevskaya.php
10. http://www.poesis.ru/poeti-poezia/andreevskaja/biograph.htm
11. http://www.laidinen.ru/women.php?code=2722
12. Сосновская Елена Михайловна (1903–1979) – лаборант ПИНа АН СССР. :http://noogen.2084.ru/iefremov/Academy/name_index..
13. С. В. Короленко. Книга об отце. – Ижевск. Изд-во Удмуртия. 1968. С. 52–53.
14. М. Сосновский. Письмо Ленину. – Новая газета. 2003, от 30. 1. № 7.
15. В. Г. Короленко. История моего современника. – М. 1965. С. 934.
16. Южная Россия. – Николаев. 1903, от 5 августа.
17. Мир Божий. 1903. № 9. Отд. 2. С. 15–18.
18. М. Юдина. Обреченная абстракции, символике и бесплотной музыке.: Переписка 1946 – 1955. – М. 2008. С. 285–286.
19. Поэзия. Альманах. – М. 1986. № 44.
20. Краткая литературная энциклопедия. – М. 1971. Т.6. С. 107–110.
21. Лит. обозрение. 1991. № 5.
22. Лидия Егорова о М. И. Андреевской. http://www.st-tatiana.ru/text/32422.html

Десять лет в провинции. – Ижевск. 1966.с.5-7.
2. Короленко В. Г. Письма к П. С. Ивановской. – М. 1930. С. 166, 239, 260.
3. Короленко В. Г. Письма к А. Г. Горнфельду. – Пг. 1924. С. 156, 158, 159, 190, 191.
4. Т. Милютина. Люди моей жизни. – Тарту. 1997. С. 186–193.
5. Н. Б. Богданова. Мой отец – меньшевик. – М. 1994.
6. П. Н. Негретов. Все дороги ведут на Воркуту. – Вермонт:, 1985. – 235 с.
7. Л. Гейштор. Вблизи Короленко. – Полтава. 2001. С. 75–79.
8. Л. Гейштор. Вблизи Короленко. – Полтава. 2001. С. 56, 57, 60, 61, 63, 65, 67, 68, 71.
9. Короленко. Письма к П. С. Ивановской. – М. 1930. С. 206, 210, 226.
10. Русская мысль. 1915. № 8. Отд. 2. С. 50 – 71.
11. Літературна Полтавщина. 1966.

Глава 8.

1. Воспоминания: Мария Андреева, Анна Можайская.
http://www.krotov.info/history/20/andreeva.html - Восстановить текст - www.krotov.
2. socialist.memo.ru/books/html/leont02.htm Российские социалисты и анархисты после Октября 1917 года
3. *материалы сайта "Народная Воля" - http://www.narovol.narod.ru/*
4. www.hrono.ru/biograf/bio_n/narvolas.html - 38k
5. http://narovol.narod.ru/Person/person17_2.htm *http://www.narovol.narod.ru/*
6. Лихачев Д. С. Воспоминания. – СПб.: Logos,

7

- Весна 1885 года. Нижний**.**

«*Дорогой Юлиан. Посылаю тебе письмо Приклонского. Из него ты увидишь, о чем он просит. Ему я пишу, что ты служишь не в книжном магазине, и что едва ли теперь найдется у тебя время. Впрочем, все же передаю тебе его просьбу – поступи как найдешь лучшим. Пока крепко тебя обнимаю. Все шлют Мане и тебе привет».*

Видимо, в какой-то момент Юлиан непродолжительное время работал и в книжном магазине.

8

- 19 апреля 1885 года**.**

«*…поверь, дорогой Юлиан, что твое горе – есть вместе и наше общее горе, что твое искреннее доброе отношение ко всем нам, а также доброта твоей покойной жены… Ее бесхитростная родственная привязанность – все это, особенно в последний год, крепко связали нас с тобой такой хорошей связью, которая, я уверен, никогда уже не ослабнет. Очень тяжело отозвалась потеря твоей Мани на нас всех, и даже Перчик, лично ее не знавший, и как ты знаешь, вообще крепкий нервами и не особенно чувствительный, был огорчен искренно и сильно. Поездка мамаши явилась общим нашим побуждением. Мы думали, что тебе, наверное, несколько легче будет в ее присутствии. Пожалуйста, дорогой Юлиан. Не посылай денег…. Теперь мы выбиваемся…»*

Из этого текста стало известно, что пришло время горьких и скорбных переживаний Юлиана, потерявшего

жену и оставшегося вдовцом с маленьким мальчиком на руках. Его сыну Владимиру, названному в честь Владимира Галактионовича, было всего четыре года.

9

- 6 мая 1885 года. Нижний**.**

«*Дорогой Юлиан, я не мог ответить тебе тотчас, потому что во время получения твоего письма я жил на пристани и все время у меня было занято. Теперь я счел более выгодным бросить это занятие, а на мое место поступил Перчик, который теперь и тянет (бедняга!) эту нелегкую лямку.*

Из твоего письма мы видим, дорогой Юлиан, как угнетает тебя твое горе. Мы все понимаем, конечно, как оно тяжело, но ведь нужно же бороться с ним, нужно постараться сбросить с себя этот гнет. Я понимаю также вполне твое желание никогда не забывать о своей потере. Маня была хороший человек, и помнить о ней, ее влиянии, конечно, нужно, да и нельзя не помнить. Но слишком поддаваться обессиливающему влиянию горя – это и вредно, и не может соответствовать тем задачам, которые лежат на тебе, и исполнения которых требует от тебя ее память. Не поддавайся же отчаянию, не раскапывай, не береди в своей душе тяжелой боли, живи, оставаясь тем, что ты теперь, сохраняя все лучшее, что выработал ты в годы своего счастья.

Как бы хотелось нам всем видеть тебя у нас – среди нас, наверное, тебе было бы легче переносить это горе. Пиши почаще… все мы тебя обнимаем…»

Однако Юлиан по какой-то причине так и не смог приехать к родным в Нижний. Свое горе он переживал в одиночестве. Но письма брата хоть немного смягчали его печаль.

22. В. Г. Короленко. Письма к А. В. Луначарскому. – Париж. – Задруга. 1922.

Глава 6.

1. В. Г. Короленко. Дневник. Т. 1. – Х.1925**.** С. 129.
2. В. Г. Короленко. Дневник (1893–1894)**.** – Полтава. Гос. Издательство. 1926. Т. 2.
3. В. Г. Короленко. Дневник (1895–1898)**.** – Полтава. Гос. Издательство. 1927. Т.3.
4. В. Г. Короленко. Дневник (1898–1903)**.** – Полтава. ГИЗ. 1928. Т. 4.
5. В. Г. Короленко. Записные книжки(1880-1900).Ред. и примечания С.В.Короленко. Предисловие А. Г. Горнфельда. – М. 1935.
6. С. В. Короленко. Книга об отце. – Ижевск. 1968.
7. В. Г. Короленко. Избранные письма в 3-х томах . – М.1932-1935.. Т. 1–3**.**
8. П. И. Негретов. В. Г. Короленко. Летопись жизни и творчества (1917–1921). Под ред. А. В. Храбровицкого. – М. Книга. 1990. – 288 с. (О С. В. С. 116, 132, 151, 170, 191, 193, 198, 201 – 202, 270)**.**
9. http://www.zn.ua
10. С.В. Короленко. 10 лет в провинции. – Ижевск. 1966.-219с.
11. Л. К. Гейштор. Вблизи Короленко. – Полтава. 2001. С. 12, 14, 17, 18, 21, 23 – 39**.**
12. В. Г. Короленко. Из дневников 1917–1919**.** – Память. Исторический сб. Вып. 2. Париж. 1979. С. 374–421**.**
13. В. Г. Короленко в воспоминаниях современников. – М. 1962.

Глава 7.

1. Г. Бялый. Предисловие к книге С. В. Короленко.

2003.vernadsky.info/works/g7/03475.html · 16 КБ
2. И. Ф. Масанов. Словарь псевдонимов. – М. 1960. Т. 4. С. 246.
3. В. Г. Короленко. История моего современника. – М. 1930. Т. 1. Примечания.
4. П. Ротач. Короленківський зб. 2006. С. 155.
5. http://www.vita.org.ru/veg/veg-literature/williams-ethics
6. http://www.esmnn.ru/library/dugin/basics_geopoliti...
7. - http://www.iek.edu.ru/progs/pvzver2.htm - Восстановить текст - www.iek.edu.ru (
8. http://ontoimago.spb.ru/article_033.html - ontoimago.spb.ru
9. Лучший материал для его характеристики дают изданные его вдовою из его записок «Ma jeunesse» (1884).
10. (А. В.) «Новая книга о Мишле». – «Вестник Европы», 1884. № 12.
11. О Мишле. – «Русская мысль». 1886. № 12.
12. В. И. Герье. «Народник во французской историографии». – «Вестник Европы». 1896. № 3 и № 4.
13. http://ru.wikipedia.org/wiki/
14. http://folbrock.ru/hatton/page314.html
15. http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000834/st007.shtml
16. http://book.narod.ru/medicina/tekst/15.html - Восстановить текст - book.narod.ru
17. vive-liberta.narod.ru/biblio/mich_gerie_2.htm · 166 КБ
18. www.peoples.ru/science/history/jules_michelet/ · 34 КБ
19. aldebaran.ru/zproz/byatt/byatt1/?15 58 КБ
21. www.krotov.info/history/19/55/laviss_23.htm · 227 КБ

10

- 16 октября 1885 года.

«*Дорогой Юлиан, давненько что-то ты не писал, хотя мы на твое последнее письмо ответили тотчас же, и ты должен был получить ответ. Каково – то ты поживаешь?*
У нас, брат, все по-старому, изо дня в день, без приключений и очень однообразно…. Ты, брат, живешь все-таки в столице, у очага всяких общественно – политических новостей. Сообщай, что узнаешь интересного, в особенности из закулисной «истории литературы». Что говорят о «Северном вестнике»?
Чем объясняется, например, редкая благосклонность к этому журналу со стороны «Нового времени»?..
К великому сожалению, не мог я тебе послать оттиска моего рассказа в «Северном Вестнике», потому что мне и самому не прислали. Надеюсь, в Петербурге тебе было не особенно трудно достать эту книжку?
Перчик тебя обнимает. Теперь он еще отправляет свои обязанности на пристани, но скоро или получит другие занятия в конторе, или останется не у дел на всю зиму.
… если бы можно было, я бы приехал в Питер, да нельзя. К тому же пока и финансы мешают…. Пока, обнимаю тебя и Володьку. Твой Володя».
Писателю явно не хватает хотя бы письменного общения со старшим братом.

11

- 23 января 1886 года. Нижний.

«*Дорогой мой Юлиан. Ужасно жалеем все, что не увидим тебя здесь во время свадьбы (мы ее справляем самым незатейливым образом)…*

... с оттиском опять затянулось: я написал об них Южакову, а он, оказывается, уехал в Одессу. Пишу опять в редакцию»…. В последней книжке «Русской мысли» появился мой небольшой рассказ (Русская мысль. 1886. № 1. «Лес шумит»). Через неделю или полторы мне вышлют оттиски (обыкновенно они запаздывают), до тех пор не подозревай меня, пожалуйста, в небрежности. Рассказ этот написан совсем таки по заказу: объявления об нем в газетах появились, когда он еще не был кончен, и мне пришлось порядочно таки испортить себе крови срочной работой. Если рецензенты его «распушат», то это будет иметь основания, – это собственно художественная безделка. Крепко обнимаю тебя, дорогой Юлиан, поцелуй Володьке. Неужели же и летом мы не увидимся?».

***

Свадьба Короленко состоялась 27 января 1886 года. Он не только постоянно посвящал брата в свои издательские дела, но и просил его о своеобразном посредничестве и помощи.

По-видимому, речь идет о рассказе «Соколинец», напечатанном в декабрьском номере журнала «Северный вестник» за 1885 год. Рассказ имел подзаголовок «Из рассказов о бродягах». В то время о сибирских бродягах писали многие беллетристы и очеркисты; публицисты писали о них как о жертвах судьбы и жизненных обстоятельств. Однако в них все-таки крепко и глубоко, хотя и затаенно даже для себя самих, сохранялось вечное сознание собственного человеческого права на жизнь и счастье. Именно с таких позиций Короленко как писатель и создавал свое произведение.

12

Барнаул: Изд-во АГУ. 1999.
13. БАБР.RU-Сибирь - Региональный информационный центр :: Новости :: Иркутскhttp://www.babr.ru/index.php?pt=news&event=v1&
14. http://babr.ru/?pt=news&event=v1&IDE=30301
15. http://www.strana-oz.ru/?numid=39&article
16. http://znl.boom.ru/bibl/Hakmd.htm - Восстановить текст
17. www.polit.ru/research/2007/11/19/milchina.html - 79k -
18. http://www.library.ru/1/local_uprav/text/article.php?a_uid=23
19. znanie-vlast.ru/archove/prilog/znan280pl.pdf - Похожие страницы
20. MoiGorod.ru*http://www.moigorod.ru*http://hbr.moigorod.ru/news/browse.asp?date=23.8.2007&type=-1
21. next.feb-web.ru/feb/tolstoy/critics/lg2/lg23153-.htm az.lib.ru/t/tolstoj_lew_nikolaewich/text_1100.shtml 699 КБ
22. feb-web.ru/feben/pushkin/serial/v39/v39-546-.htm 22 КБ
23. http://www.hronos.km.ru/libris/lib_m/milyukovhttp://www.vremya.ru/2007/208
24. http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/v39/v39-546-.htm
25. http://wwwold.asu.ru/~sokol/server/resours/article/applicat/charlam.html

Глава 5.

1. Ж. Мишле. Птица. Пер. со 2-го французского издания. – Спб. 1878.
1. В. И. Вернадский. Дневник. 1924.

http://www.coast.ru/priboy/64.htmв

Глава 4.

1. В. Г. Короленко. История моего современника. – М. 1930.
2. Легра Жюль. Несколько посещений Толстого // Л. Н. Толстой и зарубежный мир: В 2 кн. М., ЛН. Т. 75. Толстой и зарубежный мир. Кн. 2. 1965. С. 7 – 18, 65, 72 – 73.
3. М. П.Чехов. Воспоминания М.П. С. 204.
4. http://www.my-chekhov.com/ru/memuars/chekhov10.shtml
5. С. П. Мельгунов. Трагедия адмирала Колчака. - М. 2004. Кн. 1. С. 103, 423, 437, 455, 456, 464, 484, 507, 521.
6. Отечественные записки. 2007. № 5.
7. В. П. Кладова. Барнаул в книге Жюля Легра «По Сибири»: (Из фонда редких книг АКУНБ им. В. Я. Шишкова) // Барнаул. 1999. № 3–4. С. 165.
8. http://www.strana-oz.ru/?numid=39&article=1551
9. Lib.ru/Классика: Толстой Лев Николаевич. Том 67, Письма 1894, Полное собрание Baz.lib.ru/t/tolstoj_lew_nikolaewich/text_1100.shtml - 699k
10. http://wwwold.asu.ru/~sokol/server/resours/article/applicat/charlam.html#legra

11. В. П. Кладова. ИЗ ИСТОРИИ БИБЛИОТЕКИ ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ИССЛЕДОВАНИЯ АЛТАЯ http://elib.altstu.ru/elib/books/Files/1999-01/HTML/33/pap_33.html
12. География и природопользование Сибири: Сборник статей. Вып. 3. /Под ред. Барышникова Г. Я.

- 1 февраля 1886 года.

«*Прости, что мы не ответили на твою телеграмму тотчас же…. Теперь мы оба с Дуней в Москве, остановились в гостинице, на свободе отдыхаем от сутолоки и суеты, которыми сопровождалась свадьба. Я хожу днем в библиотеку, а по вечерам уходим куда-нибудь «в гости» вместе с Дуней…. Мое чувство к Дуне – давнее, «застарелое» чувство, но еще до высылки из Петербурга я убедился, было, что из этого чувства ничего не выйдет. Затем я с ним сладил, и вернувшись, думал встретить в ней просто друга и сестру. Вышло иначе, и когда я заметил, что в ней пробудилось другое совсем отношение ко мне, тогда и во мне старое воскресло с прежней силой, насколько, впрочем, это допускает солидный возраст. Вот тебе, брат, моя история, т. е. собственно история моей женитьбы. Я, конечно, рад, счастлив и т. д., и главное – надеюсь на мирное, спокойное счастье с ней (конечно, это я говорю только о мире и спокойствии наших взаимных отношений. Остальное – в руце божией)…. Ты уже, вероятно, получил оттиск рассказа «Лес шумит» (в Русской мысли). Это собственно художественная безделка, которую, впрочем, здешняя московская публика встретила очень радушно…*»

13

- 1886 год. Нижний.

«*Дорогой Юлиан, не хватает духу ругаться, хотя, если сказать правду, и стоило бы. Впрочем, м. б., ты вперед и исправишься – право, дорогой мой, это совершенно излишне, а тратишься ты много* (Ю. Г. прислал жене В. Г. подарок – С.Ш.).
… что касается издания, то я действительно получаю

об этом с разных сторон запросы. Думаю, однако, что еще раненько – не обождать ли хоть до будущей осени. В это время я постараюсь написать еще что-нибудь такое, что больше определило бы мою, весьма еще не определенную литературную физиономию…. Кстати, почему-то это ты так уклоняешься от всякого посредничества… мы с тобой оба далеко не практики, и потому, действительно, мне приятнее было бы вести дело, хотя и не на особо выгодных условиях, но с людьми, от которых нельзя ждать подвоха. А в таком случае – и ты, и я одинаково можем вести дело…. Много бы можно было рассказать тебе о Москве, т. к. я познакомился там, так сказать, с цветом московской интеллигенции (между прочим, с Толстым). Постарайся вырваться хоть на время к нам, то-то наговоримся. А пока обнимаю тебя крепко и Володю тоже.

… сейчас получили мы твою посылку, и по этому поводу приходится с тобой ругаться… ты наших ребят просто засыпал всякими игрушками и книгами. Все это очень хорошо, и выбрано по большей части очень удачно, но ведь это стоит больших денег, а твои дела, я знаю, не блестящи…. Не шутя, пожалуйста, не разоряйся…»

В письмах к старшему брату Владимир Галактионович неоднократно высказывал искреннее возмущение щедрыми подарками и «расточительностью» Юлиана, а скорее, просто его желанием быть полезным родным.

14

- Март 1886 года. Нижний.

«*Дорогой мой Юлиан, не сердись, пожалуйста, на меня, что я пишу так редко, да и то понемногу.*

М. 1932.. Т. 1. (Путешествия 1887-1903). С. 52, 54, 126, 151, 156, 167, 170, 174.
9.Архив Земли и Воли и Народной воли. – М. 1932. С. 162, 179–180.
10.Воспоминания о Корнее Чуковском. – М. Советский писатель. 1977.
12. *http://www.narovol.narod.ru/*
13. az.lib.ru/k/korolenko_w_g/text_0520-1.shtml
14. http://www.kurortinfo.ru/blacksee/gelen/dzhanhot.htm
15. www.vdivnomorsk.ru
16. turizm-online.info/dzhanhot/
17. http://az.lib.ru/m/mihajlowskij_n_k/text_0040.shtml
18. http://www.5ka.ru/1/133/1.html
19. www.litportal.ru/genre215/author4130/read/page/29.
20. Родина. 2003. № 2.
21. www.coast.ru/category/history_of_gelendzhik/muzeyu_v.h._korolenko
22. www.trud.ru/trud.php?id=200012062280805 - 25k
23. gkaf.narod.ru/kirillov/oral/07beilis.html - 68k
24. http://tbalueva.narod.ru
25. http://archives.maillist.ru/81773/410947.html
26. http://baza.vgd.ru/7/55088/
27. http://www.oldkyiv.org.ua/data/teatr_sqr.php?lang=ru
28. http://www.hronos.km.ru/biograf/bio_n/narvolak.html
29. http://interesniy.zhitomir.ua/zhitomirskoe-detstvo-vladimira-korolenko/
30. http://www.biografija.ru/show_bio.aspx?id=66693
31. Ihttp://lib.ttknet.ru/koi/RUSSLIT/KOROLENKO/s_bejlis.txt
32. *http://www.russian-globe.com/N19/MeshBeilis1.htm*
33. OCR -htm http://www.chukfamily.ru/Kornei/Memories/mashinskiy
34. А. Колесникова**.** Второй и третий приезды.

5. Алексей Казаков. Соловки – Кемь – Медвежьегорск – Санкт- Петербург. – Челябинский рабочий. 2006. 25. 11.
6. Д. С. Лихачев. Заметки и наблюдения. – Л. 1989.
7. http://www.solovki.ca/camp_20/petrograd/gorbunov.php
8. Негретов П. И. Все дороги ведут на Воркуту. – Benson: Chalidze Publication, 1985. 235с.
9. П. И. Негретов. Короленко: Летопись жизни и творчества (1917–1921). Под ред. А. В. Храповицкого. – М. Изд-во Книга. 1990. С.115.
10. В. Г. Короленко. ПСС. Т. 10. Письма (1915–1921). (Машинопись в ГБЛ. Том не издан).
11. http://orthodoxy.org.ua/uk/poradi_miryaninu/2007/12/12/12771.html

Глава 3.

1. В. Г. Короленко. История моего современника.– Х. 1929. Полное посмертное собрание сочинений. Т.5.(Дополнения и материалы) С. 196.
2. В. Г. Короленко. «История моего современника». – М. 1930. Т. 1. С. 635.
3. В. Г. Короленко. История моего современника. – М. 1930. Т. 2, глава «Жизнь в Глазове.
4. В. Г. Короленко. Письма. (1879–1887). – Х. 1923. Кн. 1. Посмертное издание. – 235 с.
5. С. В. Короленко. Десять лет в провинции. – Ижевск. 1966. С. 17.
6. В. Г. Короленко. Письма к П. С. Ивановской. – М. 1930. С.16, 23, 31 – 32, 57, 68, 108, 130, 140, 142, 146, 152, 154, 159.
7. Нижегородский сборник: Памяти В. Г. Короленко. – Нижний Новгород. 1923. С. 84, 135.
8.. В. Г. Короленко. Избранные письма. В 3-х томах. –

Право, все как-то не приходится. Эти три месяца надо мной все висела необходимость окончить «Музыканта», и когда я написал рассказ, то радовался, что могу хоть на время не видеть почтовой бумаги…. А тут еще, я чувствую, что действительно тебе должно быть очень интересно мое свидание с Толстым…. Теперь музыкант мой окончен и сдан несколько дней назад, но на меня надвигается другая задача, – нужно написать рассказ для «Северного Вестника» в майской книжке…. С мая у меня будет меньше работы, и я тебе опишу подробно и Толстого, и его антураж.

… Пока соберусь написать о Толстом подробно – передам общее впечатление: гора, говорят, всегда величественнее на расстоянии, так и гора – человек. Толстой уже сильно стар, но бодр и крепок. Сам он производит хорошее впечатление, но окружен он был в то время, как я был у него,… каким-то ужасно сумбурным народом… все эти лица боле толстовцы, чем сам Толстой, и в их присутствии с Толстым разговаривать невозможно. Они не дают ему и задуматься над чужим возражением, а тотчас же вываливают готовые на всякий случай формулы и примеры….Что касается до учения Льва Николаевича, то, признавая многие стороны его замечательно остроумными, часто симпатичными, – я все же не могу без досады читать постоянные расшаркивания перед ним: гений! Величие! А этот гений и валит не в свою голову, толкует о вещах, в которых ни аза не смыслит и ниоткуда не слышит слова правды или эти слова заглушаются расшаркиваниями и фимиамом приверженцев… вообще, признаюсь, просидев у Толстого до 2-х часов ночи (меня все удерживал Златовратский) – я вышел от него как угорелый от ужасной атмосферы взаимных восхвалений и игры слов и формул. Таково мое впечатление. Толстой пошел нас провожать, но я шел уже все время поодаль, чтобы не

слушать этого ужасно утомительного повторения все одного и того же на разные лады. Вдобавок, брат, – я теперь не заметил и тени тех нравственных мучений, которые так ясно сквозят в его писаниях. Наоборот, – ужасная уравновешенность и… самодовольство. Ну, крепко тебя обнимаю. Твой Володя. Приезжай непременно. Если зависит от тебя, наблюди, чтобы газету выслали скорее».

Это письмо чрезвычайно важное, поскольку оно раскрывает первое впечатление писателя от знакомства со Львом Толстым. Строки письма впечатляют своей открытостью.

15

- 9 апреля 1886 года.

«*Дорогой Юлиан. При этом письме я прилагаю корреспонденцию, которую прошу тебя передать в «Новое время», и если возможно, попроси напечатать поскорее, т. к. она имеет интерес минуты и интерес животрепещущий, в особенности, для Нижнего…»*

В который раз писатель обращается к брату за помощью в своих издательских делах. В данном случае речь идет о вполне конкретном деле – корреспонденции, подписанной инициалами, а не полной фамилией автора, которая была напечатана 13 апреля 1886 года в «Новом времени» (№ 3636) под заглавием «Некоторые странности Сормовского дела».

16

- 18 апреля.

«Дорогой мой Юлиан. Спасибо тебе. Теперь опять посылаю вторую корреспонденцию…. Возьми на себя посредничество до конца».

Список литературы

Глава 1.

1. В. Г. Короленко. История моего современника. – М.1935. Ч.5. Гл.29. С. 348–363.
2. В. Г. Короленко. История моего современника. Т.1. – М–Л. 1930. С. 635., прим.
3. В. Г. Короленко. Истории моего современника. – М. 1965. С. 458, 994.
4. С. В. Короленко. 10 лет в провинции. – Ижевск. 1966. – 382 с.
5. В. Г. Короленко. Полное посмертное собрание сочинений. Письма (1879–1887).т.1 – Х. 1923. С. 70, 73, 77, 80 – 81, 84 – 85, 91 – 92, 112 – 122, 127 – 128, 130, 137 – 138, 141 – 142, 145, 155 – 157, 159, 176, 178, 191.
6. П. Ротач. Доля особистої бібліотеки В. Г. Короленка. – Короленківський зб. Наукові статті та матеріали. – Х.2006. С.155.
7. «Исторический вестник». 1905., январь. Т. 99. С. 376–377.
8. В. Г. Короленко: «Мой брат делается писателем». – В кн. «История моего современника». – М. 1935. Ч. 5. Гл. 29. С. 348–363.

Глава 2.

1. http://www.hronos.km.ru/biograf/bio_n/narvolak.html
2. orthodoxy.org.ua/uk/poradi_miryaninu/2007/12/12/12771.html – 60k
3. http://www.biografija.ru/show_bio.aspx?id=66692
4. Александр Солженицын. «Архипелаг ГУЛАГ». Гл. 2. Архипелаг возникает из моря. *YMCA–PRESS, Paris, 1973.*

За смертною чертой душа жива –
Не в мёртвом сне, а движется любовью,
Ведомая Звездою Рождества,
Дай ощутить в земной глухой судьбе,
Как Ты ведёшь и светишь за могилой,
Как Ты снимаешь благодатной силой
Печаль со лба, приникшего к Тебе.

В сияющую высоту Спасенья
Душе последний открывая путь,
И здешней, горестной любви биенье
Нас научи в подмогу протянуть.

2 января 1975

Писатель просит об изменении финала второй корреспонденции. Он пишет: «*…наш долг, как хроникера местной жизни, – критическое отношение ко всем явлениям местной жизни, в том числе и к самой комиссии…*»

Подобного рода «посредничество» в их жизненных, да и творческих делах представляются важным моментом.

17

- Лето 1886 года.

«*Так как дело о переводе уже решено, то, что же делать, остается только желать, чтобы оно устроилось получше…*
Положим, что действительные обстоятельства и условия приглашения таковы, что, вероятно, дело уладится хорошо. Работы будет меньше, досуга больше. Может быть, ты оттуда начнешь писать что-нибудь. Смотри, когда в первое время покажется слишком трудно, – не унывай. Я много перебрал новых профессий, и каждая из них поначалу оказывается гораздо труднее, чем казалось. Но когда войдешь в колею, то опять удивляешься, что тут казалось трудным.
… не помню, ответил ли я тебе насчет перевода (ты писал, что какая-то дама хочет перевести на немецкий язык что-то из моих рассказов) – я, конечно, ничего не имею против, да и не могу иметь…»

В этом письме речь идет о переходе Юлиана на другую службу и слова поддержки ему были крайне необходимы. Такие конкретные биографические подробности дополняют уже известные сведения о Юлиане Галактионовиче как, безусловно, одаренном человеке, который так и не раскрыл себя до конца.

Призыв Владимира Короленко «*что-нибудь писать*» в данном случае весьма выразителен.

18

- Август 1886 года.

«*Дорогой Юлиан. Неужели ты таки устроишь побывку к нам? Вот был бы молодчина! Для всех нас это было бы, брат, истинным праздником. Будем надеяться…*

… в то время, когда мамаша была у вас, я поехал было в Москву, хотел поработать там в библиотеке…

Обнимаю тебя и Володьку.

… мне приходит все в голову вопрос, почему бы тебе не присоединить к своим занятиям и литературу. Сначала слегка, а потом все больше; может быть, и удалось бы заменить ею твою теперешнюю работу или, во всяком случае, уразнообразить ее.

Я все не могу забыть, что ведь первые толчки мысли, направившие меня по этому пути, – я получил от тебя же, ты очень долго шел в этом направлении впереди меня, и я отлично помню, как некоторые из твоих мыслей, твои аргументы в горячих «харалужских» спорах поднимали во мне целые вереницы новых идей.

Литературные способности у тебя несомненны, и я думаю теперь все еще можно ими воспользоваться. Правда, я, брат, не желал бы для тебя литературной работы как единственной профессии, т. к. и самому себе этого не желал бы.

Теперь приходится поневоле, но при первой возможности я непременно подыщу себе другое ремесло, которое бы оставляло только досуг.

Мне было бы очень интересно знать твой отзыв о моей работе, отзыв по - возможности объективный, отрешенный от «братского пристрастия». Я уверен, что ты мог бы сделать очень меткие указания.

Защита человеку от неволи,
Спасенье от безумия и боли,
Берущих в свой жестокий оборот!

Какая сила – смерть: она зовёт
В высокий строй работы и молитвы
И очищает праведностью битвы
Душевный окоём и небосвод.

Какая мера – смерть: она даёт
Оставшимся крутой масштаб потери
И стережёт, как ангел, наши двери
От мелочности суетных невзгод.

Какая правда – смерть: она кладёт
Предел самообману...

С 1 на 2 сентября 1974

8

Прими нас, Господи, идущих по дороге
Из новогодней тьмы, из самой долгой тьмы,
Мощёной страхом и тоской о Боге
И суетой столичной кутерьмы.

Расслышать дай за шумом наших улиц,
За блеском магазинов и реклам,
Как песни ангелов Твоих проснулись,
Как полон голосов небесный храм.

Верни нам, Господи, способность к свету.
Не доходя ли, перейдя ль черту, –
Прими нас всех – тех, кто ещё по эту,
И тех, которые уже по ту.

Дай знать, что там, искупленная кровью,

Запах трав. Кустов молчанье.
Шорох павшего листа.

1956

6.

Кругом неистощимый лабиринт.
Все стены, стены — мертвая помеха.
Фонарь огнем тускнеющим горит,
И звук шагов усиливает эхо.

А коридор и узок и глубок,
Ритмичность перекрестков безотрадна.
На этот раз спасительный клубок
Сюда не посылала Ариадна.

И не следит заботливый Зевес,
И не ободрят греческие лавры,
И предстоит без помощи чудес
Сражаться в подземелье Минотавра.

1958

7.

Ночью с открытым балконом

Лакает дождик, как больной щенок,
Из лужиц воду с отраженьем листьев.

За темной шевелящейся листвой
Мелькает небо, полное зарниц.

А на земле, внизу, под тополями
Темно и сыро тихому щенку.
888
Какая сила – смерть: её приход –

…Крепко тебя обнимаю, дорогой мой, тебя и Володьку. Перчик тебя целует и приглашает есть гречневую кашу вместе».

Для понимания того, какое значительное место в творческой жизни писателя в первый период его деятельности занимал старший брат, это письмо чрезвычайно важно.

С другой стороны, интересны и мысли Владимира Галактионовича о литературной одаренности Юлиана и о необходимости развивать его способности.

19

- 19 сентября 1886 года.

«… я совсем не знаю твоей теперешней невесты, и поэтому и ты, и она, наверное, мне простите, если я выскажу некоторые – не то что сомнения, но предположения возможностей, которых может быть и не будет.
…твоя будущая жена принимает с тобой эти обязанности. Она обязана стать по – возможности для ребенка матерью, а не мачехой…
… Я знаю твою способность отдаваться всецело чувству к человеку. У тебя, прости мне братскую откровенность, недостаточно выдержки и умения регулировать свои симпатии, распределяя их в должных размерах: одна страсть всегда берет у тебя перевес над всеми остальными. Вот я и боюсь за Володю, а т. к. в Володе я люблю тоже тебя (его я совсем не знаю), то я боюсь за тебя… помни, что раньше, чем жениться на ней, ты являешься отцом, и она станет матерью, став твоей женой. Помни, что не ребенок обязан полюбить новую мать (приказать ему полюбить ее невозможно, а мать должна сама взять эту привязанность, и в нем, в Володе, будет или суд, или одобрение твоего

поступка… если твоя жена станет для него мачехой в обычном значении слова, и если у тебя не хватит для него любви и ты станешь глядеть ее глазами… между прочим в этом и будет страшное преступление перед памятью Мани. Ты знаешь, что я человек без предрассудков. Но эту-то связь, эти обязанности, налагаемые мертвым на живого, я признаю во всем их объеме… я горячо желаю, чтобы ты действительно нашел любящего человека. Это тебе необходимо. Но все же я боюсь, и это чувство ты не можешь не признать натуральным, если взглянешь с нашей точки зрения.
… В Володе – все решение этого дела, а ребенок не может лгать. Его нельзя заставить изречь пристрастный приговор. Дело, конечно, не в баловстве, дело – в любви, в любви равной со своими будущими детьми».

В данном случае в разрешении назревших личных проблем Юлиана Владимир выступает как старший. И делает он это тонко и как можно деликатнее.

20

- 23 октября 1886 года.

«*Дорогой мой Юлиан. Только вчера вернулся из Москвы. Сегодня отвечаю тебе. Очень жалею, что все-таки ты получишь деньги не так скоро, как тебе, вероятно, нужно. И при том я думаю, что эти 30 рублей тебе очень мало… теперь мы никак не можем послать столько, сколько бы хотелось, чтобы вывести тебя из затруднения. Я давно ничего не печатал. А тут предстоят роды Дуни… не взыщи, дорогой Юлиан…. Ужасно ты, брат, нас беспокоишь. Ради Бога, постарайся овладеть собой и отнестись к своему положению с обдуманностию и возможным хладнокровием. Признаюсь, мне кажется, что человек,*

3.

Мама,
Мы — от Адама?
Нет, сынок мы — От Фомы.
Мы от него, неверы,
Нам бы персты вкладывать.
Схоронен? — Покажи пещеру.
Спускался в геенну? , — А дырка адовая
Где?

4.

Господи, спасай меня сегодня
За руку — пускай хрустит тащи.
А не то я поскользнусь на сходнях,
Упаду во мрак своей души.
Господи, захлопнуться не дай мне,
Щелку в двери кованной оставь.
Не сомкни вокруг меня в молчанье
Эту твердокаменную явь.
Господи, держи меня в ладонях,
Руку от души не отними.
Воздуха глоток на перегоне
Дай мне между небом и людьми.

5.

Ельник, пальцы растопырив,
Паутинится в овраге.

В алых блюдцах сыроежек
Влага капель налита.

И гирляндами поганок
Ярко вышит мох кудрявый.

Приложение:

Стихи М.И. Андреевской.

(Мария Андреевская. *Стихотворения и поэма.* М., 1992.)

1.

Дождь не поможет нам оплакивать друг друга:
Вас — и тьма другая и заря.
А мы — еще внутри земного круга
«Надгробное рыдание» творя
Слезами, и цветами, и словами,
И выпитое горечью вина……

Стучались — Вы.
Отверзлось — перед Вами.
А перед нами — тайна и стена.

2.

Я не спрошенный камень старинных былин,
Искрошившихся слов не прочесть,
По которым в краю богатырских равнин
Выбирали позор или честь.

Я не спрошенный камень,
И с криком внутри
Затерялся в траве у дорог.
И не кошенный пламень
Цветочной зари
Догорает у каменных ног.

который тебя любит серьезно, – думал бы больше о твоем положении. Любящая и будущая жена должна бы дорожить всем, от чего зависит твое будущее, а между тем….
Прости меня, дорогой мой, прости эти резкие сомнения ради моей любви к тебе. Я не знаю точно, в чем тут дело, но мне кажется, что ты мечешься из Вильно в Петербург и обратно из-за женских нервов и капризов. Помни, дорогой Юлиан, что ты мужчина и отец.
Ты должен управлять и направлять дела, а не поддаваться минутным настроениям. Ты должен иметь в виду – сделать то или другое, жениться, так жениться! Но для этого нужно побеждать всякое нервничание и вспышки, которые, прости мне, я не могу не чувствовать в подкладке всех этих передряг.
Свою любовь ты можешь доказать делом, если победишь все препятствия. Но доказывать любовь – угождением всякой прихоти, хотя бы это вредило главной цели, – это недостойно мужчины.
Твоя Маня заботилась о твоем достоинстве и твоих делах. Вот что значит любовь жены. А теперешняя твоя невеста, мне кажется, начинает не так.
Еще раз обнимаю тебя и прошу – не сердись на меня. Я не был бы твоим братом и другом, если бы у меня не хватило духу высказать свои сомнения, в виду грозящей тебе, по моему мнению, опасности.
Что касается твоего начальника, то, конечно, это очень неприятная ошибка. Но с этим все легче справиться. Ты не знаешь, что значит казенная служба. Каждый день отпуска – на счету. Интриги, подкапывания – все это в порядке вещей. Не бросай, смотри, очертя голову! Эх, жаль, что ты бросил «Новое время». Ну, да авось все перемелется, только будь тверже. Дай Бог, чтобы я ошибся, но, во всяком случае, не давай играть собой».

Из письма становится ясно, что прошло всего

немногим более года, как Юлиан решил вновь устроить свою личную жизнь. И в данной ситуации он советуется с братом, который, конечно, не мог остаться сторонним наблюдателем. В деликатной форме он высказывает ряд сомнений в правильности выбора невесты. Он высказывает доводы, от которых Юлиан не мог просто так отмахнуться. В итоге, Юлиан принял решение повременить со вторым браком. И время показало, что это решение было правильным.

21

- 29 ноября 1886 года.

«*Обнимаю тебя, дорогой мой Юлиан, но писать сегодня некогда, нездоров что-то, да и дело есть. Поцелуй Володю. Пиши, как твои дела… Оттисков последнего рассказа мне еще не прислали. Когда пришлют – я тебе вышлю тоже».*

Их письменное общение то затихало, то усиливалось, но совсем не исчезало, хотя жизнь у каждого была не из легких.

22

- Весна 1887 года. Нижний.

«Дорогой мой Юлиан, я, вероятно, скоро буду в Петербурге и тогда лично постараюсь переговорить с кем возможно относительно работы. А м. б., если не в Пб, то найдется что-либо в Москве, где я, во всяком случае, буду в скором времени… ты не унывай, но все же, брат, теперь придется тебе некоторое время побиться… места хорошие дают очень трудно. Сколько я ни хлопочу, все же себе не могу найти ничего, помимо литературы. Перчик вот уже третий год ездит на пароходах за 60 руб…. Тебе ужасно везло, и потому ты думаешь, что все так легко устраивается, а свой прежний опыт забываешь.

Ну, да ничего. Перемелется. Ты теперь почти один,

Одиннадцать лет она боролась со своим страшным недугом, строго соблюдая предписания врачей, зная, что болезнь неизлечима. Была щепетильна и соблюдала даже то, что казалось трудно исполнимым. За ней ухаживали друзья. Жить с таким осознанием ужасно, а она при этом продолжала работать. Писала, приводила в порядок свои дела. Умерла в 48 лет, дописав свой последний роман.

В 1993 году в музее А. С. Пушкина прошел вечер, посвященный памяти Марии Ивановны. Звучали ее стихи и в различных клубах Москвы на вечерах духовной поэзии, в радиопередаче «Полуночник» (вели передачу Е. Е. Данилин и С. Т. Овчинникова).

После её смерти в 44 выпуске альманаха «Поэзия» за 1986 год была опубликована подборка стихов с предисловием С. С. Аверинцева, а в 1992 году вышел сборник *Стихотворения и поэма*. Она написала также ряд искусствоведческих и литературоведческих статей и два романа.

В «Краткой литературной энциклопедии» (М. 1971 т. 6..)была помещена ее статья под названием «Пушкинские места».

Известна также и ее посмертная публикация в журнале «Литературное обозрение» (1991. № 5) о «Мастере и Маргарите».

Сокурсник по университету, доктор филологических наук С. С. Аверинцев высоко ценил ее как творческую личность. Он говорил, что Мария «*принадлежала к такой категории людей, которых, казалось бы, уже и не могло быть, а они по странному стечению обстоятельств все-таки существовали»***.**

Она даже внешне выглядела в лучших русских традициях позапрошлого века.

дней своих была к ним привязана.

***

Жизнь Марии Ивановны Андреевской пришлась на те годы, когда в стране насаждалось безбожие. Ее твердое отношение к вере проявилось с детства. Какая-то часть людей уже не знала, что есть Бог, и жила в неведении. Многие знали о существовании Господа, но отказывались от Него. И лишь небольшая категория людей продолжала верить в Бога и жить по-Божьи.

Мария Ивановна была из верующей семьи и верила сама. Поэтому она не вступала ни в пионеры, ни в комсомол. Принципиально. И когда другие как-то отговаривались, что-то придумывали, чтоб не вступать, Маша открыто говорила, что она не может, потому что верующая. Когда ей предлагали аспирантуру или вступить в партию, она категорически отказывалась, говоря, что это несовместимо с ее убеждениями, и она не может изучать историю партии. И это тоже был характер. Его твердость, основательность, чистота.

А среднюю и высшую школы Мария Андреевская закончила с отличием. Защищалась по Достоевскому: «Нравственно-философская проблематика романа «Братья Карамазовы». Что же могла выбрать душа, ревнующая о Боге!

Потом работала в музее Пушкина, в философской редакции издательства «Советская энциклопедия», в реставрационных мастерских имени И. Э. Грабаря, в НИИ культуры. Филолог Андреевская много читала, не смущалась любой литературе, очевидно, позволяла себе это как профессиональную необходимость или не принимала как грех. Была очень придирчива к жизни, своим и чужим поступкам и даже мыслям. Не боялась быть честной. Не боялась выступить на собрании и сказать свое мнение, даже если оно отличалось от других.

мальчик на время обеспечен, а одна голова, говорят, не бедна. Ах, если бы только это могло тебе послужить уроком. Да ты какой-то, ей Богу, странный человек…
Тебе вероятно нужно хоть сколько-нибудь денег. Но дело в том, что сами мы вот уже неделю сидим без копейки и перебиваемся мелкими займами…. Посему могу послать тебе только вздох сочувствия. Не сердись, брат, за мое брюзжание. Ты хоть и старший брат, но по легкомыслию и пылкости чувств тебе суждено вечно оставаться в роли племянника, которому необходимо читать дядюшкину мораль.
Ну, все же обнимаю тебя крепко и желаю тебя видеть лучше веселым, чем унывающим. Ободрись, дружище! Поцелуй Володю… в самом деле, – не приедешь ли к нам на лето? Но только, чтобы это не помешало исканиям».

Желание повидаться с братом, судя по переписке, у Владимира Галактионовича было постоянным. Ему явно не хватало живого общения с ним, несмотря на всю загруженность самыми разными делами.

23

- 10 мая 1887 года.

*Дорогой Юлиан, отлично ты надумал, только торопись, чтобы здесь застать еще меня, т. к. 18-го я уезжаю с Дуней в Саратов (к сестре жены – Александре Семеновне Малышевой). Посылаю 15 руб. на тот предмет, чтобы тебе можно было ехать через Москву. В Москве непременно повидайся с Ваней Петровым… он, м. б., устроит тебе корректорскую работу у Сытина (*издателя – С.Ш.*). Таким образом, повидавшись с ним, ты уже будешь знать определенно, устроится ли это дело или нет».*

Следует уточнить, что в начале апреля 1887 года В.

Г. вошел в состав редакции журнала «Северный вестник» в качестве одного из редакторов беллетристического отдела. Как видно, не только Юлиан материально помогал брату, но и Владимир, при первой же возможности, посылал брату деньги.

24

- 16 июня 1887 года. Нижний.

«*Дорогой мой Юлиан, очень, очень рад, что ты устроился в Москве. Дело, которым ты теперь занят – дело очень хорошее и имеет, по моему мнению, будущее. Здесь ты, я думаю, мог бы развернуть понемногу свои способности и приложить их с большим успехом, т. к. самое дело будет расти и развиваться.*

По всем вероятиям, нам с тобой придется работать вместе, т. к. осенью я перееду, по всей вероятности, в Москву.

… до сих пор я не получил официального ответа на просьбу о разрешении жить в Москве, хотя устно мне это обещали…»

Юлиан Короленко прожил в Москве до конца своих дней. Желание В. Г. поработать совместно с братом говорит об их духовной близости.

25

- 27 июня 1887. Нижний.

«…Мы мало пишем, да и ты что-то вовсе замолк. Правда, что у меня в последнее время было много работы, которая вообще у меня отбивает охоту к переписке…

На днях в Москве будет мамаша…. Приедешь ли ты к нам на несколько дней хотя бы? Приезжай… прислано официальное разрешение относительно Москвы…»

«оставленности» (помните?) – последнее испытание и самое, по-видимому, страшное. У меня есть Друг – Машенька, но в ней я растворяюсь целиком и не ощущаю себя «отдельностью». Она для меня великий и незаслуженный дар и не потому, что она моя дочь, а потому что она Человек…»

Е. М. Сосновская многое пережила в своей жизни, но ей удалось сохранить трепетные, дружеские отношения с дочерью.

В этом же письме она доверительно писала Юдиной:

«*Я выдавливаю из себя жизнь, чтобы дать ее ей, но жизненных и духовных сил осталось очень мало. Я не собиралась изрекать все эти сентенции, когда взялась за карандаш, но я потеряла способность ощущать «стиль». Итак, дорогой друг, горячо Вас обнимаю, целую и верю, что Вы « восстанете как Феникс» и я еще порадуюсь Вашей силе и красоте*».

В примечаниях к этому письму о Елене Михайловне Сосновской приведен ряд новых подробностей ее биографии: «Елена Михайловна Сосновская (1903–1979) – близкий друг М. В. Юдиной. Человек разнообразных дарований – художница, музыкант, брала уроки у М. В. Юдиной, ученый». Она многолетне работала в палеонтологическом музее.»

Примечательны краткие подробности об их дочери Маше: «Мария Ивановна Андреевская (1936–1985) – филолог. С М. В. Юдиной была очень дружна, как и ее мать».

Весной 1959 года в письме к своему давнему и преданному другу В. С. Люблинскому Юдина вспоминала: «*С «детской проблемой» – Вы мало связаны, а я – постоянно: сперва Аня–Маша Андреевы, затем Надя, потом Маша Андреевская…»*

Юдина любила и опекала ее в детстве, как многих других детей своих близких друзей, и до конца

надо распорядиться так, чтобы все досталось в те руки, какие я хочу», – сказала она. Была добросовестна даже в предсмертных приготовлениях.

- Умерла она 25 июня. Ее похоронили на Николо-Архангельском кладбище, рядом с матерью.

В этой публикации примечателен эпизод, который, казалось бы, уже и был известен ранее, но теперь он получил новое звучание:

- «*М. В. Юдина забила тревогу: в осажденном Ленинграде умирает крестница В. Г. Короленко. Но крестные тогда не признавались. Писатель С. Я. Маршак хлопотал, чтобы спасти «племянницу» В. Г. Короленко с дочкой. Уже тогда маленькая Маша проявила характер. Они собирались уезжать. В самолет можно было взять только самое необходимое. Елена Михайловна собирала сверток. Маша упорно пыталась вложить в него любимые игрушки, но мама возражала. Тогда Маша прижала любимцев к себе, и никто не смог их отнять. Так она и вошла в самолет. Эту черту верности и ответственности перед всем и вся она пронесла через всю жизнь».*

***

В книге М. Юдиной «Обреченная абстракции, символике и бесплотной музыке. Переписка. (1946–1955 год)» (М. 2008.)приведен текст одного письма Елены Михайловны Сосновской в адрес Юдиной. Датирован он началом 1953 года.

Фрагменты этого письма заслуживают внимания, особенно те места, где упоминается о ее дочери Машеньке:

«*У Машеньки та же зимняя карусель, и если б не ее способность «планировать» и «укомплектовывать», она погреблась бы давно под ворохом своей разнообразной деятельности…» И еще: «Пустыню, которая образовалась в сердце, надо перейти. Сознание*

Речь идет о разрешении от Департамента полиции проживать в столицах. Пройдет совсем немного времени, и семья Короленко переедет не в Москву, а в Петербург.

26

- 4 августа 1887 года Короленко сообщал жене:

«*…выезжаю отсюда во вторник, т. е. через неделю. Дело в том, что сюда в воскресение должен на несколько дней приехать Юлиан, и я обожду его приезда и побуду с ним дня два и уеду…*»

Наконец-то после длительного перерыва состоялась их долгожданная встреча.

27

- 18 октября 1887. Нижний.

«*Дорогой Юлиан! Я посылал тебе телеграмму… вызвана она тем, что ко мне обратились из «Русской мысли» с требованием «остальной корректуры». Я оставил у тебя два рассказика («Старый звонарь» и «В ночь под св. праздник») с просьбой снести в редакцию…. Неужели ты забыл снести?».*

В последующие годы их переписка в силу многих обстоятельств уже не была такой интенсивной…

В 1935 году были изданы три тома избранных писем Короленко к разным лицам, где также упоминается о брате Юлиане несколько раз , чаще всего в письмах к жене.

- 22.06.1893. он сообщал ей **:**

…кончаю письмо в Москве у Юлиана…… сюда приехал Перчик и оба дяди, тетя Оля ,Володя»

Ольгой звали вторую жену Юлиана. Перчик—так звали в семье младшего брата Иллариона, а Володя- это сын Юлиана.

***

• 16.1. 1897. Короленко писал жене **:**

« *... вчера после отсылки письма и конца статьи подвергся внезапному антифону главным образом от вида Юлиана…. ... плохо и опять без денег. Перец пишет все очень резонно и то, что бросить больного Юлиана или на произвол судьбы или на шею Николаю и Маши- нельзя. Значит, деньги должен забывать я. Ну. что делать - было бы здоровье как-нибудь справлюсь .Все это вчера мне казалось труднее, чем сегодня, тем более, что вид у Юлиана жалкий.»*

В примечаниях к этой записи следует такое уточнение: «*Слово антифон- в буквальном смысле означает одну из форм церковного пения В.Г. Короленко называл так почему-то периодические приступы своей бессонницы и сопряженного с ним нервного состояния.*
Осенью 1895 года у Юлиана был удар после которых он остался полу парализованным. В последние годы был разбит параличом . умер в Москве от удара.»

***

В январском номере журнала «Исторический вестник» (1905., январь. Т. 99.) появился краткий некролог анонимного автора о Юлиане Короленко.

Текст некролога заслуживает того, чтобы привести его полностью: «*25 ноября в Москве умер Юлиан Галактионович Короленко, смотритель городского Ахлебаевского странно-приимного дома.*

Старший брат В. Г. Короленко, покойный, большую часть своей жизни занимался газетной и журнальной работой сначала в Петербурге, а затем в

декабря 1936 года в Ленинграде.

• Отец – Иван Михайлович Андреевский – профессор, философ, богослов. Он был вынужден уехать и остаться на чужбине. Умер в 1976 году, похоронен в США на монастырском кладбище в Джорданвилле…

• . Отец Елены Михайловны был литератором и дружил с В. Г. Короленко. Короленко был крестным отцом Елены Михайловны.

• Мария Ивановна рассказывала о дедушке, что он был у Л. Н. Толстого, разговаривал с ним о правде жизни. В дневнике писателя сохранилась запись (привожу по памяти): «Был Сосновский. Весьма интересный человек».

• Войну четырехлетняя Маша встретила в Ленинграде. Двухлетняя сестренка Леля (Елена) и жившая с ними подруга матери Шура (Александра Никитична Макарова, филолог, иранистка) умерли от голода.

• В наш прагматический век я была потрясена, когда на поминках Марии Ивановны ее подруга обратилась ко всем присутствующим, что она душеприказчица Маши, и, если Маша кому-то что-либо обещала, но не успела исполнить, то она сделает за нее. Это было удивительно. И слово-то какое точное и забытое – «душеприказчица», и порыв-то какой – довыполнить несделанное покойной. Сегодняшние наследники, в общей массе, даже не задумываются о принятии на себя каких-либо обязательств. Главное – наследство получить. Друзей Мария Ивановна выбирала настоящих, честных, как и она сама.

• Помню, она позвонила в марте 1985 года, незадолго до смерти, и попросила помочь составить завещание. Даже зная о ее болезни, я невольно вздрогнула: «Но ведь рано еще!» (А было все как раз вовремя!). «У меня нет наследников по закону, значит,

блокадном Ленинграде.

Так обозначилась удивительная, скрытая до поры до времени связь имен: от Марии Юдиной – к Короленко, отразившаяся в реальной судьбе еще одного яркого творческого человека.

3.

О дочери Елены Михайловны Сосновской

В газете «Татьянин день», которую издает московский университет, была напечатана удивительная статья Лидии Егоровой – члена Союза писателей России – о Марии Ивановне Андреевской. Автор лично знала ее и помнила. Ее статья это дань памяти М. И. Андреевской.

Вот основные фрагменты из этой публикации:

- Мария Ивановна была выпускницей МГУ и глубоко верующим человеком, причем из тех, кто никогда не скрывал своих убеждений.
- Как и у многих истинных талантов, трагическая судьба: блокадное младенчество и суровое послевоенное детство, неразделенная любовь, долгое умирание от тяжелой неизлечимой болезни, ранняя смерть.
- В этом году ей исполнилось бы 67 лет, но вот уже 18 лет, как ее нет…
- Мария Ивановна была удивительно талантлива. Четыре книги прозы (романы), четыре книги стихов, публицистика.
- В Антологию русской поэзии «Строфы века», составленную Евгением Евтушенко, вошло одно стихотворение М. И. Андреевской «Дождь не поможет нам оплакивать друг друга».
- Родилась Мария Ивановна Андреевская 19

московских изданиях.

Еще гимназистом он писал корреспонденции в столичные газеты, и одна из таких обличительных корреспонденций из города Ровно Волынской губернии, наделала много шуму в местном населении.

Корреспонденции его помещались в «Русских ведомостях», где он также занимался около 10-ти лет и корректорскими работами (в конце 80-х и 90-х годов).

Юлиан Галактионович обладал недюжинным поэтическим дарованием, и его лирические стихи печатались в «Русской мысли» и других журналах.

Оставив журнальную работу вследствие болезни, Ю. Г. занял спокойное место смотрителя городского странноприимного дома, где прослужил до конца своей жизни.

Под благотворным влиянием Ю. Г. воспитывался в ранней молодости его брат В.Г., называвший его своим «учителем»…

Некрологи о нем были помещены также в «Одесском листке» (1904. № 309) и «Новом времени» (1904. № 10326).

К сожалению, нет возможности заглянуть на страницы этих дореволюционных газет, но сам факт появления нескольких некрологов представляется значительным.

Не менее важно признание безымянным автором литературных способностей у старшего брата писателя. Он даже упоминает о публикации его стихов на страницах журнала «Русская мысль», что позволит в дальнейшем продолжить историко–литературный поиск.

Установлено, что немало материалов о старшем брате писателя сохраняется в архиве В. Г. Короленко. Как и многие материалы и творческие рукописи писателя, они до сих пор не опубликованы. Меня не покидает надежда, что разговор о старшем брате Короленко будет продолжен в будущем.

Приложение 1

В. Г. Короленко: «Мой брат делается писателем»

Фрагменты

- Старший брат был года на два старше меня. Казалось, он унаследовал некоторые черты отцовского характера. Был, как отец, вспыльчив, но быстро остывал, и, как у отца, у него сменялись разные увлечения. Одно время он стал клеить из бумаги сначала дома, потом корабли и достиг в этом бесполезном строительстве значительного совершенства: миниатюрные фрегаты были оснащены по всем правилам искусства. С мачтами, реями и даже маленькими пушками, глядевшими из люков. Потом он внезапно бросал, принимался за что-нибудь новое.
- Особенно он увлекался чтением. Часто его можно было видеть в самой неизящной позе: на четвереньках, упершись на локтях, с глазами, устремленными в книгу. Рядом на стуле стоял стакан воды и кусок хлеба, густо посыпанный солью. Так он проводил целые дни, забывая об обеде и чае, а о гимназических уроках и подавно.

Сначала это чтение было чрезвычайно беспорядочно: «Вечный жид», «Три мушкетера», «25 лет спустя», «Королева Марго», «Граф Монте Кристо», «Тайны мадридского двора», «Рокамболь» и т. д.

- Книги он брал в маленьких еврейских книжных лавчонках, и иной раз посылал меня менять их. На ходу я раскрывал книгу и жадно поглощал страницу за страницей. Но брат никогда не давал мне дочитывать, находя, что я «еще мал для

заключении на Соловках, где общался со многими епископами и священниками. В это же время там находился и родной племянник Короленко – Владимир Юлианович, с которым Лихачев особенно подружился.

В июле 1930 года Иван Андревский был этапирован в Москву, где его привлекли к следствию по делу «Всесоюзного Центра Истинно Православной Церкви», получил новый срок, который отбывал в Белбалтлаге.

В середине 1930-х годов освобождён без права проживания в крупных городах. Работал психиатром в Новгороде и других городах (в частности, был главным врачом в областном интернате для дефектных детей им. Ушинского, главным психиатром в Новгородской областной больнице). Принимал деятельное участие в жизни Катакомбной церкви, тайно вел семинар по изучению богословия. Последний раз арестовывался в марте 1938 года. Во время Великой Отечественной войны находился на оккупированной немцами территории.

В 1944 году эмигрировал в Германию, а в 1950 году переехал в Америку, участвовал в издании антисоветской газеты «За Родину». Известно, что И. Андреевский преподавал в Джорданвилле – в духовно-учебном заведении Русской православной церкви за границей в Свято-Троицкой духовной семинарии. Он был профессором нравственного богословия и русской литературы. Известны его труды о Катакомбной церкви, которые являются одним из немногих источников по её истории, написанных участником событий. Умер 30 декабря 1976 года в Нью-Йорке.

Судя по всему, пути супругов разошлись накануне войны. И если бы не действенная помощь Марии Вениаминовны Юдиной, то Елена Михайловна, оставшись одна с маленьким ребенком, погибла бы в

даже в его отсутствие, но обязывался наткнуть расписку в ее получении на специальный крючок и не держать книгу дольше определенного срока. Благодаря этой библиотеке, я смог еще школьником познакомиться с самой разнообразной философской литературой: и если и не прочесть книгу, то хотя бы подержать ее в руках, запомнить содержание и внешний облик, просто узнать о ее существовании, что тоже было важно».

***

Дочери отца Феодора уточняют: *«Тогда же в Царском Селе состоялось знакомство с о. Феодором Андреевым психиатра и филолога Ивана Михайловича Андреевского. Он горячо привязался к отцу и стал постоянным нашим гостем».*

И затем они дают характеристику личности Андреевского: «Это была яркая, но противоречивая личность. И жизнь он прожил яркую и долгую. Нам запомнились его постоянные споры с Николаем Александровичем по религиозным, философским и литературным вопросам. Они были различны как «лед и пламень». У Ивана Михайловича была одна особенность. Он мог что-нибудь придумать, сфантазировать, а потом легко и искренно в это поверить. Так, уже будучи после войны в Америке, он распространял легенду, будто бы в Ленинграде в 20 – 30-х годах существовала «Катакомбная церковь». Конечно, в пору гонений богослужения и даже таинства совершались и во внецерковных условиях, например, в лагерях, но организации «катакомбная церковь» тогда не существовало».

***

В 1928–1930 годы Иван Андреевский вместе с Дмитрием Сергеевичем Лихачёвым находился в

романов».

Так многое из этой литературы и доныне осталось в моей памяти в виде ярких, но бессвязных обрывков…

- Однажды – брат был в это время в пятом классе ровенской гимназии, – старый фантазер Лемпи предложил желающим перевести русскими стихами французское стихотворение. Весь класс отказался, согласились двое. Это был некто Пачковский и мой брат. Последний кинулся на стихи так же страстно, как недавно на выклейку фрегатов, и ему удалось, в конце концов, передать изящным стихом меланхолические размышления о листочке, уносимом потоком в неведомые пределы.
- О стихах заговорили и товарищи, и учителя.
- Брат прослыл «поэтом», и с этих пор целые дни проводил, подбирая рифмы. Мы смеялись, глядя, как он левой рукой выстукивал по стулу число стоп и слогов, а правой строчил, перемарывал и опять строчил.

Когда наш смех достигал его слуха, он на время отрывался от вдохновенного творчества, грозил нам кулаком и опять погружался в свое занятие.

Так как французские стихи перевел также и Пачковский, то сначала в классе говорили: «у нас два поэта»…

- Успех брата не давал ему (Пачковскому) покоя…. Брат пустил по рукам стихотворную басенку о «Пачкуне, поэте народном». Эта кличка так и осталась за Пачковским.

Этот маленький полемический эпизод всколыхнул литературные интересы в гимназической среде, и из него могло бы, пожалуй, возникнуть серьезное течение, вроде того, какое было некогда в царском лицее или нежинской гимназии времен Гоголя. Но словесник Андриевский был весь поглощен «Словом

о полку Игореве», а затем появились циркуляры, запрещавшие всякие внеклассные собрания и рефераты…

• Брат продолжал одиноко взбираться на Парнас, без руководителя, тёмными и запутанными тропами: целые часы он барабанил пальцами стопы, переводил, сочинял, подыскивал рифмы, затеял даже словарь рифм.

Классные занятия шли все хуже и хуже. Уроки, к огорчению матери, он пропускал постоянно.

Однажды, прочитав проспект какого-то эфемерного журнальчика, он послал туда стихотворение. Оно было принято и даже, кажется, напечатано, но журнальчик исчез, не выслав поэту ни гонорара, ни даже печатного экземпляра стихов.

Ободренный все-таки этим сомнительным «успехом», брат выбрал несколько своих творений, заставил меня тщательно переписать их, и отослал… самому Некрасову в «Отечественные записки».

• Недели через две или три в глухой городишко пришел ответ от «самого» Некрасова. Правда, ответ не особенно утешительный: Некрасов нашел, что *«стихи у брата гладки, приличны, литературны; вероятно, от времени до времени их будут печатать, но… это все-таки версификация, а не поэзия. Автору следует учиться. Много читать и потом, быть может, попытаться использовать свои литературные способности в других отраслях литературы»*.

• Брат сначала огорчился, но затем перестал выстукивать стопы и принялся за серьезное чтение: Сеченов, Молешотт, Шлоссер, Льис, Добролюбов, Бокль и Дарвин.

Читал он опять с увлечением, делал большие выписки, и порой, как когда-то отец, кидал мимоходом какую-нибудь поразившую его мысль, характерный афоризм,

дому. Относительно свободно обсуждались различные философские, исторические и литературоведческие проблемы. Литературоведы разделились на представителей формальной школы («формалистов») и на тех, кто продолжал традиционные методы изучения литературы. Диспуты происходили и в частных кружках, и на официальной территории – в Ленинградском университете, и в Институте истории искусств («Зубовском») на Исаакиевской площади, но больше всего – в зале Тенишевского училища. Были кружки и в нашей (Лентовской) школе. У нашего школьного преподавателя И.М. Андреевского с самого начала 20-х годов собирался кружок, носивший, как я уже сказал, название Хельфернак («Художественно-литературная, философская и научная академия»).

Расцвет Хельфернака приходился примерно на 1921–1925 гг., когда в двух тесных комнатках Ивана Михайловича Андреевского на мансардном этаже дома по Церковной улице № 12 (ныне улица Блохина) каждую среду собирались и маститые ученые, и школьники, и студенты».

И еще*: «Во время заседаний пускалась по рядам громадная книга, в которой расписывались присутствующие, и где на страницах сверху своеобразным «готическим» почерком Ивана Михайловича Андреевского была обозначена тема доклада, фамилия докладчика и дата».*

Д. С. Лихачев уточнял: *«Доклады были самые разнообразные – на литературные, философские и богословские темы. Обсуждения бывали оживленными. Комнатки Андреевского никогда не бывали пустыми.*

У Ивана Михайловича была огромная и тщательно подобранная библиотека. (Книги тогда были исключительно дешевы: их могли менять на хлеб, соль, муку, ими даже торговали на вес!). Каждый мог брать из библиотеки Ивана Михайловича любую книгу,

1925 году, но на свободе.

2

О муже Елены Михайловны Сосновской

Удалось установить даты жизни Сосновской Елены Михайловны (1903–1979). Она окончила Высшие литературные курсы, серьезно занималась музыкой и литературой. В доме дочерей священника Ф. Андреева она встретилась с И. М. Андреевским и впоследствии стала его второй женой. По свидетельству друзей, «*все ее таланты ушли на воспитание дочери – будущего талантливого филолога и незаурядного человека*».

Представляет интерес и неординарная личность мужа Елены Михайловны Сосновской, хотя совместная их жизнь, в силу сложившихся обстоятельств, оказалась недолгой.

Иван Михайлович Андреевский (*псевдоним – И. М. Андреев*) родился 14 марта 1894 года в Петербурге. Перед революцией он был известным российским богословом, литературоведом, церковным историком и врачом-психиатром.

Весной 1928 года был арестован в Ленинграде за организацию нелегальных религиозно-философских кружков среди молодежи.

***

Позже Д. С. Лихачев вспоминал: «*Вплоть до конца 1927 года город кипел различными философскими кружками, студенческими обществами, журфиксами у тех или иных известных людей. Собирались – и в университете, и в Географическом обществе, и на*

меткое двустишие, еще, так сказать, теплые, только что выхваченные из новой книги. Материал для этого чтения он получал теперь из батальонной библиотеки, в которой была вся передовая литература.

– Гм! Помяните мое слово: из этого хлопца выйдет ученый или писатель, – глубокомысленно предсказывал дядя-капитан.

- Репутация будущего «писателя» устанавливалась за братом , так сказать , в кредит и в городе.
- Письмо Некрасова стало известно какими-то неведомыми путями, и придавало брату особое значение.

Из гимназии ему пришлось уйти. Предполагалось, что он будет держать экстерном, но вместо подготовки к экзамену он поглощал книги, делал выписки, обдумывал планы каких-то работ.

- Иногда за неимением лучшего слушателя, брат прочитывал мне отрывки из своих компиляций, и *я восхищался точностью и красотой его изложения.*
- Но тут подвернулось новое увлечение. На этот раз причиной его явился известный тогда г-н. Трубников**.** В то время он только что поставил газету «Биржевые ведомости», которую обещал сделать органом провинции, и его рекламы, заманчивые, яркие и вкусные, производили на провинциального читателя сильное впечатление…. «Биржевые ведомости» замелькали в городе, вытесняя традиционный «Сын Отечества» и успешно соперничая с «Голосом».

Однажды брату принесли конверт со штемпелем редакции. Он вскрыл его, и на лице его выразилось радостное изумление…. Откуда юркий издатель узнал об его существовании и литературных наклонностях, сказать трудно…. В письме говорилось о важных «в

наше время» задачах печати, и брат приглашался содействовать пробуждению общественной мысли в провинции присылкой корреспонденций, заметок и статей, касающихся вопросов местной жизни.

- Брат на время забросил даже чтение. Он достал у кого-то несколько номеров трубниковской газеты. Перечитал их от доски до доски, затем запасся почтовой бумагой, обдумывал, строчил, перемарывал, считал буквы и строчки, чтобы втиснуть написанное в рамки газетной корреспонденции, и через несколько дней упорной работы мне пришлось переписывать новое произведение брата.

Начиналось оно словами: *Гор. Ровно. (От нашего корреспондента).*

За этими словами следовала бойко набросанная характеристика маленького городка, с его спячкой, пересудами, сплетнями и низменными интересами. Общими беглыми чертами были зарисованы провинциальные типы, кое-где красиво выделялись литературные обороты, обнаруживавшие начитанность автора…. Типы же взяты были скорее из книг, чем из нашей жизни. Это мое замечание нимало не смутило автора, – так и нужно. Это ведь «литература»... всегда немного иначе, чем в жизни.

- …Критика моя перед печатным текстом почтительно смолкла…. Это – «литература», т. е. нечто гораздо интереснее нашего тусклого городишки, с его заросшими прудами и сонными лачугами. Листок со столбцом бойких строчек, набросанных рукой брата, упал сюда, как камень в застоявшуюся воду…. Номер ходил по рукам, о таинственном корреспонденте строились догадки, в общих характеристиках узнавали живых лиц, ловили намеки…. Этот эпизод в значительной степени ослабил благотворное

неточность: мемуаристка имела в виду отклик на эту публикацию анонимного автора, о которой речь шла выше…

***

К сожалению, материалов обо всех обстоятельствах дружбы В. Г. Короленко и М. И. Сосновского, равно как и свидетельств того, что писатель был крестным отцом дочери Сосновского, не удается найти. Однако сам этот факт весьма красноречив и, безусловно, свидетельствует об их близких отношениях.

***

На официальном сайте материалов, посвященных истории «Народной Воли», приведены сведения о Сосновском, как деятеле революционного движения, которые несколько расширяют наше представление об этой личности: «*Сосновский Михаил Иванович (1863–1925), народник–террорист. Сын чиновника, уроженец Полтавской губ. Его арестовали в 1878 году, но вскоре он был освобожден.*

В 1882 году он – студент Киевского, а в 1883 году – Петербургского физико-математического факультета университета. Участник террористической группы А. Ульянова, Осипанова, Шевырева. Отбыв длительную ссылку в Колымском округе, вернулся в Полтаву. Здесь его избрали гласным городской думы и товарищем полтавского городского головы. Перебравшись в Ташкент, после революции, Сосновский избирается председателем Туркестанского краевого комитета партии эсеров. Работал главным библиотекарем Ташкентского университета».

Почему в годы революции он попал в Ташкент, остается до конца не ясным. Установлено, что в 20-е годы он был выпущен из чекистских застенков и умер в

• *… Дорисовывая портрет В. Г. Короленко уже взрослым, М. И. Сосновский дальнейших событий его жизни коснулся как бы вскользь».*

Из этой публикации стали известны многие важные подробности и забытые факты из жизни братьев Короленко.

***

Член Правления полтавской общественной библиотеки М. Коломенкина, которая жила в Полтаве в первое десятилетие XX века, вспоминала на страницах журнала «Голос минувшего» (1914. № 7) о том, как в 1903 году в городе широко праздновался юбилей писателя.

В ее воспоминаниях, в частности, встречаются такие подробности: «*Вечером того же дня в небольшом садике М. И. Сосновского, приютившемся в Воскресенском переулке над высоким обрывом спуска, ведущего к вокзалу, под сплошным навесом деревьев был поставлен большой стол, вокруг которого собрался кружок знакомых В. Г., чтобы вместе с ним прослушать полученные приветствия.*

В этих заметках невозможно передать, конечно, даже и слабой тени того впечатления, которое получалось тогда, при чтении этих приветствий, всех подряд.

…впечатление производила именно вся совокупность их, это нарастание чувства, которое, как поднимающаяся волна, захватывала вас, т. е. именно то, чего передать здесь невозможно. В тот вечер в садике Сосновского успели прочитать только небольшую часть приветствий, хотя читали до глубокой ночи».

Коломенкина называет почему-то публикацию М. Сосновского о писателе, напечатанную в журнале «Мир Божий». Однако фронтальный просмотр этого журнала такой публикации не выявил…. Очевидно, вкралась

действие некрасовского письма.Брат почувствовал себя чем-то вроде Атласа, держащего на плечах ровенское небо… корреспонденция летала за корреспонденцией, и хотя печатались не все, но некоторые все же печатались….

• Правда, вялый городок доставлял мало тем, но брат был на этот счет изобретателен….

• К экзаменам брат так и не приступал. *Он отпустил усики и бородку, стал носить пенсне, и в нем вдруг проснулись инстинкты щеголя. Вместо прежнего увальня, сидевшего целые дни над книгами, он представлял теперь что-то вроде щеголеватого дэнди…*

«Мне нужно бывать в обществе, – говорил он: – это необходимо для моей работы».

Он посещал клубы, стал отличным танцором и имел «светский» успех. Всем давно уже было известно, что он – «сотрудник Трубникова» и «литератор».

• … Читатель отнесется снисходительно к маленьким преувеличениям брата, если принять в соображение, что ему было тогда лет 17 или 18, что он только что избавился от скучной школьной ферулы, и что, *в сущности, у него были налицо все признаки так называемой литературной известности….*

• Что такое, в самом деле, литературная известность? … Известность-это значит, что имя человека распространяется по свету известными тропками. Знают там, где читают – это в лучшем случае. А читают вообще на этом свете мало. Читающее человечество – это приблизительно поверхность рек по отношению ко всему пространству материков. Капитан, плавающий по данной части реки, весьма известен в этой части. Но стоит ему отъехать на несколько верст в сторону от берега… там другой мир: широкие

долины, леса, разбросанные по ним деревни… над всем этим проносятся с шумом ветры и грозы, идет своя жизнь, и ни разу еще к обычным звукам этой жизни не примешалась фамилия нашего капитана или всемирного писателя. Зато в своей среде, на своей линии – брат стал, действительно, известен.

• … Брат мой тоже был корреспондент… все знали, что это именно его перо сотрясает время от времени наш мирок, волнуя, то чиновников, то ночную стражу, то офицерство.

На него обращали внимание. Его приглашали на вчера, солидные обыватели брали его под руку и, уведя в сторонку, рассыпались в похвалах его «таланту» и просили продернуть того или другого.

• Мудрено ли, что некоторое время брат мой плавал в атмосфере этой «известности», не замечая, что вращается в пустом пространстве и что его потрясающие корреспонденции производят бесплодное волнение, ничего никуда не подвигающее….

• *Во мне эти «литературные успехи» брата оставили особый след*. Они как будто перекинули живой мостик между литературой и будничной жизнью: при мне слова были брошены на бумагу и вернулись из столицы напечатанными… когда первое преклонение перед печатной строкой прошло, я опять чувствовал это как недостаток, и мне стало интересно искать таких слов, которые бы всего ближе подходили к явлениям жизни. *Все, что меня поражало, я старался перелить в слова, которые бы схватывали внутренний характер* явления….» (Курсив мой-С.Ш.)

по рассказам ближайших родственников В. Г.

• *В. Г. Короленко рос в большой детской компании своей семьи. Его очень увлекала товарищеская жизнь детей своей семьи и соседей, что так ярко обрисовано самим Короленко в его рассказе «В дурном обществе»…. Отец его любил медицинские книги и по ним составлял разные системы лечения членов семьи. Мальчики были одеты всегда хорошо, но всегда были босые. Это была отцовская система закаливания здоровья.*

• *... очень слабо характеризуется в очерке Сосновского и пансионский быт.*

… наказывали и за шалости, и за то, что дети говорили по-польски или по-русски, а не на обязательном французском…

• *Проявлять чувство боли считалось позором.*

• *…коснувшись влияния духа товарищества и братства в школе на взаимные отношения детей дома, в семье, г. Сосновский заметил, что отношения эти приняли характер воинского мужества и рыцарства.*

• *…понимания событий у детей не было. В. Г. вспоминает только, что он испытывал чувство жалости к гонимым полякам и к жившим в их дворе больным и раненным русским солдатам.*

• *... свобода развивала в детях мужество и предприимчивость…*

• *Старший брат Короленко Юлиан издавал в пансионе ученический журнал, в виде отдельных листков, посвященный пансионским злобам. Юлиан писал стихотворения. Владимир рисовал карикатуры.*

• *...хотелось ему быть хорошим адвокатом, чтобы защищать всех слабых…. Внутренний мир Короленко быстро принимал определенную окраску. Необходимость же поддерживать семью также все больше давала себя знать.*

В Полтаве его избирали гласным городской думы и товарищем (т.е. заместителем) городского головы.

***

В наиболее полном современном издании «Истории моего современника» (М. 1965.) в примечаниях приведены новые, достаточно интересные подробности: «*В очерке М. И. Сосновского о детских годах В. Г. Короленко, составленном из рассказов близких писателя, говорится*: «*Старший брат Юлиан издавал в пансионе ученический журнал в виде отдельных листков, посвященных пансионским злобам. Юлиан писал стихи. Владимир Галактионович рисовал карикатуры*» **(см. Южная Россия. Николаев. 1903. № 199, 5 авг. С. 2).**

Так стал известен факт того, что при жизни писателя М. И. Сосновский опубликовал о нем очерк. Немаловажно и время публикации М. Сосновского: в 1903 году Короленко отмечал свое 50-летие.

***

К сожалению, такого издания, как «Южная Россия», где была напечатана работа М. И. Сосновского, найти пока не удается, но вот своеобразное отражение этой публикации обнаружилось на страницах журнала «Мир Божий» (1903. № 9.)Анонимный автор поместил заметку «На родине. К биографии В. Г. Короленко», которая, в сущности, была пересказом статьи Сосновского с небольшим анализом его публикации.

Приведу из этого текста основные фрагменты:

- *«В «Южной России» находим очерк о детских годах В. Г. Короленко, прочитанный в Полтаве М. И. Сосновским на «Короленковском вечере» 15. 07. Очерк этот представляет только попытку собрать некоторые материалы для разработки их будущими биографами талантливого писателя. Очерк составлен*

Из примечаний:

Трубников К. В. (1829–1907) – публицист, издатель и редактор ряда газет.

«Биржевые ведомости» – газета, основанная Трубниковым в 1861 году. Она выходила в Петербурге до 1879 года. В течение этого времени газета неоднократно получала цензурные предупреждения.

«Голос» – ежедневная газета, которая выходила в Петербурге с 1863 по 1884 год. Редактором и издателем был А. А. Краевский. Это был орган умеренного либерализма.

За время своего существования газета неоднократно подвергалась различным репрессиям и была несколько раз приостанавливаема.

«Отечественные записки» – литературный и политический журнал. Он издавался с 1838 по 1868 год А. А. Краевским. В 1868 году перешел к Некрасову, который редактировал журнал совместно с М. Я Салтыковым-Щедриным и И. Г. Елисеевым. Это был влиятельный и передовой орган литературы и общественной мысли. Существование его прекратилось в 1884 году, когда журнал был закрыт за «вредное направление».

Глава 2

Этюд
об одном племяннике В. Г. Короленко

Известно, что старший брат писателя Юлиан своего первенца назвал Владимиром. Но биографических сведений о Владимире Юлиановиче Короленко (1881–1937) сохранилось мало. И долгое время они практически были вообще не находимы, на что были свои скрытые до поры до времени причины. К сожалению, недостаток фактов затруднил создание по возможности полной картины его жизни. Приходится ограничиваться только разрозненными сведениями и предположениями.

Известно, что Владимиру Юлиановичу в жизни пришлось вынести немало испытаний…

12 июля 1919 года (ст. ст.) в дневнике Короленко появилась запись о том, что он написал письмо родному племяннику, сыну Юлиана.

В книге П. Негретова о Короленко приведен большой фрагмент этого письма, в котором отразился интересный эпизод жизни писателя в период междувластия в Полтаве.

- Из письма от 12 (25). 07. 1919 года.

…«*твой престарелый дядя выдержал налет бандитов и даже – прямую физическую борьбу. Было это 29. 06. в 11 часов по новому времени, т.е. почти засветло.*

Во время суеты с эвакуацией совет защиты детей обратился к Лиге с предложением – взять на

архиве ФСБ одним из его сотрудников.

Оно было опубликовано в «Новой газете» лишь в… 2003 году кандидатом исторических наук Я. В. Леонтьевым, преподавателем московского университета. (30 января – 2 февраля 2003 г. № 7.)Примечательно броское название этой публикации: «ВЛАСТЬ ПРЕВРАЩАЕТСЯ В ОРГАНИЗАЦИЮ БАНДИТОВ»: Письмо Ленину от соратника его казненного брата».

Интересны краткие сведения об авторе этого документа. Автором письма к Ленину был главный библиотекарь Ташкентского университета Михаил Иванович Сосновский (1863–1925). Одно время он был близок к кругу Александра Ульянова. Отбыв длительную ссылку в Колымском округе, народоволец Михаил Сосновский вернулся на родину.

Многолетняя сотрудница музея Короленко в Полтаве Л. Гейштор вспоминала о том, что именно Сосновский уговорил переехать семью писателя в Полтаву. Она писала: «*В это время как раз приехал хороший знакомый из Полтавы Михаил Иванович Сосновский и изложил доводы в пользу этого города: климат, природные условия, спокойствие, расположение между 2-мя большими городами – Киевом и Харьковом и, наконец, Полтавой…»*

В одном из писем к жене Короленко просил: «*…Сосновскому передай мой привет и благодарность за все хлопоты…»*

Эта просьба была связана с обстоятельствами переезда семьи в Полтаву в 1900 году.

М. И. Сосновский многолетне состоял в дружеских отношениях с В. Г. Короленко. Они были земляками и жили по соседству в Полтаве. Установлено, что одно время Сосновский даже жил у брата писателя – Юлиана Галактионовича Короленко.

Жизнь шире узости догмы – и побеждает ее. Какой ценой, что будут стоить русскому народу ваши опыты – это вопрос для России страшный... Развращение ведь идет на оба фронта – и посмотрите, какая продажность, сколько растрат!.. Но есть и худшее: дешевизна для "догмы" человеческой личности – жизнь становится ничтожеством в глазах всей "власти" – расстрелы циничнейшим образом превращаются в хладнокровные, ужасающие массой и обстановкой убийства, власть на наших глазах превращается в организацию бандитов. <...> Сколько же еще жертв нужно вам для полноты опыта? Неужели их еще было мало? Довольно же! Пора вернуть народу его державные права, пора научиться уважать его. Пора вернуть ему его право на самоопределение. <...> Не отказывайте же русскому народу в Учредительном Собрании – только оно успокоит его, будет для него авторитетом. Не отказывайте и русской интеллигенции в праве работать для народа – свободно мыслить, говорить, печатать, объединяться для того, чтобы совместно найти исход из того тупика, в который попала Россия. Вместе с несколькими товарищами я сижу, как "заложник", арестованный за принадлежность к партии С.Р., во вшивой дыре, отравленный руганью, издевательствами "победителей" и перспективой расстрела, когда потребуется. <...>Мих. Сосновский. Ташкент. Арестный Дом. 4/I 1921».

***

Архивы долго хранили молчание, но, к счастью, они сохранили некоторые важные свидетельства о том времени, о главных действующих лицах в истории. Я не собираюсь комментировать текст, который и так говорит сам за себя. Это неизвестное ранее обращение к Ленину было случайно обнаружено в Центральном

себя заботу о детских колониях, для чего нам оставили 2 млн. Все это делалось наспех, и 2 млн., полученные из казначейства ночью, были мне доставлены утром. Все это не осталось в секрете, и к вечеру явились двое с револьверами. Один остался со мной в коридоре, другой вышел в переднюю и сделал «для страха» выстрел, увидев, в чем дело, я кинулся в переднюю и быстро схватил бандита за руку с револьвером. Дуня и Наташа кинулись мне на помощь. Во время борьбы последовал другой выстрел…. По-видимому, он назначал его мне, но мне с помощницами удалось отвернуть руку, и пуля попала в дверь. Другой в это время мог бы перестрелять нас, но, по-видимому, он сообразил, что это бесцельно: выстрелы могли уже привлечь внимание и денег унести все равно бы не удалось, тем более, что Соня, выскочив в окно, унесла чемоданчик к соседям. Посему разбойники (по-видимому, совершенно неопытные) поторопились убежать…. Конечно, следующие дни мне пришлось расплачиваться за эту «победу» обострением сердечной болезни».

Из этого отрывка можно отчетливо представить, сколь тяжкими были условия жизни Короленко, и какие трудности переживала семья писателя.

***

В пятом томе посмертного собрания сочинений писателя, изданного в 1929 году в редакционной статье приведен еще один фрагмент письма писателя к Владимиру Юлиановичу. (Т. 5. Изд. 1929. редакционная статья. С. 19).

Обращает на себя внимание не только его содержание, но и время написания этого письма.

- 12 (25) мая 1920 года Владимир Галактионович писал:

«*Здоровьем похвалиться не могу. Сердце все хуже и хуже. Я вдобавок не могу как-то капитулировать перед болезнью и то и дело огорчаю свое сердце то вмешательством в посторонние дела, то прямо физически.*

Еще в прошлом году рубил дрова, несмотря на протест семейных, копал землю и т.д. Теперь, увы, от этого уже отказался, и даже сапожная работа становится не под силу. Только голова работает недурно и я все подвигаю «Историю современника», посылая каждый раз новую часть в «Задругу»…»

Это письмо есть свидетельство того, что, несмотря на все трудности жизни в годы революции и гражданской войны, его контакт с племянником не прерывался.

Если заглянуть в первый том писем писателя, который охватывает период с 1879 по 1887 год, изданный в 1923 году и подготовленный к печати родными Короленко, то на многих страницах можно встретить упоминание о племяннике.

Почти в каждом письме к Юлиану есть строка и о Володьке. Приведу лишь несколько таких упоминаний:

1886 год.

- «*… крепко обнимаю тебя, Володю, Мамашу»…*
- *…недавно мы получили письмо от Володи…*
- *…обнимаю тебя крепко и Володю тоже.*
- *…Ребята тоже кланяются Володьке…*
- *…Крепко тебя обнимаю, дорогой мой, тебя и Володьку.*

***

- Из письма к Юлиану от 19 сентября 1886 года после того, как брат овдовел**.**

В 1887 году, в эпоху упадка духа, так дорога была всем нам надежда на поднимающий голову рабочий класс. Он вырос, и вместе с интеллигенцией, и под ее руководством, победил старый строй. Кто побежден – Россия знает. Возврата нет. Кто победитель – вопрос громадного значения... Народ ли победил или – его именем властвует и пытается творить новое будущее одна интеллигенция, фракция, секта ее? Я утверждаю последнее: народ опять ничтожен, безгласен, подавлен. Власть узурпирована. Властвует секта, властвует догма – научно уже подорванная, противоречащая сама себе в своей идеологии. Догма убила социализм. Его обаяние – в полноте раскрытия личности, ее расцвете. Отныне же он навсегда связан с нероновскими методами подавления свободы личности, ее мысли, ее прав примата над государственностью. <...> Ради победы секта бросила в массы пролетариата заведомо неосуществимые лозунги ("мир и хлеб", "долой войну", "все – ваше", "долой интеллигенцию" и т.д.). Она вызвала того духа, овладеть которым уже не может и сама. Этот дух – жадное стремление к беспредельному удовлетворению всех запросов материального существования (духовные еще массам непонятны), – дух крайнего и глубокого индивидуализма – извращение задачи подъема личности. Это противоречило и догме, но было сделано ради победы. Вы сильны. Власть ваша велика. Борьба с вами оружием бесплодна, потому что с лозунгами оружием бороться нельзя. <...> Но какой же "народ" осуществит этот новый строй? Тот, в котором вы стремитесь совершенно подавить личность, свободу? Народ – ничтожество? Святая Инквизиция, просвещенные деспоты, Аракчеев – были сильнее вас. У них не было "разрухи". Но все они добились только развращения, унижения, духовной смерти своих "пасомых".

Так неожиданно возникла необходимость поиска сведений о бывшей крестнице Короленко.

1

Об отце Е. М. Сосновской

Фамилия Сосновской мне что-то напоминала, нужно было только напрячь память. И вот в памяти всплыло: Михаил Сосновский был эсером, человеком удивительного бесстрашия. В литературе о деятелях, причастных к революции, было напечатано его открытое письмо к В. И. Ленину. Ознакомившись однажды с текстом этого документа, запоминаешь его навсегда. Он заслуживает того, чтобы привести его полностью:

4 января 1921 года.
«Владимиру Ильичу Ульянову (Ленину).
Уважаемый товарищ!
Много писем, несомненно, теперь идут к Вам со всей России – и мое среди них для Вас, вероятно, будет иметь не большее значение, чем и другие... Но право свое на обращение к Вам я основываю на своем революционном прошлом, на близости с братом Вашим, Александром Ильичем, с которым в одном кружке мы вели дело покушения на Александра III.<...> Александра Ильича вспоминаю как светлого, всю душу отдающего тому, во что веровал, чистого духом и телом юношу... Черты упорной настойчивости и твердости – вероятно, общее у Вас с ним наследие семьи...<...> Предчувствие близкой крупной роли рабочего движения в нашем кружке имело в нем, быть может, самого яркого представителя. И в программу было внесено соответствующее указание.

В. Г. Короленко пишет: «*Я знаю твою способность отдаваться всецело чувству к человеку. У тебя, прости мне братскую откровенность, недостаточно выдержки и умения регулировать свои симпатии, распределяя их в должных размерах: одна страсть всегда берет у тебя перевес над всеми остальными. Вот я и боюсь за Володю, а т.к. в Володе я люблю тоже тебя (его я совсем не знаю), то я боюсь за тебя… помни, что раньше, чем жениться на ней, ты являешься отцом, и она станет матерью, став твоей женой. Помни, что не ребенок обязан полюбить новую мать (приказать ему полюбить ее невозможно, а мать должна сама взять эту привязанность и в нем, в Володе, будет или суд или одобрение твоего поступка… если твоя жена станет для него мачехой в обычном значении слова, и если у тебя не хватит для него любви и ты станешь глядеть ее глазами... между прочим в этом и будет страшное преступление перед памятью Мани. Ты знаешь, что я человек без предрассудков. Но эту-то связь, эти обязанности, налагаемые мертвым на живого, я признаю во всем их объеме… я горячо желаю, чтобы ты действительно нашел любящего человека. Это тебе необходимо. Но все же я боюсь, и это чувство ты не можешь не признать натуральным, если взглянешь с нашей точки зрения.*
…В Володе – все решение этого дела, а ребенок не может лгать. Его нельзя заставить изречь пристрастный приговор. Дело, конечно, не в баловстве, дело – в любви, в любви равной со своими будущими детьми.
Предполагаемый брак Юлиана не состоялся.

- Весна 1887 года. Из письма к брату Юлиану**:**

«*…Ты теперь почти один, мальчик на время обеспечен, а одна голова, говорят, не бедна…. Ты хоть и старший*

брат, но по легкомыслию и пылкости чувств тебе суждено вечно оставаться в роли племянника, которому необходимо читать дядюшкину мораль… ободрись дружище. Поцелуй Володю…»

И хотя из-за сложившихся условий жизни В. Г. Короленко видел племянника редко, тем не менее, был к нему внимателен и постоянно заботился о нем.

А судьба Владимира Юлиановича не жаловала: он рано осиротел, потеряв в раннем детстве мать, а в юношеском возрасте и отца…

***

П. В. Негретов в своих воспоминаниях (Почтовый ящик № 223 // Печальная пристань. Сыктывкар, 1991), которые затем составили его книгу – *Негретов П.* «Все дороги ведут на Воркуту». Вермонт, 1985), упоминает о том, что 5 августа 1979 года многолетний исследователь и публикатор многих текстов писателя, а также большой знаток окружения Короленко – А. В. Храбровицкий (1912–1989) сообщил ему по поводу практически не находимого издания «Писем из тюрем и ссылок» В. Г. Короленко (Горький, 1935). Можно предположить, что эту книгу сразу же запретили.

Храбровицкий приводит следующие сведения**:** «*Именной указатель к «Письмам из тюрем и ссылок» был составлен А. Л. Кривинской и Н. В. Короленко-Ляхович, не опубликован по причинам, по которым в том же 1935 году были закрыты Общество и издательство политкаторжан, прекращен журнал «Каторга и ссылка». Об идеологических (политических) причинах этого сообщала, жившая в Горьком А. Д. Гриневицкая в одном из писем к Наталье Владимировне (письмо в ГБЛ. Копия указателя есть у меня)».*

И далее П. Негретов воспроизводит из этого источника чрезвычайно интересные факты биографии сына Юлиана:

Глава 8

Этюд о крестнице В. Г. Короленко

Осенью 2007 года, завершая работу над книгой о Марии Вениаминовне Юдиной и разбирая ряд источников, не вошедших в книгу дополнений, я в который раз перечитывала воспоминания о ней дочерей священника Феодора Андреева, стараясь не упустить ни одного штриха к ее мозаичному портрету. И как-то совсем неожиданно мое внимание привлек следующий отрывок: «*…маленькая, кругленькая, хорошенькая Леля с живыми черными глазами (Елена Михайловна Сосновская, дочь народовольца и крестница В.Г. Короленко) была ученицей и подругой Марии Вениаминовны. Кажется, она единственная называла М.В. «Машкой». Леля была очень одаренным человеком».*

Далее следовало уточнение: «*Не менее способная к живописи, чем к музыке, она училась у художника Павла Кузнецова и работала с ним в Средней Азии. В описываемый период Леля занималась биологией. Мы, будучи у них в гостях, с упоением рассматривали в микроскоп срезы препарированных лягушек. У нас она встретилась с И.М. Андреевским и впоследствии стала его второй женой. Все ее таланты ушли на воспитание дочери – будущего талантливого филолога и незаурядного человека».*

И еще одна подробность, которая относится уже к периоду отечественной войны:

«*Героическими усилиями Марии Вениаминовны удалось вывести Лелю с дочкой из осажденного города в Москву. Вся история их отношений состояла из периодов ссор и примирений».*

примечательно и очень интересно:

«*…С «Кромщинского дела» началось в 1942 году в Пензе мое изучение Короленко и мои писания о нем. В 1948 году я издал в Пензе отдельной брошюрой «В успокоенной деревне» с предисловием Софьи Владимировны Короленко (написанным Анной Леопольдовной Кривинской, которую я глубоко чту как основоположника и основного труженика короленковедения)».*

Биографическая справка о ней была напечатана в 1966 году в сборнике «Jlітературна Полтавщина».

***

Завершая свои воспоминания о сестрах Кривинских, Л. Гейштор писала: «*Внешне они были чем-то похожи на интеллигентных, чутких и доброжелательных преподавательниц дореволюционных женских гимназий, хотя и не имели специального образования. Со временем они, без преувеличения, стали профессиональными литературоведами. Все трое посвятили свою жизнь Владимиру Галактионовичу Короленко.*

...Их поведение в быту, их поступки определялись не только устоями дома Короленко, но и его высокими принципами служения добру и справедливости, его отношением к людям, особенно к бедным, неблагополучным».

- «*На стр. 205 (*имеется в виду книга, вышедшая в Горьком. – С.Ш.) *упомянут Владимир Юлианович Короленко (племянник В. Г. Короленко), родившийся 9 июня 1881 г.*
- *Он стал адвокатом;*
- *после революции был арестован в Москве – есть отметка Короленко о его письме по этому поводу следователю ВЧК Брику (другу Маяковского);*
- *в 1928 году был защитником на Шахтинском процессе (см. «Правду» от 18 мая 1928 г., с. 5; его речь напечатана в «Правде» от 3 июля 1928 г.).*
- *По моим данным (не помню, откуда), он погиб на Соловках в 1938 г.; в 1937 г. он еще писал оттуда Софье Владимировне*».

В данном случае в качестве источника этих сведений называется *неопубликованный указатель* к письмам, который готовили к печати дочь писателя и очень близкий к их семье человек А. Л. Кривинская. Все факты, можно сказать, «из первых уст». Так стало известно, что еще *при жизни Короленко* его племянник был арестован *в первый раз.* Выходит, его арестовывали не один раз. И Владимир Галактионович пытался заступиться за племянника.

Экскурс в историю репрессий

Новейшая российская история, вероятно, как ни какая другая, полна тайн, лжи и фальсификаций. Со временем некоторые тайны были раскрыты, а многие и поныне окутаны мраком.

ШАХТИНСКОЕ ДЕЛО – это печально знаменитый судебный процесс, состоявшийся в Москве в мае – июле 1928 года. Группа инженеров и техников необоснованно обвинялась в создании

контрреволюционной вредительской организации, которая, якобы, действовала в Шахтинском и других районах Донбасса. Пять обвиняемых приговорены к расстрелу, остальные – к различным срокам заключения. Инженеров и техников предстояло запугать и, таким образом, сломить их сопротивление. Официально называлось «Дело об экономической контрреволюции в Донбассе». Обвиняемым вменялась в вину не только «вредительская деятельность», но и создание подпольной организации, установление конспиративной связи с московскими вредителями и с зарубежными антисоветскими центрами.

В мае 1928 года в Москве состоялся первый показательный процесс над «врагами народа». Кстати, сам термин впервые появился именно на процессах по «шахтинскому делу».

В качестве сцены был избран Колонный зал Дворянского собрания – здания, уже ставшего тогда Домом Союзов. «Шахтинское дело» разбирало Специальное судебное присутствие (судебный орган был заимствован из дореволюционной жизни), процессуальные функции которого в советском законодательстве не были установлены. Но такие мелочи большевиков никогда не останавливали. Возглавил присутствие ректор Московского университета профессор Андрей Вышинский. Была достигнута главная цель – в стране возникла атмосфера напряженности, психоза и недоверия к инженерам и специалистам.

Среди обвиняемых большинство (35 человек) были горными инженерами, окончившими институт, в основном, до революции.

В зале присутствовали делегации трудящихся, мимо здания проходили тысячи демонстрантов с лозунгами, требуя сурового наказания преступников.

Характерной особенностью процесса явилось то,

***

В 30-е годы в московском издательстве появились 3 тома избранных писем В. Г.: «Письма из тюрем и ссылок». «Записные книжки». «История моего современника».

Помимо этого, вышел однотомник произведений В. Г. Короленко. Львиная доля в подготовке этих книг лежала на Анне Леопольдовне. Благодаря А. Л. Кривинской, которая имела большой опыт работы в петербургских изданиях, подготовка к печати книг Короленко была выполнена на высоком профессиональном уровне с исключительной добросовестностью и точностью. С. В. Короленко очень ценила ее знания и стиль работы.

П. Н. Негретову не много было известно о сборнике «Письма из тюрем и ссылок», и потому он обратился за уточнениями к А. В. Храбровицкому, который 5 августа 1979 года ответил ему, ссылаясь на имеющееся у него запрещенное издание «Писем из тюрем и ссылок» В. Г. Короленко (Горький, 1935):

«*Именной указатель к этому изданию был составлен А. Л. Кривинской и Н. В. Короленко–Ляхович, не опубликован по причинам, по которым в том же 1935 году были закрыты Общество и издательство политкаторжан, прекращен журнал «Каторга и ссылка»; об идеологических (политических) причинах этого сообщала жившая в Горьком А.Д. Гриневицкая в одном из писем к Наталье Владимировне (письмо в ГБЛ). Копия указателя есть у меня».*

***

П. Н. Негретов приводит фрагмент письма А. В. Храбровицкого от 25 июня 1978 года, в котором Анне Кривинской дана характеристика, как высокому специалисту. Признание А. В. Храбровицкого

Об Анне Кривинской

Анна Леопольдовна была старшей и сводной сестрой близнецов сестер Марии и Любови.
Одно время жила в ПБ., работала в редакциях разных журналов, бывала и заграницей.
Она живо интересовалась вопросами философии, социологии и культуры. Следует напомнить, что еще в 1915 году А. Л. Кривинская уже выступала в печати.

Так, в журнале «Русская мысль» она напечатала обширное исследование на тему «Женщины в жизни Ницше

По свидетельству Л. Гейштор:

- Посетителям юбилейной выставки о Короленко (в 1928 году – С.Ш.) особенно нравились экскурсии Анны Леопольдовны
- Анна Леопольдовна жила в семье Короленко и работала с утра и до позднего вечера без каких-либо выходных. В благодарность за этот труд, любя и уважая А. Л., С. В. взяла на себя обязательства заботиться о ней до конца ее жизни, что и выполнила.
- Анна Леопольдовна была инвалидом и с трудом передвигалась от кровати до письменного стола…. Память у нее была замечательная…. Разум и душевные качества поражали людей, общавшихся с ней.
- По инвалидности и по возрасту А. Л. Кривинская могла работать только за письменным столом. На ней лежала обязанность по деловой переписке С. В. Короленко.
- Анна Леопольдовна умерла 3 октября 1944 года в Свердловске. «В тихий солнечный день ранней осенью мы похоронили Анну Леопольдовну».

что многие подсудимые продолжали отрицать свою вину и на суде. Итоги процесса таковы: в приговоре судебного присутствия были выделены 2 группы врагов, достойных высшей меры наказания.

Конкретное изучение материалов следствия по этому «делу», как и широкого круга ранее недоступных документов тех лет, касающихся деятельности партийно-государственных органов, стало возможным лишь с конца 80-х-начала 90-х годов XX столетия.

Всего было обвинено 53 человека. Судебные заседания проходившие в колонном зале Дома Союзов начались 18 мая 1928 года и продолжались 41 день. Кроме государственных обвинителей (Крыленко и Рогинский), в заседаниях принимали участие 42 общественных обвинителя. Обвиняемых защищали 15 адвокатов. (!) На суде присутствовали многочисленные журналисты и даже зрители. Лишь 10 из 53 подсудимых полностью признали все предъявленные им обвинения.

***

То, что Владимир Юлианович в качестве адвоката принимал участие в знаменитом «Шахтинском деле», говорит о его активной гражданской позиции. В дальнейшем, возможно, удастся об этом процессе найти тексты газетных публикаций тех лет, на которые дана ссылка. Быть может, там было напечатано живое слово защиты, а не только обвинения.

Но, скорей всего, эти источники уничтожены и вряд ли находимы.

***

В последующие годы Владимира Юлиановича постигла участь многих достойных людей – гибель на Соловках.

Впечатляет также и последняя фраза, что он старался находиться, насколько это было возможно в

его условиях, в постоянной связи с осиротевшей семьей В. Г. Короленко.

***

В «Архипелаге ГУЛАГ» А. И. Солженицын приводит список тех, кто в разные годы отбывал свой срок на Соловках. Этот список предваряет уточнение писателя: «*Вот немногие соловчане, сохранённые памятью уцелевших…»* (без инициалов!):

- Ширинская-Шахматова,
- Шереметева,
- Шаховская,
- Г. М. Осоргин,
- Клодт,
- Н. Н. Бахрушин,
- Аксаков,
- Комаровский,
- П. М. Воейков,
- Вадбольский,
- Вонлярский,
- В. Левашов,
- О. В. Волков,
- В. Лозина-Лозинский,
- Д. Гудович,
- Таубе,
- В. С. Муромцев,
- Финансист проф. Озеров,
- Юрист проф. А. Б. Бородин,
- Психолог проф. А. П. Суханов.

Философы:

- Проф. А. А. Мейер,
- Проф. С. А. Аскольдов,

***

Сохранились записи Л. Л. Кривинской «Из воспоминаний о В. Г. Короленко:

«Редакторская работа заставляла Владимира Галактионовича часто ездить в Петербург. 1912 год был для него очень тяжёлым. Большую часть его он провёл в столице в усиленной работе по журналу. Два сотрудника журнал «Русское Богатство» (Пешехонов и Мякотин) отбывали по приговору суда годичное заключение в крепости, а тяжело больной Анненский уехал заграницу лечиться, и через три недели после возвращения оттуда скоропостижно скончался. Смерть эта была тяжёлой утратой для Короленко, горячо любившего своего друга.»

***

В 1996 году Элеонора Блажко вспоминала: «*Собственно говоря, она (имеется в виду Софья Владимировна – С.Ш.) не одна была хранительницей дома В. Короленко. Их было трое – пожилых, интеллигентных, как-то по-особому чутких и доброжелательных женщин – Софья Владимировна и две ее подруги – Мария Леопольдовна и Любовь Леопольдовна Кривинские. Чем-то похожие на преподавательниц женских гимназий, они, не имея специального* образования, стали литературоведами – короленковедами в лучшем смысле этого слова».

И еще: «*Все трое они посвятили ему свои жизни. В их быту, их поступках все шло не только от устоев дома Короленко, но и от его высоких принципов служения добру и справедливости, любви к людям, особенно к бедным, неблагополучным. И меня они опекали как «бедного студента» – время было трудное, не прошло и семи лет после окончания войны. И еще как полусироту. Знали, что не так давно я похоронила маму».*

2

навестил ее в больнице, – она слегла в том году и уже до самой смерти, последовавшей 11 июля 1979 года в Москве, не вставала. За ней ухаживала внучка В. Г. Короленко – Софья Константиновна Ляхович».

Интересны подробности, которые он упоминает в связи с изучением архива писателя:

«*Из Полтавы я поехал в Москву и в «Вопросах истории» попросил отношение в отдел рукописей Ленинской библиотеки, где хранится архив В. Г. Короленко. Но завотделом С. В. Житомирская разъяснила мне, что ходатайства из редакции журнала недостаточно, требуется еще допуск к спецхрану, которого у меня нет. В 1974 я второй раз ездил в Полтаву и в музее В.Г. Короленко получил еще одно ходатайство, с которым снова пришел к С. В. Житомирской. Сарра Владимировна иногда нарушала строгие правила спецхрана, за что, возможно, ее в декабре 1976 с этой должности сняли. Тогда, в 1974, она разрешила выдать мне дневники В. Г. Короленко за 1917–1921 годы, как подлинные рукописи, так и машинописный текст, подготовленный редакционной комиссией к изданию еще в 1928 году. Пока Сарра Владимировна не передумала, я ходил в отдел рукописей и сидел там по десять часов в день, делая себе только перерыв на обед. Из 309 листов большого формата машинописного текста я выписал себе в общую тетрадь 80 страниц выписок, опуская те места, которые уже были приведены в «Книги об отце» С. В. Короленко…»*

Тогда же П. Н. Негретов познакомился с А. В. Храбровицким. По этому поводу он пишет: «*Однажды, когда я сидел в читальном зале отдела рукописей, я услышал над собой голос: «Вы изучаете Короленко?». Я поднял голову и увидел стоявшего рядом с моим столиком мужчину внушительной комплекции. Так я познакомился с Александром Вениаминовичем Храбровицким*».

- Е. Н. Данзас,
- Теософ Мёбус.

Историки:

- Н. П. Анциферов,
- М. Д. Приселков,
- Г. О. Гордон,
- А. И. Заозерский,
- П. Г. Василенко.

Литературоведы:

- Д. С. Лихачев,
- Цейтлин,
- лингвист И. Е.Аничков,
- востоковед Н. В. Пигулевская,
- орнитолог Г. Поляков.

Художники:

- Браз,
- П. Ф. Смотрицкий.

Актёры:

- И. Д. Калугин (Александринка),
- Б. Глубоковский,
- **В. Ю. Короленко (племянник).**

Здесь вкралась явная ошибка, т.к. актером В. Ю. Короленко никогда не был…

***

Но это не единственна ошибка, связанная с его именем. На одном из украинских сайтов была

напечатана статья под названием «Весточка из ада», в которой есть такие строки**:**

«*Будучи в 30-е годы XX века заключенными на Соловках, Дмитрий Лихачев и Юлиан Короленко пожелали оставить надпись на валуне. Они понимали, что вряд ли выйдут отсюда живыми, и посему желали оставить хоть такую о себе память – передать потомкам весточку из ада концлагеря. Юлиан Короленко там и погиб».*

Здесь опять вкралась досадная неточность, поскольку в лагере на Соловках погиб не Юлиан, а его сын Владимир. Эта ошибка будет переходить впоследствии из одного источника в другой….

В данном случае показательно совсем иное – это качественно новый факт. Оказывается, Владимир Юлианович на Соловках дружил с молодым Дмитрием Сергеевичем Лихачевым. Сопричастность судьбы В. Ю. Короленко к судьбе будущей гордости российской культуры позволяет предположить, что Д. С. Лихачев о товарище по несчастию мог оставить свои вспоминания. Это предположение подтвердилось.

Так, например, в воспоминаниях Д. С. Лихачева, где речь идет о его пребывании на Соловках, интересен следующий отрывок: *«...В 1931 году появился Владимир Юльянович Короленко... В сущности, знали мы о нем только два факта: что приходился он писателю В. Г. Короленко двоюродным братом и что был он по профессии юристом... Он тоже любил мальчишеские забавы».*

Последняя фраза особенно неожиданна и трогательна в своей непосредственности.

Здесь в воспоминания Лихачева вкралась ошибка: Владимир приходился писателю родным племянником. Но в другой публикации эта неточность уже отсутствует, и более того, приводятся новые

- В 1953 году в Полтаве было построено здание библиотеки, в котором власти выделили квартиру для Софьи Владимировны и сестер Кривинских.
- В 1969 году Любовь Леопольдовна сообщала исследователю творчества писателя историку Павлу Негретову о том, что инициатором контактов Луначарского и Короленко был Ленин.
- Л. Л. Кривинская писала: «*Он надеялся, что Луначарскому удастся убедить Короленко прекратить критику советской власти».*
- *Любовь Леопольдовна – фельдшерица по образованию – в годы эвакуации устроилась на работу в одну из городских больниц.*
- *Она умерла через 10 лет после Марии. Свой век она доживала на попечении внучки Короленко – Софьи Константиновны Ляхович.*

***

Т. Милютина в своих воспоминаниях пишет, что Любовь Леопольдовна по своей душевной настроенности и деликатности была очень похожа на свою сестру. Читаем: «*Ни одного слова о себе, а ведь она оставалась слепнущая, совершенно одинокая, через несколько лет парализованная. В Полтаве некому было заботиться о ней, и ее увезли к себе в Москву единственные потомки Короленко, достойные потомки – внучка Короленко Софья Константиновна (урожденная Ляхович) и ее дочь. Там же она пролежала парализованная несколько лет и у них же умерла».*

***

Не менее интересны и значительны сохранившиеся записи самого П. Н. Негретова о его встречах с Л. Л. Кривинской. Он вспоминал: «*В 1972 я ездил в Полтаву, чтобы лично познакомиться с сестрой М. Л. Кривинской – Любовью Леопольдовной. Я*

- 3 октября 1916 года.

«*Любочка Кривинская на днях собирается уезжать…»*

- 21 ноября 1916 года.

«*…Милая Любочка помогала при операции и осталась с ней ночевать и ходить за ней…»*

Речь идет об операции младшей дочери писателя Натальи, в уходе за которой самое деятельное участие принимала Любовь Кривинская.

Она была очень привязана ко всем членам этой семьи, и они тоже платили ей любовью и благодарностью**.**

В книге Л. Гейштор «Вблизи Короленко» даются подробные характеристики сестрам Кривинским**.**

- «Отец сестер Кривинских – Леопольд был преуспевающим адвокатом в Полтаве и членом харьковской коллегии адвокатов и занимался гражданским делами.

Он был щедрым и делал солидные дары еврейской общине. Дважды был женат. Близнецы (Мария и Любовь – С.Ш.) были моложе сводной сестры Анны на 10 лет…. Анна очень любила своих сводных сестер.

- Любовь Леопольдовна была арестована, и содержалась в подвале Красного дома (КГБ)…. Сохранились письма семьи Короленко, в которых они хлопотали об освобождении Л. Л. Кривинской.
- В годы войны Л. Л. Кривинская. целыми днями работала в больнице, а потом убирала квартиру и топила печку. Роза Александровна Рабинович работы не имела, а потому была главной добытчицей пропитания семьи.
- В пятидесятые годы Любовь Леопольдовна была экскурсоводом музея Короленко и «добрым гением его дома».

подробности их общения. Возвращаясь к пережитому, Лихачев писал: «*Уехал и Володя Раков, и Федя Розенберг, и многие другие. Жить стало еще тоскливей. Я подружился с племянником Короленко, сыном его брата Владимиром Юлиановичем Короленко. Он часто приходил в Кримкаб, благо работал в том же здании УСЛОНа, кажется, юристом. Он был замечательным рассказчиком. При этом энергично жестикулировал, и это подчеркивало отсутствие безымянного пальца на левой руке: явный саморуб. Только впоследствии я узнал, что это было сделано не для отказа от работы. Он хотел заглушить в себе боль раскаяния: на следствии не устоял и кого-то выдал. Он тоже получил пропуск, и мы вместе гуляли по окружающим Кремль лесам, восхищались красотой острова, небес, игрой красок на море, закатами. Ясно помню такую картину. Уже вечерело. Была осень, и мы попали к озеру по Савватиевской дороге. Снега еще не было, но поверхность озера уже была покрыта тонким слоем льда. Мы бросали с ним камни так, чтобы они скользили по льду. Они уносились во тьму на очень далекое расстояние. Потом мы подбрасывали камень кверху, он падал вертикально вниз и пробивал лед. На черной поверхности льда появлялся белый пузырь воздуха и начинал двигаться от нас к чистой воде. Становилось совсем темно, и только белые пятна воздуха под тонким черным льдом были видны пропадающими вдали. Почему я это запомнил? Верно, потому, что в детстве в Куоккале я любил бросать камни в море, «печь блины» и бросать круглые камни вертикально вверх, чтобы, падая с высоты в воду, они издавали красивый звук, напоминающий звук открываемой пробки в бутылке».*

Из этого отрывка встает вполне зримый облик противоречивой личности с такой нелегкой судьбой.

В своих воспоминаниях Д. С. Лихачев упоминает

не только профессию В. Ю. Короленко, но и некоторые другие важные подробности его биографии: «*...У Владимира Юлиановича приговором был расстрел с заменой десятью годами... Мы решили увековечить свое пребывание на Соловках. Короленко достал молоток и зубило, и мы отправились в лес по Муксаломской дороге искать подходящий камень, чтобы выбить наши фамилии. Камень нашли направо от дороги. Местность была холмистой. Холмы были длинные, и между длинными холмами тянулось длинное узкое озеро. На самой высокой точке одного из холмов лежал валун... Работа была тяжелой. Были мы там дважды. Успели выбить: «Корол» – сверху и «Лихач» – снизу, величина букв примерно с ладонь... Когда в последний раз я вернулся в Кремль, я узнал, что меня вызывают на этап... Очень я жалел, что не удалось нам добить наших фамилий, и просил закончить работу Владимира Юлиановича. Впоследствии он сообщил мне через кого-то на Медвежью гору, что надпись закончил».*

Они, как друзья по несчастью, прекрасно понимали, что вряд ли выйдут оттуда живыми, и посему хотели оставить хоть какую-то память о себе – передать потомкам весточку из ада концлагеря.

Через всю свою многотрудную жизнь Дмитрий Сергеевич Лихачев пронес устойчивую память о своем голгофском Соловецком камне. Он писал: «*Не остался я равнодушен и к истории Соловков. Сейчас я вспоминаю то время без чувства обиды, но с известного рода сознанием того, сколько оно мне дало для моего умственного развития. И это вовсе не по поговорке «что прошло, то будет мило». Испытания, которым я подвергался, «милыми» стать не могли…»*

Прошло 60 лет, и в 1990-х годах Дмитрий Сергеевич посетил Соловки, пытался разыскать тот памятный валун. Он точно знал местность, помнил

Приложение 2
О сестрах Кривинских

Основные сведения о них стали известны после выхода в свет книги сотрудницы музея им. Короленко в Полтаве Л. Гейштор.

Оставалось только упорядочить уже известные факты их биографий, и дополнить еще несколькими источниками.

1
О Любови Кривинской

Кривинская Любовь Леопольдовна родилась в 1887 году. Она была близким другом семьи Короленко

Любовь Кривинская была многолетним научным сотрудником Полтавского государственного литературно-мемориального музея В. Г. Короленко, экскурсоводом и автором статьи «В. Г. Короленко в Хатках», которая была напечатана в Полтаве в 1961 году в «Научных записках Полтавского государственного литературно-мемориального музея В. Г. Короленко».

***

В книге «Письма Вл. Короленко к П. С. Ивановской» несколько раз упоминается о «Любочке Кривинской» как о близком человеке. Приведу лишь несколько таких мест в письмах писателя:

- 20 сентября 1916 года.

«*…Соня уже в Петрограде вместе с Маней. Уехали 15-го или 16-го. Люба получает хорошее место в «Капле молока». Молодца эта Любочка! Славная, дельная и знает, чего хочет. Из «Красного Креста» ее, еврейку, провожали с необыкновенной теплотой…»*

изменилась, но лицо и в старости было красивым своими «точеными», удивительно гармоничными чертами и выразительными глазами…. Память у нее до конца была прекрасной, как и ясный ум, и хороший почерк.

- Кроме подготовки к изданию книг С. В Короленко, она писала воспоминания, которые потом были переданы музею.
- Почти не болела и умерла от инфаркта 24 января 1969 года в Полтаве. Захоронена на старом городском кладбище
- Сестры Кривинские (Маня и Люба) 3 года ухаживали за С.В.Короленко, прикованной к постели и без сознания, до самого конца и похоронили ее.
- Доски на могилу С. В. и Н. В. поставила М. Л. Она заказывала тексты и следила за выполнение работ. Мраморную доску с фотографией М. Л. Кривинской установила ее сестра Любовь.
- В доме Короленко не отрекались от друзей в беде, не оставляли без помощи и поддержки. Членов семьи Короленко тронуть не осмелились.

местоположение камня. Отсчитал несколько сотен шагов от угловой башни, повернул в одну сторону, в другую, но огромного валуна с надписью так и не нашел. Надписи, выбитые 75 лет назад, были расположены с тыльной стороны камня, и потому с тропы их не было видно, можно пройти мимо и не заметить…. Однако поиски камня все же продолжались….

26 сентября 2004 года появилось сообщение о результатах длительной поисково-исследовательской работы, проведенной сотрудницами Соловецкого музея-заповедника М. А. Луговой и О. В. Бочкаревой. «Камень Лихачева» все-таки был обнаружен. Фотографию этого валуна они даже успели преподнести Дмитрию Сергеевичу в дар.

Выяснились некоторые неточности: надписи были расположены наоборот: Лихачев – сверху, Короленко – снизу, а сам валун находился не направо от основной дороги, а слева, если идти по направлению к острову Большая Муксалма.

***

В 2006 году в журнале «Звезда» (№ 11) появилась интереснейшая публикация под названием «Неожиданный Лихачев». Это была запись беседы Алексея Самойлова с Дмитрием Сергеевичем. На один из отрывков этой беседы следует обратить особое внимание: «*8 февраля 1928 года, несколько месяцев держали в тюрьме в Ленинграде, потом отправили на Соловки, в лагерь. На Соловках я познакомился с племянником писателя Короленко – Владимиром Юлиановичем. Не знаю, как он кончил, – у него был десятилетний срок. У нас были постоянные пропуска на выход из кремля. Мы шли с ним на берег моря и «пекли блины» – бросали в воду плоские камни, надо было изловчиться и метнуть камень так, чтобы он сделал как можно больше прыжков-скачков, «блинов». Я*

этому выучился еще в Куоккале, где очень ловко «пекли блины» Короленко – старший, Владимир Галактионович и Корней Иванович Чуковский…»

Это воспоминание как бы повторяет слова Д. С. Лихачева о том, что *«В. Ю. Короленко тоже любил мальчишеские забавы»….* А ведь ему было уже немало лет, и за плечами трудная жизнь, исполненная многих лишений и горьких потерь.

Упоминание в воспоминаниях Д. С. Лихачева о приговоре, вынесенном В. Ю. Короленко, и последующей замене его 10-ю годами лагерного срока, позволило направить дальнейший поиск документов в новом направлении. В результате удалось обнаружить « расстрельное дело» В. Ю. Короленко. Приведу его полностью:

«*Короленко Владимир Юлианович (1881–1937), уроженец г. Ленинграда, гражданин СССР, русский, дворянин, беспартийный, юрист, племянник писателя В. Г. Короленко.*

Осужден за контрреволюционную деятельность, террористическую деятельность КОГПУ от 13. 06. 30 г. по ст. 58-8-4-11 УК к расстрелу с заменой на заключение в к/лагерь на 10 лет.

Отбывал наказание в Соловках, заведовал метеостанцией в 1935–1936 гг.

Оперативной частью Соловецкой тюрьмы ГУГБ НКВД СССР за к/р террористическую деятельность представлен (Дело № 103008 – 1937 г.) к ВМН. Особой тройкой УНКВД ЛО – Протокол № 83 от 9 октября 1937 года – ***приговорен к расстрелу и расстрелян 3 ноября 1937 года в урочище Сандармох Карельской АССР****».*

Указание на то, что он одно время заведовал метеостанцией, позволило предположить, что он мог встречаться с отцом Павлом Флоренским, отбывавшим свой срок в эти же годы и завершившим свое земное

- В 1937 году снова уехала в Москву, где и была арестована 27. 04. 1937 года. По приговору получила 5 лет ссылки.
- Покупками продуктов в Полтаве для семьи занималась Мария Леопольдовна, когда вернулась из ссылки**….**
- Потребность духовного общения с другим человеком удовлетворялась дружбой, прежде всего, с М. Л. Кривинской
- Маня Кривинская была щедро одарена душевно, умна, энергична, красива…. Молодые люди отметили, что С. В. всегда было больше интересно общение с М. Л., чем с ними.
- У С. В. был очень хороший вкус, тонкое понимание красоты и любовь к природе. С детства проявлялась любовь к цветам, а потом к растениям вообще… радовалась каждому распустившемуся цветку. Цветок для нее был талисманом удачи…
- Очень любила народное искусство…
- Во время поездки ее в марийскую область к М. Л. Кривинской, С. В. сфотографировалась….
- В 1946 году, по ходатайству С. В Короленко, была освобождена. Она принимала деятельное участие в редакционной работе над изданием 10-ти томного Собрания сочинений В. Г. Короленко (к 100-летию со дня его рождения).
- До самого конца М. Л. сохраняла притягательную силу своей незаурядной личности. Ей постоянно писали друзья – солагерники, приезжали к ней повидаться, приходили со своими бедами и заботами. М. Л. всех принимала, всех выслушивала, помогала, писала «прошения» в разные инстанции. Старые и слабые телом, но не сломленные духом люди хранили дружеское участие друг к другу.
- С годами наружность М. Л. Кривинской

году была исключена за участие в студенческих беспорядках. Ее выслали под надзор полиции в Полтаву. Летом того же года она отправилась на 2 месяца в Палестину.

- Осенью 1910 года поступила в Петербурге на сельскохозяйственные курсы. В январе 1911 года прервала учение и уехала «на голод» в Самарскую губернию вместе с С. В. Затем окончила фельдшерскую школу в Пб в 1915 году.
- Во время первой мировой войны работала в полтавском лазарете. В 1915 году ею была организована столовая для детей солдат, мобилизованных на войну, и столовая существовала почти год.
- В 1916 году работала в еврейском комитете по оказанию помощи евреям – беженцам, заразилась возвратным тифом, долго и тяжело болела.
- В начале 1917 года уехала в Пб. Работала в обществе охраны здоровья, а затем в Смольном, в финансовом отделе.
- После Октября – в обществе «Культура и свобода» в качестве секретаря общества.
- Зиму 1918–1919 года провела в Крыму с больной Евдокией Семеновной.
- Весной 1919 года вернулась в Полтаву. Работала в Лиге спасения детей вместе с С. В. Короленко.
- В 1924 году за принадлежность к партии социал-демократов (меньшевиков) была арестована и выслана в марийскую область. Туда к ней приезжала С. В Короленко вместе с Л. Л. Кривинской.
- В 1927 году было окончание ссылки. Уехала в Симферополь и жила там до 1930 года.
- В 1930 году вернулась в Полтаву, а затем переехала в Москву, где занималась переводами с французского.
- В 1936 году она в Полтаве и сильно болела.

существование тоже в печально известном 1937 году.

Так стали известны не только даты жизни Владимира Юлиановича Короленко, но и обстоятельства, и даже место его гибели…. Он прожил всего 56 лет.

Этого документа Д. С. Лихачев, конечно, знать не мог.

Свидетельство паломника

Сибирский журналист Алексей Казаков разыскал место массового захоронения жертв сталинского террора. Он писал: «*До сих пор Медвежьегорск хранит следы великой сталинской стройки и в 20-ти километрах по дороге к нему находится страшное место – урочище Сандармох, где уничтожали безвинных людей ежедневно сотнями. При въезде – мемориал памяти погибших и плита с надписью: «Здесь, в урочище Сандармох, месте массовых расстрелов, с 1934 по 1941 год убиты свыше 7 тысяч ни в чем не повинных людей: жителей Карелии, заключенных и спецпоселенцев Белбалтлага, узников Соловецкой тюрьмы. Помните о нас, люди! Не убивайте друг друга!».*

В конце его публикации читаем: «Напротив небольшая часовня, в ней поминальные свечи и огромная книга со списками в алфавитном порядке всех расстрелянных в этом лесу. В этом списке значится и фамилия Владимира Юлиановича Короленко. За часовней – море крестов-символов, занимающих площадь в несколько гектаров. Перед этим печальным зрелищем меркнет многое…»

К этому тексту вряд ли что можно добавить, разве только слова Евангелия: «У Бога все живы»…

Еще один племянник – тезка писателя

Во втором томе писем Короленко (изд.1923. Т.2. С.116) в письме к жене 20. 07. 1889 года Владимир Галактионович сообщает о том, что у его сестры Эвелины родился сын:

«… у Вели родился сын… кажется все благополучно. Назовут Володей!!!».

Выходит, у В. Г. было два племянника, которых назвали его именем:

- Владимир Юлианович Короленко и
- Владимир Михайлович Никитин (сестра Эвелина была замужем за Михаилом Никитиным).

Но о судьбе второго племянника пока никаких сведений не находится. Разве только то, что он был на 8 лет моложе Владимира Юлиановича.

Поиск продолжается…

Приложение1
Л. Гейтор о М. Л. Кривинской
(В книге «Вблизи Короленко». Полтава. 2001. Глава: Дружба длиною в жизнь)

В книге многолетней сотрудницы музея в Полтаве Л. Гейштор немало страниц посвящено сестрам Кривинским, и в первую очередь, Марии Леопольдовне. Примечателен фрагмент воспоминаний М. Л. Кривинской о своей подруге – Соне Короленко, который цитирует Л. Гейштор: «*Друг ее жизни Мария Леопольдовна Кривинская написала в своих воспоминаниях: «Ушла из жизни не только дочь писателя, литературный работник, основатель музея, но чистый, бескорыстный, добрый человек, верный в дружбе, всегда готовый к помощи другим. Любила Родину, детей, природу, литературу и искусство»…»*

Л. Гейштор писала:

- Из всех детей самой яркой была Мария. Она родилась в Полтаве 14 (27) января 1887 года. В 1900 году познакомилась с дочерью В. Г. в Полтавской Мариинской гимназии. Соня Короленко и Маня Кривинская стали самыми близкими подругами на всю жизнь.
- Окончила Маня гимназию в 1904 году и уехала в Париж для поступления в высшую школу, посещала лекции в Сорбонне.
- В 1905 году из-за болезни матери вернулась в Россию. Вскоре их мать умерла.
- Летом 1907 года Маня Кривинская работала медсестрой на эпидемии холеры в полтавской губернии (под Лубнами). Осенью она поступила на естественное отделение высших женских курсов в Одессе, но в 1910

Храбровицкому я их не показал, рассудив, что дневники Короленко для него не новость. Я предполагал использовать их впоследствии для работы, но чем больше я вникал в мир Короленко, тем необъятней он для меня становился. Тогда я предложил Храбровицкому прокомментировать мои выписки и совместно их опубликовать. Александр Вениаминович удивился, что я раньше не сказал ему о них, он не ожидал, что они окажутся такими обширными. До него уже доходили слухи, что в Москве читают чьи-то выписки из дневников Короленко за 1917–1921 годы. Завершить работу над выписками Храбровицкий предложил мне самому. Я хотел дополнить их и пошел в отдел рукописей, но на этот раз дневники мне не выдали. Это был 1978 год, и замзава сказала мне, что и в 1974 году дневники были выданы мне по ошибке («не будем теперь искать виновного»), а сейчас это невозможно. Снабдив выписки минимумом необходимых примечаний и написав к ним вступительную статью, я в январе 1979 отправил их в Москву, к Храбровицкому. Через два месяца, 12 марта, Александр Вениаминович мне сообщил, что «вопрос о публикации отпал, она уже напечатана без нашего с Вами ведома». Оказалось, что мои выписки, с которыми я провозился четыре года, в январе 1979 вышли в Париже во втором выпуске исторического сборника «Память», который был подготовлен в Москве еще в 1977 году. Предисловие и примечания к публикации были подписаны двумя именами, по-видимому, это псевдонимы. Нам не известны их настоящие имена, но уже сам факт их участия в этой публикации говорит о том, что это достойные люди».

Глава 3

Брат и друг

(о младшем брате Короленко)

Илларион Галактионович (21.X.1854 – 25.XI.1915) был младшим братом В. Г. Короленко. Братья были очень дружны между собой. Они вместе росли, вместе учились, одновременно были арестованы, и даже какое-то время ссылку отбывали вместе. В годы, последовавшие после ссылки, они некоторое время жили вместе в Нижнем Новгороде.

В своих письмах В. Г. Короленко часто делился с братьями своими впечатлениями и творческими замыслами.

В семье Иллариона нежно называли «Перчик» за веселый нрав, острый язык и удивительное умение шутить. Он не гнушался никакой работы, и даже недолго был владельцем слесарной мастерской. Потом какое-то время плавал матросом по Волге.

В 1887 году Иллариону Галактионовичу во время посещения Астрахани по служебным делам довелось познакомиться с Н. Г. Чернышевским, и они быстро сдружились.

***

В справочном издании «Деятели революционного движения» о нем помещены краткие биографические сведения:

- По постановлению петербургского генерал-губернатора от 10 мая 1879 г., вследствие близких

сношений с лицами, принимавшими участие в революционном движении, и вследствие подозрения в распространении революционных изданий, выслан в Вятскую губ. под гласный надзор полиции.

- 29 мая 1879 г. прибыл в Вятку, откуда 31 мая отправлен в Глазов, где водворен с 3 июня т. г.
- Освобожден от гласного надзора 9 сент. 1884 г. и 19 сент. т. г. выехал из Глазова.
- В конце 1884 г. прибыл в Нижний Новгород, где жил под негласным надзором, от которого освобожден в середине декабря 1888 года.
- В средине 1890-х г.г. был одним из организаторов страхового дела в Сибири.
- Жил в Томске, а затем в Одессе.
- Оказывал существенные услуги революционерам.
- Был арестован и долго сидел в тюрьме по делу о «Новороссийской республике».

***

Иллариона Короленко по праву можно считать одним из постоянных героев главного сочинения Владимира Короленко – «Истории моего современника», где в разных главах по разным поводам упоминается его имя, и хотя брат Владимира Галактионовича со страниц его сочинения не всегда виден достаточно отчетливо, но какие-то штрихи к его портрету безусловно, интересны.

По существу, Илларион, в силу многих жизненных обстоятельств жизни и свойств характера, не смог в полной мере раскрыть себя, как творческую личность. И, несмотря на это, и он, и сам Владимир Галактионович были полноправными «действующими лицами» в сочинении писателя.

***

В пятом томе полного собрания сочинений

королевой – рассказывала Тамара. До этой встречи Мария Леопольдовна находилась в очень тяжких условиях лагеря, в котором добывалась известь, еле вышла оттуда живой. Когда Тамара с ней встретилась, шел уже пятый год ее мытарств. Из лагеря она все же вышла, думаю, в конце 40-х – начале 50-х годов, и умерла в Полтаве в 1972 году».

По собственному признанию Н. Богдановой, «*знакомство с М. Л. Кривинской оставило глубокий след в ее душе, и сыграло немалую роль в ее становлении*»

***

В январе 1969 года, за девять дней до смерти, Мария Леопольдовна Кривинская написала Урсуле Вальтеровне (жене Негретова – С.Ш.) письмо:

15 января 1969 года. (Полтава).

«*Дорогая Урсула!.. Мы были очень дружны с Вашей мамой, милым «доктором Беттей». Многое пережили вместе. Я помогла ей разыскать Вас и Ренату – куда мы только с ней не писали. Из Сибири я уехала раньше Вашей мамы; когда она поселилась в Эстонии, мы переписывались. Потом мама стала болеть, а мой друг Софья Владимировна Короленко тоже тяжело заболела, и переписка наша заглохла. И вот теперь, спустя столько лет, я, наконец, узнала о Вас...*»

В своих воспоминаниях П. Н. Негретов уточняет: «Наш адрес Мария Леопольдовна получила от Т. П. Милютиной.».

***

Примечателен завершающий эпизод в воспоминаниях П. Н. Негретова: «*В январе 1975 я привез с собой в Москву перепечатанные на машинке выписки из дневников Короленко и, не посоветовавшись с Храбровицким, отдал их в читающую публику.*

отца, разбором его бумаг, писем и т.д. Тут уж они обе зарывались в работу. Софья Владимировна – крупная женщина с круглым, обычно усталым лицом, носившая так же, как Мария Леопольдовна, светлую блузку, заправленную в длинную и широкую темную юбку, всегда в делах, но находившая время даже для общения со мной. Я, например, из ее уст услышала рассказ о том, как они всей семьей жили в Киеве во время процесса Бейлиса».

А далее следует уже личное признание Н. Богдановой об отношении к Короленко: «*И до этого я любила Короленко, а после знакомства с Софьей Владимировной и Марией Леопольдовной полюбила еще больше. Последние публикации, особенно письма к Луначарскому, уже не оставляют сомнений в совершеннейшей исключительности его личности. У Сахарова и Короленко – прямая связь, это люди одного типа и одной пробы. И Софья Владимировна, и Мария Леопольдовна – из той же породы*».

Заметим, Богданова упоминает Андрея Дмитриевича Сахарова. Нельзя забывать, что автор принадлежала к совсем иному поколению и жила в другое время.

Не менее интересны ее воспоминания о том, как она бывала в гостях у старшей дочери писателя: *«После Симферополя я уже никогда не встречалась с Марией Леопольдовной, а у Софьи Владимировны бывала в 30-х годах в ее московской квартире на Зубовском бульваре».*

О пересечении разных судеб свидетельствуют следующие признания: «С Марией Леопольдовной встретилась в 1942 году моя тетя Тамара совсем не в лучшей обстановке, а именно – в Мариинской пересыльной тюрьме. Целый месяц они пробыли вместе. Величественная старуха с белой головой, смуглым красивым лицом, царственной осанкой даже в условиях огромного барака с трехъярусными нарами смотрелась

(посмертное издание), в котором были приведены наброски и материалы к «Истории моего современника» (изд. 1929) в примечаниях появляются важные подробности о младшем брате писателя: «*В молодости занимался корректорским трудом. В 1879 году подвергся административной ссылке в Глазов. Вятск. Губ., где содержал себя слесарным ремеслом. В 1885 году приехал в Нижний Новгород, где служил одно время кассиром на пароходной станции Зевеке. Впоследствии получил место инспектора страхового общества, жил в Москве, в Сибири, на Кавказе, где и умер в своем имении «Джанхот».*

Почти в каждом томе «Истории моего современника» упоминается его имя.

***

В примечаниях к книге «История моего современника», изданной уже в 1930 году академическим книгоиздательством (т. 1. М. 1930.) об Илларионе даны более полные биографические сведения. Приведу лишь основные из них:

- *«В 1879 году вместе с В. Г. Короленко был арестован и сослан в вятскую губ. (административная ссылка в течение 5-ти лет).*
- *Впоследствии состоял инспектором Северного страхового общества. Жил в Сибири.*
- *Илларион до конца жизни поддерживал связи с участниками революционного движения. В 1905 году последовал его новый арест. Несколько месяцев в одесской тюрьме.*
- *С В. Г. Короленко был особенно дружен (см. рассказы В. Г. «Ночью» и «Парадокс»).*
- *После работы страховым агентом на сибирских рудниках Илларион тяжело заболел. И тогда Владимир взял на себя все хлопоты о семье Иллариона*».

Эти сведения позволили заметно разнообразить

направления дальнейшего библиографического поиска сведений об Илларионе.

***

Поистине высоко лирическим стихотворением в прозе можно назвать рассказ Владимира Галактионовича «Ночью», который был написан в 1888 году. В нем дети (один из которых – его младший брат – С.Ш.) ведут разговоры на разные темы, разговоры поразительно наивные, отличающиеся необыкновенной чистотой помыслов.

Такой лирический тон создается памятью сердца, когда художник воссоздает в своей душе мельчайшие подробности былых чувств и настроений во всей их свежести и непосредственности. Автор говорит о смерти и рождения человека, да и всего человеческого существования, как о величайшей и чудеснейшей тайне. Весь рассказ проникнут лирическим веянием чего-то таинственного и неизведанного, к пониманию которого можно приблизиться не ясностью ума, а неопределенными порывами сердца.

***

Фигурирует младший брат писателя как герой рассказа под названием «Парадокс», в котором Короленко впервые затрагивает проблему счастья в жизни человека. Проблема человеческого счастья не давала ему покоя всю жизнь.

Начинается рассказ так: «*Для чего собственно создан человек, об этом мы с братом получили некоторое понятие довольно рано. Мне, если не ошибаюсь, было лет десять, брату около восьми. Сведение это было преподано нам в виде краткого афоризма, или, по обстоятельствам, его сопровождавшим, скорее парадокса. Итак, кроме*

политик».

Мемуаристка вспоминает: «*Среди старшего поколения выделялись две женщины, о которых я уже упоминала – Мария Леопольдовна Кривинская и Валентина Васильевна Трофимова, обе примерно пятидесяти лет. И хотя люди этого возраста казались мне старыми, меня всякий раз восхищала красота Марии Леопольдовны, ее гордая и благородная осанка. Я часто к ней забегала. Она жила в маленьком домике в районе застройки почтовых служащих. Перед домом – палисадник, в котором Мария Леопольдовна выращивала замечательные цветы. Она нигде не служила, но подрабатывала уроками. У нее был несомненный педагогический дар, она и ко мне нашла сразу путь, незаметно и ненавязчиво меня воспитывая и сообщая полезные сведения из области естественных знаний и литературы. Как-то ее пригласили к одной трудной девочке лет десяти-одиннадцати, с причудами которой мать никак не могла справиться. Например, обидевшись на мать, она залезла в платяной шкаф и ножницами изрезала все материнские туалеты. Мария Леопольдовна сумела ее укротить, потом даже подружиться, и девочка настолько к ней привязалась, что провожала ее всякий раз со слезами».*

Эти впечатления делают картину былого вполне зримой и приближают к нам личность Марии Леопольдовны.

И еще одну важную подробность сообщает Н. Б. Богданова: *«Мария Леопольдовна очень тесно была связана с семьей Короленко, особенно со старшей дочерью Владимира Галактионовича, Софьей Владимировной, которая несколько раз приезжала в Симферополь и подолгу в нем оставалась. Тогда появлялись кипы бумаг, рукописей, гранок. Софья Владимировна, и как дочь, и как заведующая музеем Короленко в Полтаве, занималась изданием сочинений*

освобождена и возвратилась в Полтаву.

- *Здесь принимала деятельное участие в редакционной работе по изданию сочинений В. Г. Короленко, помогая С. В. Короленко.*
- *В 1954 г. Софья Владимировна тяжело заболела, и М. Л Кривинская полностью посвятила себя уходу за больной.*
- *После смерти С. В. Короленко в 1957 г. М. Л. продолжала работать над ее архивом и над изданием книг С. В. Короленко – «Десять лет в провинции» и «Книга об отце».*
- *Умерла М. Л. Кривинская 24 января 1969 г.».*

***

В конце своих мемуарных заметок Т. Милютина справедливо отмечает, что Мария Леопольдовна Кривинская**,** «*осуществляла в своей многострадальной жизни идеи В.Г. Короленко и стояла в общественной и редакционной работе рядом с дочерью Короленко».*

По глубокому убеждению Милютиной – солагерницы М. Л. Кривинской, ее судьба вполне достойна подробного жизнеописания и даже «серьезной монографии».

Однако, увы, в реальной жизни этого не произошло, потому тем важнее воздать память еще одному другу семьи Короленко хотя бы в такой краткой документальной миниатюре.

***

В книге воспоминаний Н. Б. Богдановой «Мой отец – меньшевик», которую в 1994 году напечатал московский «Мемориал», сохранились важные свидетельства и о Марии Леопольдовне Кривинской.

Будучи еще ребенком, она запомнила фразу, которую ее отец как-то произнес в разговоре: «*Мария Леопольдовна очень неглупая женщина, но совсем не*

назначения жизни, мы одновременно обогатили свой лексикон этими двумя греческими словами».

С легким юмором писатель продолжает: «*Было это приблизительно около полудня знойного и тихого июньского дня. В глубоком молчании сидели мы с братом на заборе под тенью густого серебристого тополя и держали в руках удочки, крючки которых были опущены в огромную бадью с загнившей водой. О назначении жизни, в то время, мы не имели еще даже отдаленного понятия, и, вероятно, по этой причине, вот уже около недели любимым нашим занятием было – сидеть на заборе, над бадьей, с опущенными в нее крючками из простых медных булавок и ждать, что вот-вот, по особой к нам милости судьбы, в этой бадье и на эти удочки клюнет у нас «настоящая», живая рыба.*

...Когда нам приедались впечатления реальной жизни на больших дворах и в переулке, то мы с братом удалялись в этот уединенный уголок, садились в кузов, – и тогда начинались здесь чудеснейшие приключения, какие только могут постигнуть людей, безрассудно пускающихся в неведомый путь, далекий и опасный, в такой чудесной и такой фантастической карете.

Мой брат, по большей части, предпочитал более деятельную роль кучера. Он брал в руки кнут из ременного обрезка, найденного в мусорной куче, затем серьезно и молча вынимал из кузова два деревянных пистолета, перекидывал через плечо деревянное ружье и втыкал за пояс огромную саблю, изготовленную моими руками из кровельного тесу». И далее: «*Таковы были обстоятельства, предшествовавшие той минуте, когда нашему юному вниманию предложен был афоризм о назначении жизни и о том, для чего, в сущности, создан человек…»*

Завершается рассказ эпизодом, когда ему из рук калеки была подана записка. Короленко пишет: «*Я взял*

листок и беспомощно оглянулся кругом.
– Прочитай, – сказал, улыбаясь, отец.
Я взглянул на отца, потом на мать, на лице которой виднелось несколько тревожное участие, и механически произнес следующую фразу:
– «Человек создан для счастья, как птица для полета»...
Я не сразу понял значение афоризма, и только по благодарному взгляду, который мать кинула на меня, понял, что все кончилось для нас благополучно.
Ночью оба мы спали плохо, вскрикивали и плакали без причины. Впрочем, причина была: в дремоте обоим нам являлось лицо феномена и его глаза, то холодные и циничные, то подернутые внутренней болью...
Мать вставала и крестила нас, стараясь этим защитить своих детей от первого противоречия жизни, острой занозой вонзившегося в детские сердца и умы...»

Рассказ этот был написан в 1894 году буквально на одном дыхании. Старшая дочь Короленко Софья отмечает в примечаниях: «*В записной книжке Короленко от 11 апреля 1894 года записано: «Написал рассказ». Эта же дата поставлена в конце черновой рукописи рассказа. Рукопись написана почти без помарок*».

Впервые рассказ «Парадокс» появился в печати в том же году в майской книжке журнала «Русское богатство».

В сентябре 1894 года Короленко писал сестре своей жены, П. С. Ивановской с удивительной простотой и откровенностью: «*Вы меня немного пожурили за знак вопроса в «Парадоксе». В отдельном издании – выскажу свою мысль яснее, а пока Вам лично скажу, что этот рассказ явился для меня самого неожиданным результатом всего, что пришлось пережить в последнее время. Я вообще человек не унылый и не пессимист. Но смерть моей Лели*

- *В начале 1917 г. уехала в Петроград, работала в Обществе охраны здоровья еврейского населения, а затем в начале революции недолго работала в финансовом отделе Смольного.*
- *После Октябрьской революции работала в организованном в Петрограде обществе «Культура и свобода» в качестве секретаря до августа 1918 г.*
- *Затем уехала в Полтаву, откуда выехала вместе с больной женой писателя Евдокией Семеновной Короленко в Крым, где и провела вместе с ней осень и зиму 1918–1919 г.*
- *Вернувшись весной 1919 г. в Полтаву, приняла непосредственное участие в организации «Лиги спасения детей» (председатель В. Г. Короленко), работала в ней вместе с С. В. Короленко и была членом правления.*
- *В 1924 г. за принадлежность к партии социал-демократов была арестована и выслана на 3 года в Краснококшайск Марийской области.* (Это был первый ее арест – С.Ш.).
- *В 1928 г. после окончания ссылки, ввиду запрета проживания в центральных городах, уехала в Симферополь, где жила до 1930 г.*
- *В 1930 г. вернулась в Полтаву, затем переехала в Москву, где занималась переводами с французского и уроками.*
- *1936 г. провела в Полтаве, где сильно болела.*
- *В 1937 г. уехала в Москву, где 27 сентября 1937 года была вновь арестована.*
- *Из Москвы отправлена в Ленинград, где против нее дал показания арестованный там Немерицкий, и получила приговор – 5 лет лагерей.*
- *Фактически пробыла в лагерях 9 лет (Арлюке, Исхетиме, Баиме).*
- *В 1946 г., по ходатайству С. В. Короленко была*

- *Окончив гимназию в 1904 г., в том же году осенью уехала в Париж для поступления в Высшую русскую школу.*
- *В 1905 г., ввиду болезни матери, вернулась в Россию. С осени 1905 по март 1906 г. провела с матерью в Южном Тироле.*
- *Летом 1907 г. работала медсестрою на холере в Полтавской губ. (под Лубнами).*
- *Осенью 1907 г. поступила на естественное отделение Высших женских курсов в Одессе.*
- *В 1910 г. за участие в студенческих беспорядках (Толстовские дни) была исключена с курсов и выслана из Одессы под надзор полиции в Полтаву. Летом этого же года отправилась в двухмесячное путешествие в Палестину.*
- *Осенью 1910 г. уехала в Петербург, где поступила на Стебутовские высшие Сельско-хозяйственные курсы.*
- *Для получения права жительства в Петербурге одновременно со Стебутовскими курсами М. Л. поступила в фельдшерско-акушерскую школу Венгеровой в Петербурге, которую и закончила в 1915 г.*
- *В январе 1911 г. прервала учение и уехала на голод в Самарскую губернию, где вместе с С. В. Короленко работала до июня 1911 года.*
- *Во время первой мировой войны работала в Полтаве в лазарете, устроенном на общественных началах.*
- *В 1915 г. ею была организована столовая для детей лиц, мобилизованных на войну. Столовая существовала в течение целого года.*
- *В 1916 г. во время большого потока беженцев – евреев из западных областей – работала в еврейском комитете по оказанию помощи евреям – беженцам, заразилась возвратным тифом, долго и тяжело болела.*

(маленькой дочери Короленко, умершей во время его путешествия в Америку в 1893 году – Ред.) так меня пришибла, что я никогда, в самые тяжелые минуты моей жизни, не чувствовал себя до такой степени изломанным, разбитым и ничтожным. Жизнь вообще, в самых мелких и самых крупных своих явлениях, кажется мне проявлением общего великого закона, главные основные черты которого – добро и счастье. А если нет счастья? Ну что ж, исключение не опровергает правила. Нет своего – есть чужое, а все-таки общий закон жизни – есть стремление к счастью и все более широкое его осуществление. Только это я и пытался сказать своим парадоксом, но собственная моя душа в это время была еще так же изломана, как мой несчастный философ. И потому эта, сама по себе простая и не пессимистическая мысль, оказалась как-то непроизвольно с такими пессимистическими придатками, что в общем выводе рождает недоумение и вопрос. Повторяю, – впоследствии я
скажу все это яснее, и впечатление, думаю, выйдет более цельным».

Однако существенной переработке при последующих изданиях «Парадокс» не подвергался. Немного было изменено только окончание рассказа.

В первоначальном варианте рассказ заканчивался так: «*И много раз еще мы сидели над этой бадьей и путешествовали в старом кузове, и много раз впоследствии случалось нам предаваться таким же неумным занятиям в течение жизни и чувствовать себя такими же дураками, как в ту минуту, когда Петр застал нас с удочками на заборе. И не раз мне казалось, что за плечами у меня вырастают крылья, а потом я чувствовал себя беспомощным, разбитым и бессильным, как червяк, раздавленный в дорожной пыли.*

Бывали безумные удачи и постыдные поражения,

сердце не раз трепетало от восторга и сжималось смертельной тоской, мир раскрывался навстречу моим надеждам и замыкался четырьмя стенами душной тюрьмы…. Но никогда с тех пор я не забывал странного афоризма, написанного ногами парадоксального счастливца, которого голос и до сих пор упрямо звучит в памяти с такою же ясностью, как и в первую минуту.
– Человек рожден для счастья, как птица для полета…»

***

«*Человек создан для счастья, как птица для полета*» – эти слова из рассказа «Парадокс» стали для Короленко едва ли не девизом всей его последующей творческой жизни. В сущности, все его творчество было направлено на всестороннее раскрепощение людей и реальное осуществление их счастья как идеала демократических свобод.

Всей своей деятельностью, всем своим творчеством писатель отвергал пассивное отношение к жизни. Он говорил не просто о довольстве судьбой, а о стремлении к счастью. С другой стороны, как бы тяжело тебе ни было, как бы ты низко ни пал, верь в хорошее, доброе, светлое. Одновременно он призывал «хранить чуткость к человеческому страданию».

***

В книге старшей дочери писателя Софьи Владимировны Короленко «Десять лет в провинции» приведено несколько отрывков из писем Владимира Галактионовича к Иллариону, которые ранее в печати не появлялись.

В них он делится с братом даже самыми незначительными новостями в своей напряженной творческой жизни. Короленко писал: *«Личная моя жизнь налаживалась после ссылки: семья собралась в*

день и ночь находилась она возле тяжело больной Софьи Владимировны, которая умерла 16 июля 1957 года».

Т. Милютина пишет о том, что Мария Леопольдовна поддерживала связь с ней и после своего освобождения. Она написала ряд писем, «как всегда ласковые, полные заботы о находящихся в беде друзьях».

Последняя открытка от нее датирована 13 января 1969 года. А 6 февраля Т. Милютина получила открытку от сестры Марии Леопольдовны, написанную похожим почерком. Вот текст этого печального документа: «*Уважаемая Тамара Павловна! Моя сестра Мария Леопольдовна скончалась 24. I. 1969 г., проболев меньше суток и не дожив три дня до 82 лет. Счастье, что она недолго промучилась от инфаркта. Она рада была получить от Вас письмо с адресом Урсулы и собиралась написать ей большое письмо, но не успела... Она всегда тепло вспоминала Вас и вашу мать. Всего вам доброго, будьте все здоровы и счастливы. Л. Кривинская*».

***

Т. Милютина попросила Любовь Леопольдовну написать точные биографические данные Марии Леопольдовны. И в письме от 17 января 1970 года она их получила. Это воистину драгоценный документ, оставленный Любовью Леопольдовной Кривинской, в котором она сообщила следующие сведения о своей сестре:

- «*Мария Леопольдовна Кривинская родилась в г. Полтаве 14 (27) января 1887 г. Училась в Полтавской Мариинской гимназии. В 1900 г., будучи в 5 классе, она познакомилась со своей одноклассницей С. В. Короленко (семья В. Г. Короленко переехала в 1900 г. на постоянное жительство в Полтаву), дружба с которой прошла через всю ее жизнь.*

года. Она пишет: *«А пасхальная ночь 1946 года! Конвоиры явно тяготились возложенной на них обязанностью сидеть до часу ночи в бараке и следить, чтобы не было богослужения. Им хотелось спать, а может, тоже где-нибудь попраздновать. Женщины, по возможности нарядные, хотели спеть пасхальные песнопения, похристосоваться друг с другом, почувствовать праздник. Никто не ложился спать, хотя давно был отбой. Обе стороны были настроены решительно. Спасла положение Мария Леопольдовна. Поговорила по-дружески с конвоиром, поручилась за порядок в бараке. Никакого отношения к религии она не имела, но уважала человека в человеке. Конвоир ушел, женщины запели, Мария Леопольдовна стояла у дверей барака на тот случай, если придет начальство. Но никто не помешал…»*

Примечательно, что мемуаристка подчеркивает не религиозность Кривинской, но в данном случае она поступила как настоящая стихийная христианка.

Об освобождении Кривинской Милютина сообщает следующие факты: «*Мария Леопольдовна освободилась в мае 1946 г., по ходатайству Софьи Владимировны Короленко. Тоже – одна из непостижимостей нашей действительности: 5-летний срок Марии Леопольдовны закончился в 1942 г., но шла война, никого не отпускали. После победы отпускать пересидевших раскачались только к лету 1946 г. Благодаря ходатайству музея Короленко, вернувшегося в Полтаву из эвакуации, Мария Леопольдовна стала первой ласточкой…. Тут мы выскочили из засады, стали поздравлять. Барак всполошился. Стали целовать Марию Леопольдовну».*

И еще: *«Освободилась она не на отдых и радость, а на труд и страдания. Сразу же встала рядом с Софьей Владимировной, помогая ей разбирать архив Короленко и готовя к изданию книги. С 1954 года*

одно место и зажила мирной жизнью. Но общественная атмосфера была удушливая. Мечты, которые по молодости лет мы уносили с собой в ссылку, рассеялись по глухим углам вятской, пермской губерний и по якутским улусам. По возвращении казалось, что в России все замерло…»

С. В. Короленко отмечает: «*Отцу помогали его счастливая жизнерадостность, огромные силы и страстная потребность в знаниях*».

***

16 июня 1896 года В. Г. сообщал Иллариону: «*Не знаю, что было бы со мной, если бы мултанцев закатали. Так хоть знаешь, что ездил не даром, и собственное горе смягчилось, когда думал о той волне радости, которая вылилась после суда в Мултан».*

С. В.Короленко отмечает, что во время этого процесса душевное напряжение Владимира Галактионовича было так велико, что в результате закончилось тяжелой болезнью и непрерывными бессоницами в течение 3-х лет, повторявшимися затем до конца жизни.

24 января 1897 года он писал брату: «*... Нужно многое изменить и в своей жизни, и в своем отношении к жизни... Нужно также и жить, и присматриваться к жизни, и участвовать в ней. Мне стало страшно, когда я, оглянувшись, увидел, что целых десять лет я только сражался с мелочами и «описывал», почти совсем не живя. Это чисто репортерски – писательское отношение ко всему -- ужасно. Я заменял жизнь суррогатами, инстинктивно кидаясь на боевую часть литературы, но это все-таки не замена...»*

(Отдел рукописей бывшей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина, Кор. II, папка № 5, ед. хр. 5. В дальнейшем сокращенно: ОР Г БЛ).

В 1913 году после завершения знаменитого «Дела

Бейлиса», возвратившись в Полтаву, Короленко сообщил брату Иллариону важные подробности: «*Удивительно, что экскурсия в Киев, долгие часы в душной зале на хорах журналистов, нервная атмосфера... произвели сравнительно мало опустошений в моей нервной системе. Приписываю это благополучному окончанию дела…*»

Он был уверен, что брат его поймет, и будет сопереживать ему, как это бывало уже не раз.

***

Именно Иллариону часто доводилось быть непосредственным свидетелем интересных разговоров между братом и кем-либо из известных деятелей культуры.

Так, например, 30 января 1903 года Владимир Галактинович вместе с братом Илларионом ехали в вагоне второго класса, и утром столкнулись лицом к лицу с художником В. Верещагиным. Короленко писал: «*… Он знал меня и прошел в купе, где я ехал вместе с братом».*

По страницам писем Короленко

В посмертном издании полного собрания сочинений писателя, которое стало издаваться с 1923 года, первый том состоял из писем Короленко к родным. Том включал в себя трудный период в жизни писателя – пребывания в тюрьмах и ссылке. В этом томе, где напечатаны его письма с 1879 по 1887 год, немало страниц связано с именем Иллариона, начиная с писем адресованных непосредственно ему, и кончая письмами к матери и сестрам, где также писатель упоминает имя младшего брата.

Расположенные в хронологической последовательности

мачеха. Целая бригада доходяг, собранная Марией Леопольдовной, ходила за зону на сбор, затем сушила травы. Лекарств было мало – это было подспорьем для аптеки. Делались настойки, варились нужные декокты. А доходяги все лето имели легкую работу и чуть улучшенное питание.

Мария Леопольдовна и для нас устраивала выходы за зону – якобы надо посмотреть, готов ли данный сорт лекарственного растения для сбора.

1 июля 1945 г. Мария Леопольдовна взяла на такую прогулку меня, желая отметить таким образом день моего рождения. Конвоир попался плохой, злой какой-то. Я приуныла. По деревне мы шли чинно: головы опущены, руки за спиной, конвоир с винтовкой рядом. Выйдя на просторы лугов, Мария Леопольдовна начала свою беседу с конвоиром, расспрашивала его о семье, о родных местах. Шли через колки – заросли низкорослых березок. Цвели желтые лилии, дикие пионы и ирисы. Дошли до реки. Пленительны названия сибирских рек – Мура, Бирюса, а эта была – Кия. Конвоир на глазах оттаивал. Сделали привал. Конвоир улегся поодаль в тени. Он уже совершенно был человеком. Я несмело спросила – могу ли я выкупаться. «Только осторожно, течение сильное», – сказал конвоир, уже засыпая. Меня, действительно, чуть не унесло. Этот незабываемый мой день рождения! Мы с Марией Леопольдовной лежали в густой некошеной траве, смотрели на сияющее безоблачное небо. Возвращались с целой охапкой лилий. Конвоир шел рядом с нами, как союзник и соучастник. Я думала: «В чем власть Марии Леопольдовны над людьми? Не только ведь доброта и ум. Наверное, еще сочувствие к людям, интерес и уважение к каждому, не придуманные, а искренние».

Такое запоминается на всю жизнь….

Т. Милютина вспоминает пасхальную ночь 1946

эпизод, который приводит мемуаристка: «*Когда в мае 1945 г. закончилась война, мы все были потрясены смелым поведением Марии Леопольдовны, совершенно в духе Короленко. С окончанием войны никаких перемен в судьбе заключенных не произошло, но в настроениях наших современных черносотенцев – даже очень. Среди нас было много немок Поволжья, женщин хозяйственных и тихих. И так уже, когда началась война, их стали переселять и арестовывать, хотя никакого отношения к гитлеровской Германии они не имели. Но пока шла война – жестокая и затянувшаяся – все было неопределенно. Теперь же, когда «мы победили!», захотелось как-то отомстить побежденному врагу. Куда как удобно и безопасно – выместить свою злобу на немках Поволжья, благо они и говорить-то ни на одном языке не умели правильно. Что тут поднялось! И плач жертв, и брань вошедших во вкус патриоток.*

Голос Марии Леопольдовны перекрыл шум, стоявший в бараке, и потребовал внимания. Она сидела на своем месте на верхних нарах, в руках у нее была книжка. Медленно и внятно она прочла среди наступившей тишины рассказ Короленко «Пленные». Мне не приходилось читать его раньше. Он напечатан в 22-м томе полного посмертного издания сочинений писателя 1927 года….

Рассказ произвел совершенно магическое впечатление. Все стихло. Никаких выпадов больше не было. Несколько раз я видела, как наши женщины останавливали и стыдили женщин другого барака».

М. Л. Кривинская была неистощима в своих добрых делах. Приведу еще один эпизод из ее тюремной жизни: *«Мария Леопольдовна придумала очень нужное дело – сбор лекарственных трав. Что только ни росло в березовых колках и на душистых лугах вокруг лагеря: и валериана, и термопсис, и адонис, и трифоль, и мать-и-*

они впечатляют тем, что раскрывают достаточно полно и ярко Короленко и его трепетное отношение к брату и своим близким.

- 25 апреля 1880 года.

Из письма из Вышневолоцкой тюрьмы сестрам и матери: «**…** *от Иллариона ни слуху, ни духу. Ни посылки, ни писем не получаю – не понимаю, решительно, что это такое. Напишите мне откровенно, в каком теперь положении ваши дела. Я сильно беспокоюсь, чтобы неприятность, случившаяся с Юлианом, не отразилась на поездке вашей и Маниной…»*

О какой неприятности идет речь – можно только догадываться. Скорей всего, речь идет о его аресте.

- 6 мая 1880 года, тюрьма.

Из письма сестрам и матери: *«… мы с Иллариoном тоже в Глазове не могли найти ее (бумагу) и должны были выписывать из Питера…»*

Судя по письму, после ареста братья совместно отбывали ссылку в Глазове Вятской губернии, где Владимир Галактионович и начал заниматься литературным трудом, и потому испытывал нужду в бумаге. Но пробыли братья вместе, к сожалению, недолго.

Владимира после Глазова из-за его надуманной «неблагонадежности» уже в октябре того же года перевели в Березовские Починки, еще более дальний угол, чем Глазов.

- 25 июня 1880 года.

Матери и сестре Мане: *«… Получили ли вы какие-нибудь справки о Николае, на прошение Иллариона…. Мне это очень интересно, т. к., пожалуй, из этого я буду заключать о том, разбираются ли эти дела или пока*

оставляются под сукном».
Николай Лошкарев – это муж сестры В. Г. Короленко – Марии. Он тоже был арестован и сослан в Сибирь, куда к нему собиралась ехать Мария Галактионовна в сопровождении матери Эвелины Осиповны. Прошение Иллариона заключалась в том, чтобы ему разрешили отбывать ссылку совместно с братом Владимиром и Николаем Лошкаревым.

- 14 июля 1880 года.

Матери и сестре: *«… если Перчик писал вам что-нибудь из Глазова об Улановской, то, пожалуйста, сообщите… с этой же почтой посылаю письмо Иллариону. Напишите, как живется Юлиану и его жене. Здорова ли она и вообще сообщайте об них побольше…»*

- 4 июля 1880 года.

Фрагмент письма Иллариону: «*Тебе, дорогой Перчик, вероятно, уже известны последние новости, касающиеся нашего положения… очень много хотелось бы знать от тебя и о тебе…*
…все же помаленьку работается, идут педагогические занятия по разным предметам с менее образованными из наших сотоварищей. Кроме того, я, брат, в медицину ударился, анатомию почти уже изучил всю… поклон Глазову. Пиши о знакомых. Много ли работы у тебя, и каково-то работается. Происходит ли рыбная ловля. Охотишься ли хоть по временам».

Несмотря на все бытовые и моральные трудности, несмотря на некоторую леность Иллариона в написании писем, духовная связь с младшим братом была постоянной. Менялись лишь места пребывания Владимира в ссылке, о чем свидетельствует следующее его письмо к брату.

но уже в Харькове…»
Как видно из этих документов , Мария Леопольдовна Коивинская самым действенным способом помогала писателю в самое трудное для него время в его творческих делах.

***

В книге Т. Милютиной «Люди моей жизни» (Тарту. 1997.) есть целая глава, посвященная Марии Леопольдовне Кривинской. Автор узнала ближайшую подругу дочери писателя в экстремальных и несколько необычных жизненных условиях.

Литературный портрет Марии Леопольдовны Кривинской столь интересен и выразителен, что его следует привести едва ли не полностью, к тому же это свидетельство имеет непосредственное отношение к семье Короленко.

Читаем: «*Это был человек необычайного обаяния. Мне посчастливилось на протяжении трех лет моего пребывания в Баиме быть около этого удивительного человека. Около – в буквальном смысле: мое место на верхних нарах инвалидного барака находилось рядом с Марией Леопольдовной».*

Далее Т. Милютина ссылается на слова профессора А. В. Западова о личности Кривинской: «*Молодость ее прошла под влиянием Владимира Галактионовича Короленко, она стала как бы членом этой замечательной семьи, будучи со школьной скамьи подругой его старшей дочери. Обе молодые девушки были проникнуты гуманными идеями Короленко, который, движимый чувством сострадания к ближнему, неустанно хлопотал за всех арестованных, испрашивал помилования осужденным. Классовое положение подзащитных, их отношение к советскому строю, место в революционной борьбе не интересовали писателя – он спасал человека».* Интересен следующий

*значение. но… в виду толь « тесных обстоятельств» относительно места в журнале и времени -и в этом не вполне уверен***.**
…. Сейчас боюсь перегружать Марию Леопольдовну …».

- 7 июля. 1918.

Опять оказия в Питер, но скоропалительная .Поэтому ограничиваюсь несколькими словами. На днях я посла вам с Марией Леопольдовной Кривинской письмо и рукопись «Современника» **….**

- 27 июля 1918.

… только 9-го Мария Леопольдовна , которая ее взяла , была в Москве. Но числа 13-15 она вероятно уже выехала в Пг. И надеюсь, вы «Современника» и две другие рукописи… уже получили…… о второй книге мои последние сведения состоят лишь в том, что она набирается. Может быть , с тех пор она и вышла .Теперь значит третья .Через месяца 3 выйдет 4-я…»

- 13 ноября 1920.

… не знаю, была ли у вас наша семейная приятельница Мария Леопольдовна Кривинская. Наверное, была и быть может, поэтому от Вас долго нет известий. … но ее еще в Полтаве нет: много дел в Москве и Петрограде, профессиональных - по Лиге спасения детей и частных. Она, спасибо, набрала много поручений и уже некоторые исполнила .Так, успела продать кое-какое имущество Татьяна Александровны и уже весьма кстати прислала ей с одним из возвратившихся ранее некоторый сикурс. У нее бедняги все не переводятся болезни»…

- 1 декабря 1920.

«… Мария Леопольдовна Кривинская еще не вернулась,

- 17 июля 1880 года. Вышний Волочек.

Брату Иллариону: «*Дорогой Илларион. Пишу на отлете: через час отправляемся в путь…»*

- 23 ноября 1880 года.

Фрагмент письма к матери: *«… Перчик просит перевода в Пермь, и если его не освободят вовсе, то, я думаю, наверное, переведут сюда. О себе нового сообщить нечего: живу по-старому, работаю и понемногу совершенствуюсь…. Мне предлагают формальное сотрудничество, присоединяя многочисленные комплименты. Этот неожиданный успех, конечно, не способен внушить мне преувеличенного мнения о своих силах».*

- 20 декабря 1880 года**.**

Матери: «*…Юлиан писал вам раза 2–3 и ждет ответа. Один Перчик, вероятно, действительно заленился… я послал Перчику заказное письмо… недавно я получил через губернатора 3 р. От него – без письма, которое очевидно задержано»***.**

Вся семья Короленко была поразительно сплоченной и дружной. Это видно из каждого письма, к кому бы оно не было адресовано.

- 11 августа 1881 года. Пермь.

Из письма к младшему брату: «*Друг, Илларион! Спешу обнять тебя перед отъездом. Опять к черту на кулички. Я отказался от принятия присяги, мотивировав этот отказ, и теперь еду в Сибирь. Пиши, дорогой мой. В Красноярск я еще не писал…»*

К этому времени в судьбе писателя произошло

значительно событие: он отказался принять присягу новому самодержцу после убийства Александра Второго, мотивируя это вполне обоснованными причинами. Казалось бы, пустая формальность: всем политическим ссыльным нужно подписать присягу «на верноподданство» новому императору Александру III. Короленко не мог пойти против своей совести. Он отказывается подписать присягу и расплачивается за это новыми годами ссылки. Его высылают в деревню Амга якутской губернии. Впоследствии он никогда не сожалел о принятом некогда решении.

- 17 августа 1881 года. Тобольск.

«*Не стану много рассуждать о причине нового приключения – не хочется, да и досадно. Вот тебе, дорогой мой, – искрений совет: старайся, чтобы тебя освободили, если это трудно в Глазове, – проси перевода.*

… настроение спокойное, конечно, очень досадно совершить такую поездку, Бог знает для какой надобности, но т. к. я не мог поступить иначе, то о чем и жалеть. Куда бы не занесла судьбина – буду работать, и это даст мне силу выждать лучших времен и свободы. Не страшно. Только досадно.

… пока крепко тебя обнимаю. За меня не беспокойся. У меня еще силы довольно, а с работой не боюсь ничего. Хотелось бы знать о тебе: как живется, как себя чувствуешь. Напиши же…. Еще тебя обнимаю. Пожалуйста, усиленно прошу, сообщи о себе что-нибудь побольше известия, что ты жив и не болен. Постарайся написать все, что можно.

Я, конечно, не теряю надежды, что более или менее скоро увидимся и будем вместе, конечно в Европе. Будут же, наконец, и хорошие дни».

Жизненная позиция Короленко – жить и надеться

- 27 октября 1915 года.

«…Маня поправляется: опасность 5-го рецидива уже миновала. Ходит с палочкой по комнате…»

- 11 ноября 1915 года.

«*… Маня Кривинская выздоровела и переехала к нам, т. к. ее квартира была сырая».*

- 2 ноября 1916 года.

«*…Маня Кривинская получила работу и командирована в Саратов…»*

- 15 января 1917 года.

«*… Маня уехала…*»

- 22 мая 1917 года.

«*...Соню ждем со дня на день с Маней Кривинской и Костей».* (Костя – зять писателя. – *С.Ш.).*

***

В письмах В.Г.Короленко к многолетнему соратнику по работе в журнале «Русское богатство» А.Г. Горнфельду несколько раз упоминается маня Кривинская, причем в самом разном, но неизменно интересном контексте.

- 16-29 июня 1918.

«**…***Одновременно с этим письмом Мария Леопольдовна Кривинская привезет вам 10 глав «Современника» .74 писанных на машинке страниц …. Это пожалуй слишком много для одной книжки.*

У меня дальше еще листов 7. Надо только привести черновик в порядок и кое где заполнить пробелы. Надеюсь сделать это к последней книжке. Первая часть второго тома - наименее, пожалуй, интересная. Со следующей книжки пойдет интереснее. Во всяком случае в этом году закончить не придется .Можно постараться , чтобы отдельные части мели цельное

лет в провинции» Г. А. Бялый отмечал: «*...Остались подготовленные ею или при ее самом активном участии дальнейшие публикации работ Короленко, его писем, дневников, записных книжек. Остался неопубликованным и ее труд о жизни отца, представляющий собою своеобразное продолжение и окончание «Истории моего современника».*

Спустя два года была напечатана «Книга об отце». В ней имя М. Л. Кривинской упоминается дважды. Так, например, в примечаниях указывается: *«Кривинская М. Л., род. в 1887 г., – сотрудница С. В. Короленко по «Лиге спасения детей», в дальнейшем помогала Софье Владимировне в редакторской работе».*

***

В своей книге Софья Владимировна приводит такую подробность: «*В нашей квартире оставались я, тетка отца Е. И. Скуревич и мой друг М. Л. Кривинская, с которой мы вместе работали в детских колониях. Часть детей при наступлении добровольцев успела эвакуироваться вместе с отступавшей Красной Армией, но оставшиеся три тысячи ребят были разбросаны по разным уездам и находились в очень тяжелых условиях. (...) Объезд колоний для раздачи денег был сопряжен с большой опасностью».*

***

В книге «Письма Вл. Короленко к П. С. Ивановской» (М. 1930,)писатель неоднократно упоминает о Марии Кривинской, причем каждое упоминание в разном контексте свидетельствует о ней как о достаточно близком человеке всей их семьи. Приведу лишь несколько таких упоминаний:

только на лучшее, – была поучительной. Его письма всегда были направлены на установление внутреннего контакта с адресатом, а тем более, с близким ему человеком.

Его письма, по сути – беседы с тем или иным человеком, который был ему особенно «созвучен».

- 6 ноября 1881 года. Иркутск.

«Дорогой мой Илларион! Наконец, могу сообщить о месте моего назначения. Место это – Якутская область…. На днях жду отправки… просьба их и моя об оставлении меня в Красноярске не уважена. Я с ними расстался после нескольких свиданий 23 сентября.

29-го был уже в Иркутске (т.е. в иркутском замке), где нахожусь и сие время вместе с другими политическими ссыльными…. Кое-как коротаю время в ожидании отправки… имею в виду зарыться в работу до лучшего времени, хотя еще и не знаю, как сложатся дела, и какой работе придется отдаться…. Займусь кое-какими публицистическими темами, которые отчасти уже выяснились для меня, трудно будет доставать источники. Пиши, как тебе живется, что поделываешь? Что делают товарищи? Всем им искреннейший мой привет…. Пиши, брат, почаще и им, и мне – не ленись. Обнимаю тебя крепко».

Владимира живо интересовало все, что касалось жизни младшего брата. Он старался ободрить и поддержать его, чтобы тот не унывал, поскольку Илларион был весьма склонен к унынию.

- 10 декабря 1882 года. Амга.

«Дружище Илларион. Хотя ты и настоящее бессловесное животное, и мне следовало бы выдержать характер и не писать тебе вовсе, – но так

как я получил «извещение о сроке» (еще остается, как и тебе, около двух лет), – то так и быть, пишу несколько слов, которые предоставляю тебе дополнить всеми возможными ругательствами, какие тебе подскажет твоя собственная совесть.

Ну можно ли в самом деле – не писать столько времени ни одного слова!

… зимой я шью сапоги… летом мы вели земледелие и на сей год довольно успешно… я выучился пахать, боронить, косить и даже жать (последнее плоховато)…. У меня имеется конь… я выучился ходить за ним, запрягать, накладывать возы сена, а верхом теперь езжу как не надо лучше. Как видишь, живется здесь порядочно…. Не шутя – право, я себя чувствую превосходно… работа, особенно летом – здоровая…

… Полагаю, теперь ты составил некоторое понятие о моей жизни. Прибавь к этому два года, по истечении которых – отсюда уеду – и тогда ты поймешь, что я не унываю. Не унывай и ты, дорогой Перчик, хотя Глазов, конечно, не ахти приятное место. Как идет твоя работа? Пиши, пожалуйста, хоть изредка. Твой крепко любящий тебя Владимир Короленко».

Характерно, что такие обращения к брату – «дружище» или «друг» – были довольно частыми.

Он и в самом деле чувствовал к брату не только родственную, но и дружескую привязанность, и все неприятности Иллариона воспринимал как свои, был чуток ко всему, что касалось младшего брата.

Сам Владимир Короленко терпеливо перенес в одиночестве годы трудной ссылки в якутской губернии, где многие из осужденных полностью теряли себя. Он же постоянно был занят каким-либо делом, постоянно писал и жил надеждой на скорое освобождение.

Осенью 1884 года, отбыв якутскую ссылку, Короленко вернулся домой. Из Сибири он увозил с собою наброски незавершенных работ, новые планы и

Глава 7

«Друг всей жизни Софьи Короленко»

(О М. Л. Кривинской)

Известный современный историк литературы и многолетний исследователь творчества Короленко Г. Бялый в неопубликованной статье «К биографии Софьи Владимировны Короленко» указывает на то, что «*другом всей жизни Софьи Владимировны и ее душеприказчиком»* была Мария Леопольдовна Кривинская.

Она считала своим долгом после смерти Софьи Владимировны довести до конца все то, что осталось незавершенным.

Лишь через десять лет Марии Леопольдовне удалось издать две книги. Приходилось много хлопотать, просить, бороться и добиваться.

Обе книги вышли в издательстве «Удмуртия» в Ижевске под редакцией доктора филологических наук А. В. Западова. Удмурты навсегда запомнили роль Владимира Галактионовича Короленко в несправедливом по отношению к ним Мултанском деле.

***

Книга С. В. Короленко «Десять лет в провинции» вышла в 1966 году, когда Марии Леопольдовне было уже 79 лет! Ее имя было названо лишь в корректуре и в примечаниях. Все силы и всю свою энергию она направила на завершение дела Софьи Владимировны Короленко.

В предисловии к книге С. В. Короленко «Десять

- Она всегда интересовалась, как умирал человек: легко или в страданиях. Считала, что смерть человека соответствует тому, как он жил. Легкая смерть – утешение праведной жизни, трудная – наказание неправильной жизни.
- … уход за ней был идеальный: она была в чистоте и покое, хорошо питалась, ее постоянно наблюдали доктора. Все делалось для того, чтобы продлит ее существование даже тогда, когда уже не было никакой надежды на ее выздоровление….
- Продолжение ее жизни было подвигом служения ее жизненному призванию»

- 18 января 1951 года у С. В. случился первый частичный паралич, но через три месяца она поправилась….
- В июне 1954 года случился новый удар, после которого она уже не поднялась: лишилась речи, было ограниченное сознание, наступила полная неподвижность, но и в таком состоянии, целых три года, одним фактом своего существования С. В. Короленко «прикрывала собой музей и его сотрудников от проведения каких-либо реформ».

***

Таковы первые найденные «крупицы» сведений и так их не хотелось оставлять в разрозненном виде...

А новое узнавание « жития» Софьи Владимировны Короленко, еще будет продолжаться во времени.

то особое настроение, которым отмечается завершение определенного жизненного этапа.

За три года якутской ссылки им были написаны следующие его рассказы, ставшие в дальнейшем широко известными российскому читателю: «Сон Макара», «Соколинец», «Убивец», «Государевы ямщики», «В дурном обществе» и др.

***

С января 1885 года он поселяется в Нижнем Новгороде (1885–1896). Начинался качественно новый этап в его творческой жизни. Позже сам он определит его, как лучший период своей жизни…

Он перевозит из Петербурга мать и старшую сестру с семьей, а затем к ним переезжает и брат Илларион. В этом городе они прожили одной сплоченной семьей более 10-ти лет…

3 мая 1886 года он писал сестре жены Прасковье Ивановской, с которой был очень дружен, о том, что разъехались на лето члены семьи, и он затосковал. Он уточняет: «*… мы проводили 3-х членов нашей семьи в разные стороны (один – муж моей сестры, другой – брат мой (оба служат на волжских пароходах, а третья – Дуня (его жена – С.Ш.)… скучаем в усиленной степени*…»

Об удивительной атмосфере дома Короленко вспоминала Т. А. Богданович: *«Особенную уютность дому придавала Эвелина Осиповна (мать писателя – С.Ш.). В ней было что-то удивительно чарующее. Несмотря на большую простоту в обращении, чувствовалась какая-то внутренняя утонченность… несмотря на большую стесненность в средствах и полное равнодушие к внешним формам жизни остальных членов семьи, домашний обиход у них никогда не приобретал того безалаберного и беспорядочного характера, который был так обычен*

тогда в семьях ссыльной интеллигенции». (Нижегородский сборник. 1923.)

Примечателен эпизод, связанный с болезнью детей его сестры Марии, который далее вспоминает мемуаристка: «*В. Г. так искренно всем сердцем делил их тревоги, что обойтись без него в трудную минуту было психологически невозможно, и невольно забывалось, что у него есть свое важное дело, что иногда, раз спугнутое настроение, может и не вернуться, и начатая работа – остановится…»* И далее: «*Казалось бы, более естественно было в экстренных случаях обращаться к младшему, неженатому в то время брату Иллариону Галактионовичу, тем более, что он жил тут же и ничем, кроме службы, занят не был.*

Но Илларион Галактионович был иного склада человек. Он тоже искренно любил родных, но умел оберегать и свое спокойствие. Просить его о какой-нибудь домашней услуге как-то не приходило в голову. Возможно, что он и не отказал бы, но в минуты волнения и беспокойства естественнее было идти по привычному пути, а Илларион Галактионович держался вообще несколько в стороне от семейных дел. Он утверждал, что это не мужское дело, и добродушно подсмеивался над неумением В. Г. обеспечить неприкосновенность своей личности».

Согласитесь, этот отрывок в полной мере раскрывает различие в характерах братьев, но ничуть не делает их антиподами. Следует добавить, что младшему брату вообще приходилось часто быть в разъездах. Он долгое время был одинок в личной жизни, поздно познал радость отцовства, рано стал болеть и вообще, прожил нелегкую, короткую жизнь.

И еще на одну деталь в этих воспоминаниях следует обратить внимание. Т. Богданович пишет о том, что «наверху жили В. Г. + жена + дети + брат Илларион, а внизу – сестра Мария с семьей + трое детей + мать».

часто».

***

Л. Гейштор вспоминала: «*У С. В. был очень хороший вкус, тонкое понимание красоты и любовь к природе. С детства проявлялась любовь к цветам. А потом к растениям вообще… радовалась каждому распустившемуся цветку. Цветок для нее был талисманом удачи…*

Очень любила народное искусство».

И еще: «*… Художественный вкус у С. В. проявился и в любви к старинной мебели искусной работы…. С. В. рассказывала, что В. Г. радовался, когда читал что-то талантливое. Неталантливое его утомляло и раздражало».*

***

Установлено, что С. В. Короленко занималась творчеством Л. Н. Толстого в связи с изданием его собрания сочинений в 90 томах и была редактором 2-х томов.

«*Ее точность и скрупулезность в работе очень ценили…*» Так позже написала сотрудник музея им. Короленко Л. Гейштор.

***

Софья Владимировна тяжело переживала неизлечимую болезнь сестры Натальи, потом сильным потрясением стала ее смерть в Полтаве 14 декабря 1950 года.

Л. Гейштор писала:

- «В последние годы ее мучило хроническое воспаление тройничного нерва, которое не поддавалось лечению. Лицо ее приобрело страдальческое выражение…
- Интенсивное рабочее состояние было нормой в этой семье.

архив отца. . В Великую Отечественную войну она вместе с сотрудницами спасала драгоценные материалы музея, приготовив их к эвакуации.

***

Сразу же после окончания войны Софья Владимировна вплотную приступила к открытию мемориального музея. Она старалась максимально воссоздать подлинную обстановку, которая была при отце. Вот свидетельство одного из старожилов: «*В мемориальных комнатах поражала удивительная простота, аккуратность: белые салфетки и скатерти на столах и столиках, белые накидки и покрывала – на кроватях. В комнатках Софьи Владимировны было еще проще. В столовой стоял большой квадратный стол, простые венские стулья, никаких украшений. Привлекала лишь старинная кухонная утварь».*

Как вспоминают близкие им люди, которые знали обоих, у отца и дочери было много общих черт и в физическом, и в духовном облике.

У Софьи Владимировны была привлекательная наружность. Об этом ее ближайшая подруга Мария Леопольдовна Кривинская вспоминала:

«*… высокого роста, стройная, с очень гладким, без морщин бело-розовым лицом красивой овальной формы… глаза не очень большие, светлые и какие-то ясные, прямой и доверчивый взгляд. Волосы были пепельного цвета, без седины. Длинная коса закладывалась в большую прическу сзади и придавала всей голове какой-то строго-благородный вид. Обаятельная улыбка и заразительный смех. Я никогда не видела ее плачущей. Вообще горе в семье Короленко было очень сдержанным… в дружбе она была разборчива….*

Любимая фраза В. Г.: «делайте нужное дело, а деньги будут». Ее повторяла С. В. Короленко очень

Значит, Илларион был настолько близок Владимиру, что они жили практически одной семьей в непосредственной близости друг от друга, несмотря на то, что Владимир уже имел свою семью и детей. Так одна судьба тесно переплеталась с другой.

***

В эпистолярном наследии писателя об Илларионе встречается немало упоминаний. Приведенные отрывки из писем писателя к разным лицам заметно дополняют и расширяют наше понимание глубинной связи дружеских, а не только родственных отношений с младшим братом.

1

Значительны упоминания В. Г. Короленко в письмах к сестре его жены Прасковье Семеновне Ивановской. В них часто по разным поводам упоминается имя младшего брата.

- 3 мая 1886 года.

«… мы, вдобавок, проводили трех членов нашей семьи в разные стороны (один – муж моей сестры, *другой брат мой, оба служат на волжских пароходах (речь идет об Илларионе), а третья – Дуня), и потому скучаем в усиленной степени…»*

- 1886 год

… с нами живет мой младший брат Илларион, с которым Дуня очень дружна… играет роль строгого дядюшки…

С начала 90-х Илларион уехал из Нижнего Новгорода, но это не стало помехой их дружеским отношениям.

Во втором томе писем писателя приведен ряд писем к его жене, в которых встречается упоминание и о

любимом младшем брате. Читаем: «*Перчик в среду уезжает с Зевекой по делам службы вниз, чуть ли не до Астрахани. На ревизию…*»

Зевеке – это владелец волжского пароходства, где служил одно время Илларион.

- 15. 6. 1888 года.

«*… хотел сегодня уезжать с Перчиком, который поехал в Баку в командировку, но, увы».*

- 19. 6. 1888 года.

«*…Перец уехал. Едва ли он осчастливит вас своим приездом и без того прозреет долго… ведь поехал, вплоть до Баку…»*

- 20. 02. 1893 года.

…недавно нас коснулось большое горе, впрочем миновавшее благополучно: брат Илларион уехал в Москву и вскоре же заболел сильнейшей оспой. Теперь здоров. Но одно время оставалось очень мало надежды…

- 14 мая 1893 года.

…время, как вы уже знаете, для нас было тревожное: брат был при смерти от оспы в Москве…

- Февраль 1894 года.

… поручение ваше относительно семян переслал в Москву своему брату Иллариону и надеюсь, семена не запоздают…

Новгород, где ему было разрешено поселиться.

Опубликованная часть этой документальной хроники доводит изложение событий до переезда семьи Короленко в Петербург весной 1896 года.

Опубликованная часть хроники жизни писателя «Десять лет в провинции» дала возможность читателю познакомиться с событиями жизни Короленко до момента его переезда в Петербург весной 1896 года.

К созданию книги об отце Софья Владимировна приступила в нелегкие послевоенные годы. Для нее были памятны его слова, которые он сказал перед смертью: «Пиши ты». Она была убеждена, что незримо отец помогает ей в работе и как музейного работника, и как автора книги.

***

Вдова писателя, Евдокия Семеновна мечтала об открытии музея и старательно сохраняла все, что имело отношение к Владимиру Галактионовичу, вплоть до скромной домашней утвари. Именно старшая дочь стала инициатором создания музея в Полтаве.

Она была инициатором устройства в Полтаве мемориального музея Короленко и долгое время состояла его бессменным директором.

До войны старожилы Полтавы хорошо помнили, как старшая дочь писателя десятилетиями ходила в одной и той же кофточке и страшно бедствовала.

Один из них вспоминал: *«Время было трудное, и большинство из нас довольствовалось тогда картошкой, фасолью, в большом количестве свекла…»*

Но и эта еда не всегда была у Софьи Владимировны и ее престарелой матери, которую она похоронила в 1940 году.

***

В Великую Отечественную войну Софья Владимировна самоотверженно спасала дом, но в первую очередь,

критик А. Б. Дерман, Т. Богданович.

В 20-е годы С. В. Короленко заключила договор с Гослитиздатом Украины на издание ПСС в 48 томах, но было издано всего 23 тома. Тираж был небольшой, бумага и качество печати оказались плохими.

Неизвестно, по каким причинам, скорей всего, по идеологическим, публикация прекратилась после 23-го тома. Однако редакционная комиссия подготовила к печати все 48 томов (полный экземпляр этого титанического труда до сих пор хранится в архиве писателя в отделе рукописей Государственной Национальной Библиотеки (бывшей ГБЛ).

***

В заметке «От автора», предпосланной книге «Десять лет в провинции» (Ижевск, издательство «Удмуртия», 1966), Софья Владимировна Короленко писала: «*Почти до последних дней своей жизни, преодолевая тяжелую болезнь, мой отец В. Г. Короленко работал над книгой, в которой пытался запечатлеть историю свою и своего поколения, озаглавив ее «История моего современника». Перед смертью он мне сказал: «Пиши ты»…*»

И продолжала: «*Мысль о том, что книга, посвященная его жизни, должна быть дописана, овладела мной, когда мы начали работу в архиве отца, вчитываясь в наброски ранних художественных очерков, дневники, письма и записные книжки, в публицистические статьи и записи, сделанные слабой рукой перед смертью. Из этого источника почерпнуто содержание моей книги, ставящей своей целью собрать материалы к биографии В. Г. Короленко*».

Свою книгу об отце Софья Владимировна начинает с того места, на котором Короленко прервал «Историю моего современника», т.е. с 1885 года, и приезда писателя из сибирской ссылки в Нижний

- 15. 12. 1894.

… брат писал недавно – тоже здоров и тоже питает радужные надежды. Мой брат – парень очень хороший и, конечно, охотно исполнит все, что сможет. Пока еще – его постоянного адреса нет, он все разъезжает по делам, и не основался окончательно. Вскоре сообщим.

***

В примечаниях к этой записи уточняется, что в это время Илларион собирался на Амур и хотел повидаться по дороге с П. С. Ивановской. Свидание между ними действительно состоялось, но в 1895 году, когда П. Ивановская находилась на поселении в вольной команде в Нижнем Промысле.

- 8 августа 1911 года.

…брату Иллариону я написал о Гр. Ил., т.е. о том, что рекомендация его, как строителя, берется обратно. Но Илларион все хворает и до поездки в Джанхот еще далеко. Вероятно, еще никаких условий он с сим строителем не заключал… мне пришлось, вернувшись из Бухареста, почти тотчас же ехать в Москву, т. к. здоровье брата было плохо. Застал я его почти поправившимся, а теперь опять хуже. Эта болезненность, – сердце и другие разные обстоятельства влияют на него в том смысле, что он давно уже все более замыкается и суживает круг своих интересов, но человек он по натуре хороший. Меня ужасно беспокоят эти последние, не совсем понятные симптомы какой-то легко возвращающейся болезни.

А тут и с другой стороны, хотя нет ничего, указывающего на значительное ухудшение, но нет и улучшения, на которое мы так надеялись. Самочувствие больного все то же и те же перемены:

то лучше, то опять апатия и сонливость. Но все же ход болезни, м. б., вследствие необыкновенной крепости организма – необычной для такой болезни, не поддается.

- 1 декабря 1914 года.

…Илларион тоже молчит. Он теперь в Новочеркасске, но точного адреса не знаю. Пишу на удачу…

Так бывало довольно часто, что В. Г. не знал местонахождения своего странствующего брата.

- 20. 02. 1915 года.

... от Иллариона известие о здоровье благоприятные.

- 25. 02. 1915 года.

…от Перчика письма в последнее время тоже хорошие…

- 29 марта 1915 года.

…от Иллариона давно ничего опять нет…

- 20 июня 1915 года.

Придется мне съездить к Иллариону. Он был сильно болен. Теперь пишет, что ему много лучше… съездить все-таки придется…

- 24 июня 1915 года.

... от Иллариона тоже получилось хорошее известие («много лучше»), и мы решили отсрочить поездку в Джанхот.

созданного, а затем заново возрожденного после войны «Полтавского литературно-мемориального музея В. Г. Короленко».

Интересны впечатления журналистки от внешнего облика дочери писателя, которые она некогда записала: «*До первой встречи представляла ее крупной, коренастой, несколько суровой женщиной. Такой она казалась на фотографиях 20-х годов, особенно по сравнению с более нежной и женственной Натальей. Но в музейный зал, где я была, тогда вошла худощавая, хоть и высокая женщина, с тем особым выражением лица, которое присуще людям большой и доброй души, высочайшей культуры и интеллигентности. Спросила, что я уже знаю о Короленко, о его творчестве. А потом показала несметное количество неизданного, пребывающего в рукописях и газетных вырезках, рассказала о письмах, дневниках, автографах, хранившихся тогда в рукописном фонде Ленинской библиотеки в Москве, и посоветовала ограничить работу где-то 1914 – 1915 годами».*

***

После смерти Короленко началось ее беззаветное служение памяти отца. Именно она подготовила первое посмертное издание сочинений в Госиздате Украины в конце 20-х годов. Софья Владимировна разбирала его рукописи и архив, подготовляя все к печати.

Она была убеждена, что важнее всего было тщательно обработать и упорядочить все творческое наследие В. Г., и как можно полнее довести до читателя то, что он написал, причем сделать это на высоком профессиональном уровне. В этой работе ей деятельно помогали сестры Кривинские.

С мая 1923 года в редакционной комиссии принимали участие редактор–консультант проф. А. Е. Грузинский, А. Л. Кривинская, А. Я. Имшенецкий, лит.

и подверглись репрессиям.

Узнав о первых арестах, Короленко обратился с письмом к Горькому и просил сообщить сведения о положении дел Комитета и судьбе арестованных.

Без устали Софья Владимировна, как еще недавно ее отец, ходила по разным учреждениям, которые решали судьбу обездоленных или оклеветанных по доносам людей.

Это была последняя забота уже смертельно больного писателя о добром общественном деле.

За месяц до смерти он подписал нотариальную доверенность, по которой поручал старшей дочери ведение всех его дел, заключение договоров и произведение расчетов.

***

Впечатляют свидетельства о похоронах Владимира Галактионовича, которые записала журналистка Эвелина Блажко со слов Софьи Владимировны:

«Три дня вся Полтава – от школьников до стариков из инвалидного дома, люди всех званий, профессий, возрастов, положений прощались с Короленко. Двери дома, где прожил он с семьей без малого двадцать лет, были открыты настежь с утра до ночи. Не было ни распорядителей, ни почетного караула, никто не направлял движения непрерывного людского потока…. Но тишина и порядок не нарушались, – расскажет после Софья Владимировна Короленко, а люди все шли и шли…»

Э. Блажко пишет: «*Через тридцать лет, когда я слушала этот рассказ дочери писателя, Софье Владимировне было уже шестьдесят шесть лет. Она тяжко хворала, но продолжала работу над своей «Книгой об отце», над его архивом и многоадресной перепиской, была бессменным директором ею же*

- 17 августа 1915 года**.**

… я думаю, что мы у Перчика пробудем недолго… события двигаются быстро и разъезжать некогда! Надо к месту, но совсем не заехать нельзя…

2

В 1935 году вышли три тома избранных писем Короленко к разным лицам и в первую очередь к жене А.С. Короленко, где также немало упоминаний о младшем брате, каждое из которых заметно дополняет уже известные события в его жизни и жизни семьи писателя.

- 11. 7. 1889 года.

«…Перчик скоро опять переедет, кажется, к нам. До сих пор он еще у Зевеке…»

- 21. 9. 1889 года (из письма к матери):

«*Да, пожалуйста, подгоните Перчика, пускай напишет, мошенник, а то все только обещает…»*

- 28. 06. 1893 года. Пб

… с нами приехал сюда Перец… дня три здесь, потом Гельсингфорс, потом Швеция, Лондон… Перец здесь и всех целует…

- 14.07.1893 года.

Перчик уехал...

***

Из этих писем стало известно, что Илларион, едва оправившись от очередной болезни, решил

проводить брата, который отправлялся в это время в Америку и сопровождал его до Финляндии.

- 26. 08. 1893 года. Чикаго**.**

…где Перец, и что с ним теперь… мой ему поцелуй…

- 5. 02. 1897 года.

Вчера получил телеграмму от Перца пишет из Ирбита, чтобы я отдыхал побольше, и что он на твое имя переводит 500 руб. Спасибо ему, но, конечно, я долго не останусь.

- 24. 07. 1897 года. Москва.

Дорогой мой Перчина, большое спасибо тебе за твои письма и за поддержку, твои 400 руб. избавили меня от лишних хлопот.

Примечателен факт материальной помощи семье Короленко от младшего брата. Однако чаще всего помогал братьям сам Владимир Галактионович.

- 26. 07. 1897 года.

…Перца, подлеца, оттаскайте за уши: почему не пишет?
… а Перцу скажите еще раз подлец… так и не пишет, и мы даже не знаем, где он…

В. Г. Короленко очень часто сетовал в письмах на молчание Иллариона, хотя оба были очень привязаны друг к другу. Привыкнуть к этому он так и не смог, всегда тревожился за брата.

В.Пешехонову**:**
«… Соня тоже больна, хотя и работает без устали, а о В. Г. говорить больно… я чаще бываю у Короленко – мрак у них безысходный. От последнего удара им не оправиться…»
Речь идет о смерти зятя писателя – Константина Ляховича.

Фрагмент письма С. В. Короленко к А. М. Горькому:

14 сентября 1921 года.
«… отцу стало хуже, и я кончаю за него письмо к Вам. Его чрезвычайно волнует вопрос о судьбе арестованных членов общественного комитета. Обвинения против них выдвинуты тяжкие, а отец не может допустить мысли об их виновности….»

Даже находясь в таком подавленном и болезненном состоянии, отец и дочь, тем не менее, не забывали о необходимости заботы о безвинно арестованных и гонимых советской властью.

***

С начала 20-х годов Софья Владимировна активно участвовала в работе «Лиги спасения детей» в детских колониях.
Полтавская «Лига спасения детей» была создана в конце 1918 года. Именно через С. В. Короленко шла реальная помощь голодающим детям.
На Рождество она в течение нескольких лет организовывала елки для детей бедноты с городских окраин. В годы гражданской войны она напряженно и увлеченно работала в «Лиге спасения детей».

Вскоре самые активные деятели этой общественной организации, так же как и члены «Комитета помощи голодающим» были арестованы ЧК

его по томам, а затем держали корректуру.

По этому поводу Короленко писал своему давнему другу В. Н. Григорьеву 18 января 1914 года: «*… много помогает Соня, – не знаю, как бы я без нее справился…»*

В ноябре 1915 года она с отцом ездила на похороны брата Иллариона в Джанхот. После возвращения В. Г. тяжело заболел. Ухаживали за ним жена и дочь.

***

Февральская революция застала ее в Петрограде, но летом она приехала в Полтаву. Этого потребовало заметно ухудшившееся здоровье отца.

С. В. Короленко отныне стала постоянно вести его деловую корреспонденцию, принимать вместе с ним посетителей, сопровождать его при посещении ЧК. В последние годы под диктовку отца писала его статьи, письма, третью и четвертую книги «Истории моего современника».

***

В книге П. Н. Негретова о Софье Владимировне приведено несколько интересных подробностей:

- Когда 8. 06. 1920 года происходило свидание писателя с Луначарским, «*Соня была рядом».*
- 28. 2. 1921 года Соня сделала копию письма Горького к В. Г. Короленко.

С. В. Короленко тоже была социал- демократкой, т. е. меньшевичкой так же, как и Мария Кривинская.

- В апреле 1921 года Владимир Галактионович обратился к Горькому с новым письмом:

«*…вам пишет моя дочь Софья… мы с дочерью решили обойтись без этих сношений»* (имеются в виду отношения с новой властью – С.Ш.).

- 26. 5. 1921 года. Из письма Т. А. Богданович к А.

- 17. 08. 1900 года.

На мою телеграмму Перец ответил: Уральск не могу, еду Томск...

Летом 1900 года В. Г. Короленко собирал материалы о Емельяне Пугачеве, предполагая написать о нем большую работу. Он посетил многие места, связанные с народным героем, в том числе, недолго пробыл и в Уральске, где предполагал встретиться с братом.

И вот еще одно свидетельство о младшем брате писателя, причем сообщается интересный штрих к его биографии. А. П. Ульянова, еще одна свидетельница жизни семьи Короленко в Нижнем Новгороде, вспоминала: «*Его называли «дядя Перчик»… он был старшиной всесословного клуба и в его ведении была библиотека… В. Г. придавал библиотечному делу большое значение и находил, что самое важное, это уметь вести библиотеку и быть руководителем библиотеки, особенно молодежи… В. Г. был примиряющий и сдерживающий… он смягчал неизбежные трения… В. Г. был человеком впечатлительным и нервным*». (

Со временем во всесословном клубе была не только организована библиотека, которая постоянно пополнялась новыми изданиями, в первую очередь, почти всеми периодическими современными изданиями, но в этом клубе проходили также и благотворительные вечера, в которых непременно принимала участие вся семья Короленко. Оба брата были постоянными читателями этой библиотеки.

Подтверждение этому мы находим в книге С. В. Короленко «Десять лет в провинции», где цитируется небольшой отрывок из какого-то письма писателя, о

знакомстве с А. Богдановичем. Письмо относится к периоду жизни в Нижнем Новгороде: «*дня через два мой брат, тоже вернувшийся из библиотеки, сказал, что там к нему подошел и познакомился с ним молодой человек, бывший киевский студент, живущий в Нижнем под надзором полиции. Это был Ангел Иванович Богданович*».

Братья Короленко вложили много души и труда в дело просветительства нижегородцев.

Несмотря на разницу темпераментов, характеров, интересов, их дружеские и близкие родственные отношения сохранились на всю жизнь.

Жизнь в Джанхоте

В 1898 году В. Г. Короленко посетил местечко Джанхот, куда он прибыл, чтобы выбрать место для строительства дачи. Владимир Галактионович осмотрел продававшиеся дачные участки и купил участок земли. Илларион построил на этом участке дом, в котором постоянно жил. Сосновый бор и чистый морской воздух Джанхота идеально подходили для лечения туберкулеза, которым страдал младший брат писателя.

Установлено, что рисунки и чертежи, по которым в короткий срок была построена изящная двухэтажная дача с ажурными балкончиками и верандами, сделал сам Владимир Галактионович. И строительство дачи проходило под его непосредственным наблюдением. Строительство было завершено в 1902 году.

Дача была расположена в очень живописном месте – на левом склоне горной расщелины

В. Г. Короленко вместе с семьей неоднократно приезжал к брату Иллариону на лето. Здесь ему

***

В 1912 году Софья Владимировна принимала активное участие в работе редакции журнала «Русское Богатство» и даже подписывала выходящие номера журнала за отца, который привлекался в это время к суду за публикацию статьи Л. Н. Толстого «Посмертные записки старца Федора Кузьмича».

***

В 1913 году она вместе с отцом была в Киеве на процессе против Бейлиса. Черносотенцы грозили смертью всем защитникам Бейлиса, к которым причисляли и Короленко. Опасность была реальная. Софья Владимировна ни на минуту не оставляла отца и сопровождала его в суд, вместе с ним ходила и по улицам Киева.

Преследования в царской России не только евреев, но и удмуртов-вотяков, немцев, украинцев побуждали Короленко писать статьи против отвратительнейшего явления – торжествующего национализма. Его авторитет позволял пробудить общественное сознание современно мыслящих людей и предотвратить многие национальные катастрофы.

Следует заметить, что, благодаря авторитету Короленко, в Полтаве никогда не было еврейских погромов.

Короленко в эти дни с утра и до вечера выступал на базарах и площадях с разъяснениями, увещеваниями, призывами, и рядом с отцом в эти дни была его дочь.

***

В 1914 году именно Софья Владимировна взяла на себя подготовку к печати первого полного собрания сочинений, которое вышло в издательстве А. Ф. Маркса как приложение к журналу «Нива».

Вместе они подбирали материал и распределяли

В текст ее « Книги об отце» были включены многие фрагменты из его дневников последних лет жизни.

… С.В Короленко не подвергала их обработке, не делала изъятий.

Голос писателя звучал как продолжение и развитие его мыслей и взглядов на бурные исторические события современности, в которых он был не менее активным участником, чем в годы своей юности.

С. В. Короленко нашла оригинальный способ продолжения «Истории моего современника». Это не ее личные воспоминания, а композиция из дальнейших литературных и публицистических работ отца, его писем, дневников. Так что читатель прослеживает жизнь и деятельность Короленко до самого конца, а составитель книги только по необходимости, минимально связывает авторский материал своими словами, превращая его в единое целое и отводя себе в этом процессе второстепенную роль.

***

С. В. Короленко не теряла надежды на издание своей книги, искала издательство…. По совету одного издательства, она стала вырезать все «крамольные места» из текста…. Но даже в «улучшенном» виде этим книгам было нелегко пробиться в печать. К сожалению, сама Софья Владимировна не дождалась выхода в свет своей книги, которая вышла в столице Удмуртии Ижевске спустя 11 лет после ее смерти в 1957 году. Многолетний труд Софьи Владимировны завершила ее преданная подруга М. Л. Кривинская (о ней см. отд. приложение).

Книга объемом в 382 страницы вышла скромным по тем временам тиражом 30000 экземпляров. Она сразу же превратилась в библиографическую редкость.

замечательно работалось. Он писал очерки, рассказы, статьи, вел переписку. В этом доме он написал воспоминания об А. П. Чехове и закончил воспоминания о Н. Г. Чернышевском.

К тому времени Владимир Галактионович уже несколько лет являлся соиздателем журнала «Русское богатство». Одновременно он выполнял обязанности редактора отдела беллетристики этого журнала, и потому на его столе всегда было много рукописей начинающих авторов.

В Полтаву постоянно поступали «*то рукописи, то корректура, то хвостик хроники…»* Работа над ними неизменно тормозила его поездки к брату Иллариону.

На протяжении всей жизни братьев Владимира и Иллариона связывала большая дружба и забота друг о друге. Где бы они ни были, они всегда переписывались, часто встречались, поддерживали друг друга, как морально, так и материально.

***

А**.** Колесникова (бывший директор местного историко-краеведческого музея) по разным материалам внимательно проследила хронологическую последовательность приездов писателя в Джанхот, посвятив этому несколько своих публикаций.

- «И. *Г. Короленко, переехал с семьей в Джанхот на постоянное местожительство и продолжал благоустройство усадьбы: по сложному залесненному рельефу проложил прогулочные аллеи, пригодные для проезда; оборудовал видовые площадки и площадки для отдыха как основу будущего приусадебного парка. Ниже центральной усадьбы, у подножия горы, были сооружены хозяйственные деревянные постройки (конюшня, сеновал, хлев, сараи и прочее)».*
- 24 марта 1901 года В. Г. Короленко выехал в Геленджик., а в Джанхот прибыл 25-го, но через три дня

стал собираться в Полтаву. Это краткое посещение Джанхота было связано с началом строительства дома брата.

В дневнике он записал: *«…В вагоне, в котором я ехал из Новороссийска, шла беседа об отлучении…. Большинство было на стороне Толстого…»*

Пассажиры живо обсуждали сообщение Российского телеграфного агентства об отлучении от православия обличителя самодержавия и церкви Л. Н. Толстого.

«Отлучение от церкви, – писал Короленко, – передаваемое по проволоке, парадокс, изготовленный историей к началу XX века».

Факт отлучения Л. Н. Толстого был воспринят современниками, как крупное общест-венно - политическое событие.

В. Г. Короленко отправил супруге Льва Николаевича, Софье Андреевне, телеграмму, в которой просил выразить великому писателю *«чувства глубокой симпатии и уважения».*

- Летом 1901 года Короленко вместе с семьей снова приезжает в Джанхот.

«*Джанхот оказался гораздо лучше, чем мы предполагали. Теперь наши летние поездки туда – дело решенное»,* – признавался писатель.

- Летние месяцы 1902 года Владимир Галактионович и члены его семьи снова проводят в Джанхоте, откуда 25 июля он направил в Академию изящных искусств и литературы письмо с отказом от звания почетного академика. Письмо явилось выражением протеста против произвола царя Николая II, который потребовал отменить выборы в почетные академики А. М. Горького.
- Летом 1904 года писатель приехал к брату уже *в пятый раз*. На этот раз здесь было особенно многолюдно. 15 июля приехали Владимир и брат

необыкновенно богатой натуре.

***

Ее труд – «Книга об отце» – охватывал нелегкий период жизни писателя с 1885 по 1921 год – более 35 лет.

Эта книга содержала рассказ о деятельности писателя на посту редактора журнала «Русское Богатство», а также о переселении в Полтаву и его литературно-общественной работе в 1900–1914 годах. Часть книги посвящена последнему периоду его жизни (1915 – 1921).

Публикация на страницах книги отрывков из неизданных произведений и писем Короленко придает ей в ряде случаев характер первоисточника.

С.В. Короленко объясняла: *«То, что читатель найдет здесь, – предупреждала она, – не является биографией в настоящем смысле этого слова; это и не воспоминания одного из членов семьи, не рассказ о моем отце и не взгляд на него со стороны. Моя работа – попытка продолжить историю В.Г. Короленко, не завершенную им лично, составляя ее черта за чертой из дневников, писем, печатных произведений, лишь иногда дополненных собственными воспоминаниями».*

В «Книге об отце» Софья Владимировна приводит немало архивных документов, которые ранее в печати не появлялись. Нередко она позволяет и себе выступать в роли свидетеля его трудов и дней.

***

Движимый чувством сострадания к ближнему, Короленко был принципиальным противником смертной казни. Он неустанно хлопотал за всех арестованных, испрашивал помилование осужденным, при этом классовое положение подзащитных, их отношение к большевикам и место в революционной борьбе не интересовали писателя, поскольку он спасал человека.

Петербурге (1896 – 1900) были отданы журнальной работе, и позднее, уехав в провинцию, он оставался одним из редакторов и руководителей журнала».

Ее «Книга об отце» представляет собой органичное продолжение книги «История моего современника» и содержит, прежде всего, рассказ о деятельности писателя на посту редактора журнала «Русское Богатство», литературно-общественной работе в 1900–1914 годах, а затем о переселении в Полтаву и о последнем периоде его жизни (1915–1921).

Публикация на страницах книги отрывков из неизданных произведений и писем Короленко придает ей в ряде случаев значение первоисточника.

«*То, что читатель найдет здесь, – предупреждала С. В. Короленко– не является биографией в настоящем смысле этого слова; это и не воспоминания одного из членов семьи, не рассказ о моем отце и не взгляд на него со стороны. Моя работа – попытка продолжить историю В. Г. Короленко, не завершенную им лично, составляя ее черта за чертой из дневников, писем, печатных произведений, лишь иногда дополненных собственными воспоминаниями.*

Установленные точно, на основании документов, даты жизни и деятельности, биографические эпизоды, выясненные по архивным данным, предоставляли возможность проверки материалов даже в случае ошибки памяти отца. Я старалась выделить из массы записей, из множества фактов его жизни то, что лучше и больше всего выражало бы его образ».

Эту свою задачу С. В. Короленко выполнила с величайшей тщательностью, тактично и добросовестно, и пронизала книгу беззаветной любовью к отцу. Памятью о нем окрашены все страницы, и благородная фигура Короленко встает перед мысленным взором читателя со своим сложным духовным миром и со многими противоречиями, присущими его

Юлиан, сестра Мария Короленко-Лошкарева, – все с семьями. Как говорил Владимир Галактионович, «*собрались четыре поколения в пределах между прабабушкой и правнучкой».* Были и полтавские друзья: педиатр А. В. Будаговский и земский статистик М. И. Селитринников. Вместительный дом оказался мал – и мужчины спали во дворе в палатках. Владимир Короленко облюбовал уединенную чердачную комнатку. Ему она нравилась: работать удобно, вид очень хороший, да и вдали «от шума и земной юдоли».

В те времена доставать продукты для пропитания всех собравшихся на даче было делом не простым. Поэтому часто с рассветом Владимир Галактионович отправлялся за провизией в Геленджик.

И как вспоминает его племянница М. Н. Лошкарева: *«Мы еще только сходили на террасу к утреннему чаю, а он уже подъезжал верхом,… красиво сидящий в седле».*

Когда в Геленджике распространилась весть о том, что Короленко отдыхает в Джанхоте, к нему началось своеобразное паломничество. Приезжавшие располагались невдалеке от дома в надежде увидеть широко известного писателя.

«*Были и забавные случаи, когда брату Илларион оказывалось внимание и приходилось выслушивать комплименты, предназначенные Владимиру Галактионовичу, находящемуся в это время на «верхотуре»…»,* – вспоминала его племянница.

В один из обычных безоблачных дней лета 1904 года Владимиру Галактионовичу вручили скорбную телеграмму: умер Антон Павлович Чехов. А еще накануне Короленко прочел в «Русских ведомостях» успокоительные известия о здоровье Чехова.

В дневнике Владимир Галактионович записал строки: «*…Я знал Чехова с 80-х годов и чувствовал к нему искреннее расположение. Думаю, что и он тоже… Чувство, которое я к нему испытываю, без*

преувеличения можно назвать любовью…»

В. Г. Короленко послал телеграмму в редакцию «Русской мысли»: «*Глубоко потрясен известием о смерти достойного Антона Павловича, прошу передать родным выражение искреннего сочувствия их горю».*

И не откладывая на потом, при явном недостатке справочного материала, в основном по памяти, Короленко написал проникновенные воспоминания о Чехове. Он спешно отправил рукопись в журнал «Русское богатство» и уже в июльской книжке появилась его публикация.

15 июля – день рождения Владимира Галактионовича – в Джанхоте неизменно отмечался, независимо от того, присутствовал ли при этом сам виновник торжества.

Еще недавно, в 1903 году Чехов, по случаю 50-летия писателя, прислал телеграмму следующего содержания: *«Дорогой, любимый товарищ, превосходный человек, сегодня с особенным чувством вспоминаю вас. Я обязан вам многим. Большое спасибо».*

И еще раз подпись Чехова под коллективным приветствием в адрес писателя появилась в журнале «Русская мысль»…

В день рождения Короленко в Джанхоте собиралось немало народу. Домашними силами ставили какой-либо спектакль.

В 1903 году, например, исполнялся отрывок из «Русских женщин» Н. А. Некрасова – диалог княгини Трубецкой с губернатором. В роли губернатора выступала дочь писателя София, а Трубецкую играла племянница Надя Лошкарева.

Через два дня Короленко занес в дневник событие, которое произошло в Петербурге в день его рождения: «*Утром в Джанхот пришел номер «Черноморского побережья» с телеграммой: «15 июля в 3 часа убит министр внутренних дел Плеве». Убит бомбой в то время, когда ехал на Балтийский вокзал».*

горечи лекарства она ужасно чутка и преувеличивает все это воображением. В довершение – она высока, тонка и худенькая, хотя хворает редко».

***

Софья Владимировна любила Полтаву больше, чем другие места их жизни. Уезжая на время, всегда возвращалась сюда.

В 1904 году в дневнике писателя появилась новая запись о старшей дочери: *«Соня кончила с золотой медалью и ее пробные уроки в 8-ом классе обращали внимание. Лицо у нее еще хранит черты детства, в крупной фигуре и спокойных, хотя и застенчивых манерах чувствуется зарождающийся характер. Она спокойна и рассудительна, справедлива. Ее суждения обдуманы и разумны…»*

Вначале она недолго пробыла скромной учительницей сельской школы, а затем стала секретарем и преданным помощником отца. На ней, в первую очередь, лежала обязанность вести переписку писателя

С 1905 года она стала, по сути, секретарем Владимира Галактионовича, выполняя не только отдельные его поручения, но и вела учет «исходящей и входящей» корреспонденции.

С. В. Короленко помогала отцу в сборе материалов и сопровождала в выездах на места, она же переписывала его публицистические статьи, которые писались как непосредственный отклик на то или другое общественное явление или событие.

***

С. В. Короленко в «Книге об отце» писала: «*С мая 1895 года, по приглашению Михайловского, Короленко стал вторым официальным издателем «Русского богатства». Четыре года пребывания отца в*

Глава 6

Штрихи к портрету старшей дочери

Старшая дочь писателя – Софья Владимировна Короленко (1886–1957) прожила нелегкую жизнь, исполненную труда и потерь. Ее земной путь прошел как бы в тени ее прославленного отца. К сожалению, серьезного жизнеописания ее нет, и потому любые штрихи к портрету этой подвижнически преданной заветам отца личности представляют несомненный интерес. Отдельные эпизоды из ее жизни, которые сохранились в разных источниках и публикациях – лишь малая часть, позволяющая представить масштаб ее личности.

***

Она родилась 28 октября 1886 года в Нижнем Новгороде, когда отцу было 33 года, а матери 31 год, и была первым ребенком в семье писателя.

Короленко очень любил детей, и потому в его дневниках много записей их первых слов, суждений и даже целые диалоги и сценки.

16 июня 1893 года Короленко писал: «*Соня вдумчива, нежна, я даже боюсь несколько ее чуткости и легкости вспыхивающего чувства сожаления и симпатии к другим. Боюсь потому, что это нелегкие поверхностные вспышки, а не детская чуткость, которая ей может дорого стоить в жизни…. Она уже задается вопросами о Боге, о первых людях… я взял ее к себе и мы много говорили о Христе. Ее до такой степени захватил этот рассказ, что она забыла о зубной боли. Кроме того, она готова раздать все, что у нее есть, до последнего, и у нее совсем не было периода детской жадности. К физической боли, к холоду и*

***

В 1904 году семья Короленко опять осиротела: скончался старший брат Юлиан, а годом раньше умерла всеми горячо любимая и глубоко почитаемая Эвелина Осиповна – мать писателя, которая долго и тяжко болела. Все чаще стал болеть и брат Илларион.

Целых три года длилась пауза между их встречами, и только летом 1908 года Владимир Короленко снова посетил младшего брата.

На отдыхе он закончил последнюю главу первой части своего основного труда «История моего современника».

Дочь С. В. Короленко вспоминала: «*Окончив организацию журнала, отец уехал в Полтаву, а затем в Джанхот, на Черноморское* побережье, где *мы часто проводили лето у брата отца, Иллариона Галактионовича Короленко. «Нечто вроде корзины, наполненной густой зеленью», – назвал в свое время писатель В. Г. Короленко ущелье, в котором расположен Джанхот…*»

Как правило, в окружении семьи и друзей ему хорошо и плодотворно работалось. Здесь были, либо написаны, либо отредактированы многие его известные произведения.

Среди близких В. Г. Короленко слыл хранителем живых традиций семьи…. Ему приходилось заботиться не только о родных братьях, но и об их детях. Он переживал и сострадал Иллариону, который все чаще болел. Известно, что в начале июля 1911 года В. Г. Короленко, будучи в Москве, навестил в подмосковном санатории больного брата.

В. Г. Короленко приезжал в Джанхот к брату в сентябре 1912 года и, наконец, дважды в 1915 году.

В начале сентября 1915 года Владимир Галактинович пробыл с ним и его семьей почти месяц. В это время он напряженно работал над «Историей моего

современника», занимался редакторской работой для журнала «Русские записки».

25 ноября того же года он получил известие о скоропостижной смерти Иллариона. В тот же вечер он вместе со старшей дочерью выехал в Джанхот.

Владимир Галактионович приехал, чтобы проводить брата в последний путь. Писатель похоронил Иллариона на территории усадьбы на одной из видовых площадок (70 метров от дома) и взял опекунство над его семьей.

Больше сюда писатель не возвращался, но всегда с теплотой вспоминал это живописное место.

16 декабря 1915 года В. Г. Короленко писал многолетнему сотруднику журнала «Русское богатство» А. Г. Горнфельду: «… *похоронил я брата и уже вернулся. Вот как был я, между прочим, прав, опасаясь связывать себя началом своей повести, пока нет конца. Работа катилась по маслу, а теперь после такого сильного толчка, – сошла с рельсов и не легко ее опять поставить. Ну да, конечно, опять наладится. Так бывает. Близкий человек сошел с поезда. Надо ехать далее без него…*»

Спустя десятилетия

Художник и реставратор музея Владимир Федорович Карачевцев в начале 80-х годов разыскал сыновей Иллариона Галактионовича – Георгия и Вадима.

Владимир Федорович просил братьев не согласовывать между собой свои воспоминания, и эта просьба была полностью удовлетворена племянниками писателя.

обладающие живой речью.

- Человек и птица – это слово Вселенной. Этот мирный союз должен совершиться на протяжении веков посредством великого искусства воспитания и объединения, которое человек уже начинает постигать.
- Птица – вся в воздухе, в свете.

- Если существует высшая жизнь, жизнь «горящая пламенем», то это без сомнения, жизнь птиц.

- Человеку врожденна потребность сильных ощущений, и ребенок, удовлетворяющий обыкновенно этой потребности убийством, целой драмой жестокой и коварной ловли, терзания слабых существ, не может понять уже великого наслаждения – смены ощущения труда, постепенного успеха, достигаемого умелой медленной работой.

Творить или разрушать – в этом наслаждение детей. Но творить так трудно, разрушать так легко! Первое требует особого дара Создателя и благодетельницы природы: терпения и кротости.

- **Птицы – это эхо человека и Бога, ко всякому звуку в природе присоединяют наивную, своеобразную прелесть напева.**

- **Настоящая птица полей это жаворонок,** друг земледельца, его неизменный товарищ. Надежда – это древний девиз нашей Галлии и вот почему жаворонок, бедный, скромно одетый, но богатый чувством и песнью, стал ее национальной птицей.
- Птица – это поэт природы, наиболее независимое существо, ведущее жизнь полную высших ощущений, полную приключений и вдобавок, лишенное всякой защиты и покровителем природы.
- Воссоздать обычные условия жизни, питания, растительной обстановки, вообще гармонию прежней жизни, которая могла бы обмануть изгнанника и заставить его забыть родину-это дело не одного знания, но и вдохновенной изобретательности.
- Определить предел свободы, подчинения, союза и сотрудничества с нами, который бы ответствовал нравам различных существ, – вот одна из важнейших задач, которые только способны занимать ум человека.

- Новое искусство и нам не проникнуть в него, пока мы не углубимся нравственно, не очистимся, не выработаем тонко – соразмеряющей деликатности, которая пока еще в зародыше, и которая разовьется, вероятно, только тогда, когда женщина войдет в область науки, откуда она исключена еще до сих пор.
... это искусство предполагает бесконечную чуткость к справедливости и мудрости.

- Птица – поистине – дитя воздуха и света. Но наряду с пением она владеет и другими средствами выражать свои чувства: она болтает, разговаривает подобно человеку. Она и мы – единственные существа,

Вадим Илларионович, которому было 72 года, прислал небольшой текст, напечатанный на машинке.

Георгию Илларионовичу шел 75-й год. Он от руки по памяти описал предметы, окружавшие его с детства. Например, он писал о том, как выглядела гостиная комната: *«слева стояло кресло, над ним висели часы в виде улыбающегося солнца, а рядом стоял ломберный раскладной столик для игры в карты. Отец наш – Илларион Галактионович после ужина раскладывал пасьянс. Стоял диван со спинкой и валиками-подлокотниками, над ним висела картина «Лев Толстой на пашне», на которой изображены две белые лошади».*
К сожалению, память сохранила немногое.

В акварельных картинах Владимир Федорович Карачевцев воспроизвел вид дома семьи Короленко. Так стали известны мельчайшие подробности быта семьи Короленко.

После реставрации в 1999–2002 годы дом-музей получил как бы второе рождение.

Потомки Иллариона Галактионовича

25 июня 1986 года от Георгия Илларионовича – племянника В. Г. Короленко – в полтавский мемориальный музей писателя поступил удивительный раритет: письмо, датированное 30 июня 1921 года (заметим, к этому времени В. Г. Короленко был уже тяжко болен – С.Ш.). Оно было направлено в Джанхот вдове Иллариона – Н. Г. Короленко. В этом письме было прошение об оказании помощи ее семье в связи с притеснениями советской власти.

В 2003 году широко отмечался юбилей писателя (150-летие со дня рождения), в том числе и в музее Джанхота.

По этому поводу газета «Неделя Геленджика» поместила небольшую информацию, упомянув в ней о том, что среди приглашенных был сын Георгия Илларионовича Короленко.
Внучатый племянник писателя Юрий Георгиевич Короленко в настоящее время занимает должность ведущего юрисконсульта американской фирмы «Богатырь Аксес Комир» и живет в Казахстане.

В своем интервью этой газете он отмечал, что «современники недаром называли В. Короленко «нравственным гением», «праведником русской литературы», «адвокатом слабых и угнетенных». Писатель обличал несправедливость, и его гражданская позиция нашла отражение и в литературе, и в журналистике. В своих статьях и очерках писатель выносил на суд общественности самые злободневные темы...

Особенно примечательны следующие свидетельства Ю. Г. Короленко: «*Имя Владимира Короленко звучало в семье постоянно. Мой дед Илларион умер в 1915 г., когда отцу было пять, а дяде восемь лет. И Владимир Галактионович до 1921 г. официально был нашим опекуном. Когда он умер, началось притеснение, и семье пришлось уехать в Киргизию, там я и родился. Сейчас живу в Казахстане, в городе Экибастуз, где самый большой в мире разрез по добыче угля открытым способом».*

- **Ласточка – это странница.** Она стала эмблемой прочности семейного очага. Это птица возврата. Не одна правильность ее годичных возвращений дает ей право на это название, но и ее полет. Этот удивительный своеобразный полет, который, рассыпаясь тысячью кругов, с таким постоянством преследует одну круговую неудержимо бегущую к своему началу линию.

… этот круговой бесшумный полет. Это вечное движение возврата пленяет наши взоры и сердце, погружая наш ум в мир мысли.
Кто ты, вечно скрывающаяся таинственная, чьи видны только острые, мечтою скользящие крылья, быстрые как у Времени?
… я чувствую твою близость, ощущаю на лице легкое веяние крыльев. Птица ли это? Дух ли?
… не лучше ли восстановить образ ласточки, возникший в мысли народа в мудрую эпоху седой древности, которая, без сомнения, ближе к мысли природы.
Ласточка – птица, т.е. существо, созданное, прежде всего, для полета. Для этой цели природа жертвует в ней многим.

- **И человек, и птица, и вся природа – все мы сходны в одном: мы существуем в контрастах...**

- Всякий труд, всякое обращение человека к природе предполагает понимание мирового порядка. Таков уж закон этого порядка: всякая жизнь заключает в себе и вокруг врага, чаще всего внутреннего паразита, который подтачивает ее, стремится к ее уничтожению.

- Дерево, представляющее вид цветущего здоровья снаружи, но гнилое и источенное внутренним червем – это ужасающий образ, полный трагического смысла для тех, кто задумывался о судьбах человеческих обществ.

нас сообщались с природой, там, где в загадочном полумраке явлений им предстояло идти робким, неуверенным шагом, величаво вверялись указаниям такой мудрой, такой многоопытной птице.
… ворон- воплощение лишь практической мудрости и обдуманной силы.

- Свет – безопасность и опора существ. Животное и человек обеспечивают им независимость жизни.

Это льющая успокоение улыбка природы, миротворная и ясная, как чистосердечие, как радость. Перед ней прочь ползут потемки с вереницей действительных и воображаемых засад, в предвкусии которых смертельно холодеет душа и тоскливо сжимается сердце.
Идеал человека: жить в полном свете, не омраченном ничем.

- Под мнимой простотой седой древности скрывается глубокий практический смысл.

- **Храбрый жаворонок** – любимая птица древней Галлии. Это символ несокрушимой надежды. Он летит только днем. Его преследуют, уничтожают: гибнет десятый из стаи, но его песня звучит все также беспечно и звонко.

- Что делать тебе, бедный **певец – соловей** слабому, одинокому, которому приходится стать лицом к лицу с невзгодами без товарищей и без помощи? Где твоя сила. Весь ты – голос.

- …обетованная земля птиц, дружелюбно кроткий Египет, где под покровом освящения крылатые пилигримы находят и защиту, и пищу, и радушный привет.

Забавный эпизод (штрих к портрету Иллариона Короленко)

Литератор Александр Продан опубликовал эпизод из жизни К. И. Чуковского под названием «В докторской мантии», который непосредственно связан с личностью младшего брата писателя – Илларионом Галактионовичем.

Читаем: «*Сообщение из Оксфорда внесло некоторые заботы в дом восьмидесятилетнего Чуковского. Надо было ехать в Англию за получением диплома и докторской мантии. Чуковский любил эту страну, свободно владел языком, хорошо знал ее литературу. Корней Иванович нередко вспоминал о своих давних путешествиях в Англию. Впервые он поехал туда в самом начале века – двадцатилетним юношей, а во второй раз – в 1916 году, в разгар мировой войны. И когда бывал в хорошем настроении, извлекал из своей бездонной памяти всевозможные истории, связанные с этими поездками.*

– «*О, это были прелестные путешествия, особенно первое. Я был молод и беззаботен и впервые открывал для себя эту страну. Было мало денег, но я чувствовал себя счастливым».*

Тут должно сделать небольшое отступление. И затем А. Продан пишет: «*Однажды, занимаясь в Центральном архиве литературы и искусства (его сокращенно называют ЦГАЛИ), я случайно наткнулся на пачку писем Короленко. Письма относились к началу 900-х годов. Неожиданно в одном из писем мелькнуло имя Корнея Ивановича. Короленко сообщал своему корреспонденту, что его брат Илларион дал взаймы Чуковскому значительную сумму. А в нескольких последующих письмах упоминалось, что-де срок*

возвращения долга минул, а денег все нет. Похоже было на то, что Илларион Галактионович испытывал в тот момент нужду в деньгах и нервно воспринимал неаккуратность Чуковского. И вдруг на одном из писем карандашом на полях помета, сделанная рукой Короленко же: «Деньги от Чуковского получены».

Этот факт весьма красноречив, но он требует ряда уточнений и дополнений. Он свидетельствует об отзывчивости Иллариона Галактионовича.

А. Продан далее пишет: *«Стояли мы как-то, несколько человек, около Дома творчества в Переделкине вокруг Корнея Ивановича и слушали его рассказ о недавней поездке в Англию. Он был в хорошем настроении и весело, аппетитно рассказывал разные истории. Неожиданно, в какой-то, уж не помню, связи, он упомянул имя Короленко. Вот тут-то меня нечистая сила и попутала, и я вдруг вспомнил про письма Короленко.*

– Мне известна одна ваша тайна, Корней Иванович, – загадочно произнес я.

– Ну, интересно, какая же? – передразнивая меня, откликнулся он. И я рассказал про письма Короленко и о том, как нервничал старый писатель по поводу этого долга. Рассказал эту историю и сразу переполошился: зачем я ее вспомнил? А вдруг еще старик обидится! А старик и впрямь, кажется, вспыхнул. Глаза его вдруг посуровели. Он с укоризной посмотрел на меня и, скандируя каждое слово, назидательно произнес:

– И не всякие истории уместно вспоминать в обществе... Но тут же рассмеялся. Глаза его мигом оттаяли. Он долго и весело смеялся.

– Знаете ли, что это за история? Если бы не Илларион Короленко, не увидеть мне тогда Англии. Задумал я эту поездку. Но денег – шаром покати. Откуда же им было явиться у молодого литератора*! И тут меня осенило: попросить взаймы у Иллариона Галактионовича. А тот*

следующий вопль: «О, если бы мне сделаться птицей»!

- Он (автор), сам птица и мыслью, и сердцем, истолкует подобным себе вашу прекрасную душу.

- Никто из нас не вносит в науку того трогательного уважения к жизни, которое вознаграждает природа посвящением в свои заманчивые, но глубокие тайны.

- Древняя непосредственность предвосхитила у нас плоды опытных изучений: путь долгих наблюдений осветил перед нами роль птиц в природе. Как помощницы ее мировых преобразований, бдительно ускоряющий обращение и обмен ее жизненных застоявшихся соков.

- Смерть сама по себе свободна от горьких упреков. Она ведь есть личина превращений живого.

- Но мир справедливо ненавидит страдание, и оно мало помалу растает, испарится в природе. Его проводники – свирепые, рвущие по кускам палачи жизни – уже понемногу выводятся в мире.

- Мир преклоняется мало помалу могуществом Бытия, в руках которого – ключ к тайнам колеблющейся жизни и смерти, которое строго обуздывает последнюю, наклоняя ее в сторону равновесия живого… нравственно поднимает смерть, делая ее кроткой и быстрой, чуждой томлении я и боли.

- **Ворон** – глубокий знаток времени и вещей, хороших условий для охоты.

Он подмечает, усваивает себе тонкое понимание внешней природы. Древние, которые непосредственнее

- Я понял ясно, что естествознание есть только отрасль великой общественной науки.

- Это было высокое созвучие сердец, непринужденный обмен самых затаенных мыслей и совершеннейшее сочетание семейного очага с величественной идеей природы.

- Дыша таким полным бытием и заодно с нею (женой!) мы естественно желали бы подольше удержать эти летучие мгновения…
Она без устали задушевно и толково обращала мой прояснившийся взгляд на духовные черты окружающей жизни

- … быть может, слабая во многом, настоя книга уже сильна тем, что везде полна кротостью и верой. В каждой черте своей она цельна и верна идее – когда парит над смертью и ее мнимым разрушением, когда сдергивает личины, которые набрасывает жизнь на свое единство, и когда деятельно и нежно идет от гнезда к гнезду, от зародыша особи, отождествляя любовь к Богу с беспредельной любовью к его созданию.

- Человек по своей привычке все порывается ввысь. Тяготясь своим настоящим, он мечтает быть ангелом, крылатым богом.
Крылатые гении Персии преобразуются в еврейских херувимов. Греция пристегивает крылья Психеи и окрыляет человеческую душу. Душа сберегла свои крылья. Вея сквозь сумрак средних веков, она все светлела и утончалась морально.

- Еще пламенне и откровеннее из глубины людской природы ее пророческие томления исторгли

с величайшей готовностью дал. Деньги были нешуточные. Написал я вексель, как полагалось в ту пору, и получил денежки, на кои спокойно и съездил в Альбион-то. Вернулся и не заметил, как срок векселя истек. А денег, представьте себе, ни гроша. Кажется, еще никогда такого безденежья и не переживал. Заканчивал большую работу, а за другую, давно законченную, расчет задерживался. Очень я намаялся тогда, пока не исхлопотал денег и не погасил долга. Вот так-то, молодой человек, было дело, – сказал он, обращаясь ко мне.
– А кстати, где эти самые письма Короленко вы обнаружили? Очень бы и мне интересно на них взглянуть».

Почему именно к Иллариону Короленко обратился Корней Иванович Чуковский, он так и не объяснил. Очевидно, он просто знал об удивительной отзывчивости этого человека.

Глава 4

К истории одного посвящения или всего один эпизод из жизни Иллариона Короленко

В книге В. Г. Короленко «История моего современника», которая была издана уже в советское время в 1930 году, в примечаниях упоминается интересный эпизод биографии младшего брата писателя.

Илларион Короленко состоял инспектором Северного страхового общества. Жил в Сибири. *Помог французскому путешественнику Жюлю Легра, который знакомился с миром ссыльных в Сибири. В благодарность Жюль Легра посвятил ему свою книгу (Париж. 1899). « О Сибири».*

Факт весьма примечательный, но он явно требует дополнительных сведений. Что же можно узнать о личности французского писателя и путешественника?

***

Жюль Легра (1866–1939) прожил довольно долгую жизнь на рубеже двух столетий. Он был профессором Бордоского, а позднее Дижонского университета по кафедре иностранных литератур. В историю отечественной культуры он вошел как ученый – славист, журналист и писатель.

В 1895 году в одном парижском издательстве вышла книга французского слависта и германиста Жюля Легра, озаглавленная «На русской земле».

В этом сочинении, выдержавшем 4 издания, премированном Французской Академией, описывались впечатления автора от 3-х его поездок по России в

- Человек – свой собственный Прометей

- Женщину мучит не тирания мужчины, а его равнодушие.

- Женщина консервативна по своей природе, она везде ищет прочных оснований, и это вполне естественно, так как для домашнего очага и колыбели нужна прочная почва.

Из книги «Птица»:

- Время поглощает все: жизнь, успехи труда, бурную смену событий, разрушает на наших глазах тот разумный мир, с которым мы сжились и которому не видим преемника.

- Трудные пути истории облегчались по временам кротким уяснением, поддержкой.

- Я писал в духе мира под непреодолимым отвращением к охоте.

- Умиротворение и гармоническое единение со всем живущим.

- Я бы желал, чтобы это была не книга, а *живое создание*.

- Я впервые испытал, как бесплодно погружается в себя человек, очутившийся за чертой тесной общительности с бесхитростными существами, которые своей чистотой, игривыми развлечениями и наивным проворством как бы дарили его ясной умиротворяющей улыбкой природы.

писателем и живет в значительном произведении. Он приобрел бы интерес и смысл, если бы утвердилась философия космического воображения, исследующая центры космизма».

***

Короленко переводил с польского не только Адама Мицкевича, но и Генриха Сенкевича. В 1957 году в Москве вышел том «Повестей и рассказов» Г. Сенкевича. В этом томе отмечается, что рассказ «Янко–музыкант» публикуется в переводе В. Г. Короленко, «недавно обнаруженном в архиве писателя литературоведом А. Храбровицким, причем примечания выполнены самим писателем».

Интересно, что этот перевод датирован 1878 годом, что требует к себе особо пристального внимания, т. к. это было время, когда переводилась и книга Мишле.

Приложение 1. Слово Ж. Мишле

- Возвыситься нетрудно; трудно остаться при этом самим собой.

- Табак убивает часы жизни и делает их нечувствительными. Кофе сокращает их, возбуждая ум, и обращает их в минуты…. Таким образом, время умирает, а завтра и нас не станет…

- Со временем гаснет свет разума! какая пытка быть беспомощным свидетелем трагического крушения мысли!

- Всякий человек – это человечество, его всемирная история.

1892–1894 годах.

В предисловии Ж. Легра предупреждал, что в его работе читатель не встретится ни с одной какой-либо политической оценкой. Его книга подкупала безусловной правдивостью, искренностью и симпатией к России и русским.

Легра побывал в Москве и в Подмосковье, в Нижнем Новгороде, Туле, Орле, Варшаве, Одессе, Киеве и Петербурге. Всюду он старался вступать в тесные контакты с населением. В этих странствиях по России его не испугали даже эпидемии тифа и холеры. В своей книге он детально описывает свои поездки по России и встречи с выдающимися, а также ничем не примечательными людьми.

Последнее издание его книги вышло в Париже в 1900 году.

Жюль Легра готовил себя к педагогическому поприщу, и потому с особым интересом изучал постановку народного образования в России.

Еще до выхода в свет этой книги Легра напечатал в 1892 году «Письма о России», подписав их только инициалами. В них описывались голод и эпидемия холеры в Нижнем Новгороде, которым он был непосредственный свидетель.

Через своих русских знакомых он настойчиво добивался встречи с Л. Н. Толстым…

В результате, он дважды побывал в гостях у Льва Николаевича Толстого (в декабре 1893 и 3 октября 1894 года).

В беседе с ним Толстой вспоминал о своем первом гувернере-французе Сен-Тома (1812–1881), преподававшем латинский и французский языки и французскую литературу. Л. Н. Толстой помнил его до глубокой старости.

«*Это был прекрасный человек <…>, который в совершенстве владел латынью и очень хорошо умел ее*

преподавать», – скажет Толстой в своем разговоре с Жюлем Легра.

***

Через 30 с лишним лет после появления в печати первого издания своей книги, Легра, уже будучи маститым профессором и высоким авторитетом в знании русской современной литературы, опубликовал воспоминания под названием «Несколько посещений Толстого».

Он подробно рассказывает о встречах с писателем и приводит обширные выдержки из своего дневника, который он вел в то время.

В архиве Л. Н. Толстого сохранились письма Легра. Они дают возможность внести не лишенные интереса подробности в историю их отношений, но помимо этого, они проливают свет и на событие, связанное с именем Короленко.

1 декабря 1893 года Легра написал Толстому: «… я француз, бывший воспитанник Эколь Нормаль Сюперьер (того же выпуска, что и *Ж. Дюма, автор книги «Толстой и философия любви»), и я выбрал себе специальностью преподавание живых языков, а также их литератур. Теперь я нахожусь в отпуске…. Я воспользовался этим отпуском для изучения русского языка и всего русского.*

В прошлом году я бок о бок с В. Г. Короленко и одним из своих московских друзей работал в Лукояновском уезде во время голода и тифа. Вы понимаете, как близко узнал я при этом ваших крестьян: ведь всего лучше постигаешь людей в минуты подобного испытания. Таким образом я невольно заинтересовался вопросами, которые касаются русских крестьян, и в частности, вопросом о начальных школах…. Французское общество знает только внешнюю сторону России. Полагаю, что наш долг –

Короленко», а в тексте есть пометы. Эта книга служила началом его библиотеки!».

Ж. Мишле и современность

В 2004 году вышла монография философа и психолога Г. Башляра «Поэтика пространства». В этой книге в связи с рассмотрением самых разных и сложных вопросов, многократно упоминается имя французского историка и писателя Ж. Мишле. В частности, современный автор пишет**:** «В работе «*Введение во всеобщую историю» (1831) Мишле утверждал, что содержанием мировой истории является развитие идеи свободы».*

Г. Башляр цитирует также и отдельные суждения Мишле из книги «Птица». По его мнению, «*в нескольких строчках комментария Мишле придает птице значение* модели бытия. *«Птица, почти совсем шарообразна, несомненно, есть высшее, дивное и божественное воплощение концентрации жизни. Более высокую степень цельности ни увидеть, ни даже вообразить невозможно».*

Свои размышления Г. Башляр заканчивает такими словами: «Мишле понял сущность птицы в ее космической ситуации как централизацию жизни, всесторонне охраняемой, заключенной в живой шарик, то есть достигшей максимальной цельности. Любые другие образы, связаны ли они с формой, цветом или движением, подвержены релятивизму в сопоставлении с тем, что должно назвать птицей-абсолютом, существом круглой жизни. Образ бытия – ибо этот образ бытия, появившийся в книге Мишле, необыкновенен. И именно потому его воспримут как нечто незначительное. Литературный критик придал ему не больше значения, чем психоаналитик. Однако же этот образ создан

***

В разные годы Ж. Мишле был незримым собеседником и единомышленником Короленко.

Так, в книге П. Н. Негретова, посвященной последним пяти годам жизни писателя, приведен текст письма Короленко к Горькому, написанного больным писателем всего за несколько месяцев до его кончины.

27. 07. 1921 года Короленко писал: «*… у нас исстари составилось представление, что «великая» французская революция* ***удалась*** *только потому, что действовала террором. Но историк – социалист Мишле утверждает, что она* ***не удалась*** *именно поэтому» (слова выделены Короленко – С. Ш.).*

Эта же мысль, но немного в ином контексте, появляется и в первом письме Короленко к А. В. Луначарскому: «*… по мнению Мишле, историка – социалиста, из этого утомления казнями в Сент-Антуанском предместье взметнулись первые взрывы контрреволюции. Можно ли думать, что расстрелы в административном порядке могут лучше нормировать цены, чем гильотина?».*

Показательно и вполне закономерно, что в своих мыслях о недопустимости террора и насилия над личностью Короленко опирался на признанный во всем мире авторитет Жюля Мишле. Мишле в работах по истории Франции делал упор на психологию народа и описание различных сторон его жизни.

Так, еще в юности познакомившись с различными трудами Жюля Мишле, Короленко навсегда сохранил интерес к его личности и его слову, о чем свидетельствуют письма, написанные им в последние годы жизни.

В личном книжном собрании В. Г. Короленко до сих пор сохранилась, как отмечает его исследователь, «*первая литературная работа – книга «Птица» Ж. Мишле. На титульном листе сохранилась подпись «Вл.*

открыть публике глаза на истинный характер вашей родины – и не описанием великосветской жизни или деятельности ваших западников, а ознакомлением с жизнью деревни…

… я всегда разговариваю в Москве по-русски к великому удивлению некоторых светских людей, привыкших к тому, что пребывание моих соотечественников в русском обществе не оставляет на них ни малейшего следа».

В этом письме указывается на событие в творческой биографии В. Г. Короленко, которое затерялось, и можно сказать, практически исчезло из поля зрения историков литературы.

Речь идет о знакомстве Жюля Легра с Короленко, причем во время его активной деятельности в Лукояновском уезде.

Легра не убоялся испытаний и отправился в охваченный голодом Лукояновский уезд Нижегородской губернии, где вместе с Короленко принимал активное участие в помощи голодающим.

***

В статье «Несколько посещений Толстого» Легра вспоминал, что в беседе с писателем он сказал: «*с восхищением упомянул о педагогической деятельности г-жи А. А. Штевен, с которой познакомился в Нижегородской губернии, куда приехал к моему другу Гучкову и разговор перешел на В. Г. Короленко, незадолго до того издавшего книгу о «Голодном годе» в этих местах. Толстой спрашивает, знаком ли я с Короленко. Я отвечаю утвердительно и упоминаю о сведениях, – не помню, каких именно, – полученных мною от писателя…*»

Последняя фраза доказывает, что между Легра и

Короленко было достаточно продолжительное знакомство.

Далее в своих воспоминаниях Легра пишет: «*От переводов мы переходим к современной литературе, и Толстой спрашивает у меня, кого из русских писателей считаю я самыми выдающимися. Я называю Короленко и Чехова… – Да вы правы, – говорит он, – это наиболее значительные имена...»*

Примечательная деталь – на первое место французский гость Толстого ставит именно Владимира Короленко.

В одной из своих историко-литературных работ Легра охарактеризовал Короленко как «*одного из первоклассных русских романистов и человека высокого интеллекта, энергичного, честного и доброго».*

***

1 октября 1894 года Легра вновь приехал в Россию и навестил Толстого. Новая встреча была чрезвычайно дружеской и теплой.

Жюль Легра уточняет темы их новой беседы: «*я упомянул о Соловецком монастыре, где провел несколько дней нынешним летом, на что Толстой, рассказывающий мне о разных религиозных сектах, заметил: – Мне когда-то хотелось съездить в Соловки, т. к. в царствование Петра Великого в этот монастырь был заточен мой пращур*».

Легра пишет: «… *один случай из моей поездки в Соловки позабавил его. Я приехал в русской, довольно неряшливой одежде, и монах, распределявший жилье, направил меня в общую гостиницу. Когда же он увидел меня переодетым, то стал рассыпаться в любезностях и предоставил мне одному прекрасную комнату*…»

О посещении Легра в дневнике Толстого сохранилась следующая запись от 4 октября 1894 года: «*Вчера сидел с Легра. То же и днем*». (ПСС Т. 52. С. 145).

Далеко не случайно, что свою статью «Христианство и патриотизм» писатель пошлет для

- Я бы желал, чтобы это была не книга, а живое создание.

- Я впервые испытал, как бесплодно погружается в себя человек, очутившийся за чертой тесной общительности с бесхитростными существами, которые своей чистотой, игривыми развлечениями и наивным проворством как бы дарили его ясной умиротворяющей улыбкой природы.

- Я понял ясно, что естествознание есть только отрасль великой общественной науки.

- Это было высокое созвучие сердец, непринужденный обмен самых затаенных мыслей и совершеннейшее сочетание семейного очага с величественной идеей природы.

- Дыша таким полным бытием, и заодно с нею, мы естественно желали бы подольше удержать эти летучие мгновения…

- Она без устали задушевно и толково обращала мой прояснившийся взгляд на духовные черты окружающей жизни

- … быть может, слабая во многом, настоящая книга уже сильна тем, что везде полна кротостью и верой. В каждой черте своей она цельна и верна идее – когда парит над смертью и ее мнимым разрушением, когда сдергивает личины, которые набрасывает жизнь на свое единство, и когда деятельно и нежно идет от гнезда к гнезду, от зародыша особи, отождествляя любовь к Богу с беспредельной любовью к его созданию.

«Заключение» и «Объяснение».

Такая композиция, равно как и текст первоисточника, требовали от переводчика глубокого понимания своей задачи: максимально передать своеобразие авторского стиля. Вполне очевидно, что для этого требовалось созвучие в их миропонимании. Только это и дало положительный результат, который вполне явствует из того факта, что книга в русском переводе была очень популярна в свое время, да и в последующие годы не была совсем забыта, поскольку на нее не раз ссылались многие современные ученые.

Сохранившийся экземпляр поступил в фонд Харьковской Общественной Библиотеки лишь в октябре 1901 года и содержит ряд карандашных подчеркиваний, что свидетельствует о внимательном прочтении этой книги неизвестным читателем.

Фрагменты из книги «Птица», которые могли быть наиболее близки В. Г. Короленко:

- Время поглощает все: жизнь, успехи труда, бурную смену событий, разрушает на наших глазах тот разумный мир, с которым мы сжились, и которому не видим преемника.

- Трудные пути истории облегчались по временам коротким уяснением, поддержкой.

- Я писал в духе мира под непреодолимым отвращением к охоте.

- …Умиротворение и гармоническое единение со всем живущим.

перевода на французский язык именно Жюлю Легра. На французском языке эта статья в переводе Ж. Легра впервые появилась в мае 1894 года, а затем в Париже отдельным изданием в том же году и в его же переводе.

***

Книга «В русской стране» вобрала в себя впечатления от первого пребывания Легра в России. Анализ русского характера Легра основывал не только и не столько на философских спекуляциях, сколько на глубоком знании русских реалий и знакомстве с русскими людьми, в число которых входили Лев Толстой, Чехов и Владимир Короленко**.**

Книга Легра заразила интересом к России многих французов и, в частности, известного филолога Пьера Паскаля (1890–1983). Он провел в России 17 лет, с 1916 по 1933 год. Паскаль не избежал заблуждения многих: идеи русского большевизма захватили его всерьез и надолго. Но со временем от убежденности в моральной правоте большевиков, в совместимости коммунистических и христианских идеалов, Паскаль постепенно приходит к полному разочарованию в русской революции. В его дневнике прослеживается эволюция взглядов – от философских рассуждений о русской душе до постепенного осознания краха большевистской утопии.

***

Впоследствии П. Паскаль дал проницательную характеристику личности Жюля Легра: «*Он весь целиком в этой книге – это не кабинетный писатель, не экономист, не историк, не политик, и тем более, не поверхностный или пустой путешественник, а живой человек, отзывающийся на каждое новое явление природы и человеческой деятельности. Он проводит дни на полях с мелкопоместными дворянами, охотится*

с мужиками, пьет чай у попов. Он посещает Толстого и Чехова. Он отправляется с интеллигентами туда, где свирепствуют голод и тиф. Он спорит с московскими дамами и бредет с богомольцами к Троицкой Лавре. Кажется, ни одна подробность не ускользает от него в этой огромной и многообразной стране. Но никогда его взгляды не становятся расплывчатыми. Этот исключительно уравновешенный бургундец во время своего чудесного путешествия судит, сравнивает, одобряет или критикует, и всегда остается самим собой. И, однако, ни тени холодности: он не скрывает своей симпатии. Россия и русские завоевали скорей его сердце, чем разум…»

***

Жюль Легра посетил и Антона Павловича Чехова. Об этом событии оставил свои воспоминания младший брат писателя – Михаил Чехов. Он написал: *«Большой любитель собирать грибы, Антон Павлович каждое утро обходил свои собственные места и возвращался домой с горстями белых грибов и рыжиков. За ним всегда важно следовали его собаки Хина и Бром. За этим-то занятием и застал его профессор Бордоского университета Жюль Легра, приехавший в Россию и посетивший Чехова в Мелихове*».

Жюль Легра также описал свою первую встречу с Антоном Павловичем: «*Он выходит ко мне навстречу своей медленной походкой в сопровождении двух церемонных смешных такс. Ему с небольшим тридцать лет; он высокого роста, стройный, с большим лбом и длинными волосами, которые он отбрасывает машинальным движением руки назад... В обращении он несколько холоден, но без принужденности: очевидно, он хочет догадаться, с кем имеет дело, и чувствует, что и его в это время тоже изучают. Вскоре, однако,*

интересовался Короленко также вопросами физиологии, биологии и научной психологии.

Как уже было сказано, книга «Птица» в русском переводе впервые вышла уже после смерти Мишле. Обнаруженный в библиотеке экземпляр этой книги Мишле делает ее подлинной библиографической редкостью**.** Книга состоит из двух частей:

Ч. 1:

- Яйцо.
- Полюс. Птицы-рыбы.
- Крыло.
- Первые наброски крыла.
- Триумф крыльев. Фрегат.
- Прибрежье. Падение болотных пород.
- Становища цапель в Америке. Вильсон.
- Война. Тропики.
- Очищение.
- Смерть. Хищники.

Ч. 2:

- Свет. Ночь.
- Зима и буря. Переселение.
- ***Ласточка.***
- Гармония умеренного пояса.
- Птица как работник человека.
- Труд. ***Дятел.***
- Пение.
- Гнездо. Архитектура птиц.
- Города птиц. Зачатки республики.
- Воспитание
- ***Соловей***, искусство, бесконечность.
- Продолжение о соловье.

Завершают книгу размышления автора обобщенного характера, которые он называет

проповедуем на этих страницах, состоит в следующем: человек мирно покорит себе всю землю, когда в свое время поймет, что всякое прирученное им создание, привыкнув к домашней жизни или, по крайней мере к стой степени общительности и дружелюбия, на какую способна его природа, сделается в сто крат полезнее, чем если ему будет перерезано горло. Человек не будет истинным человеком до тех пор, пока не начнет серьезно стремиться к тому, чего ждет от него земля, — к примирению и гармонии всего живущего в природе. Охотьтесь на львов и орлов, если хотите; ведите с ними войну, а не со слабыми и беззащитными».

Одной из самых привлекательных особенностей его художественного стиля была лиричность и прямое обращение к читателю.

Примечательно, что перевод на русский язык его книги «Птица», который осуществили братья Короленко, появился уже после смерти Жюля Мишле. Их работу можно воспринимать как своеобразную дань памяти полюбившемуся автору.

Внимание Короленко – переводчика, как и автора книги «Птица», к вопросам естествознания было совсем не удивительно. Короленко, как и его современники – Чехов и Гаршин, был естественником по образованию. В студенческие годы в Петровской сельскохозяйственной академии Короленко с увлечением слушал лекции Климента Аркадьевича Тимирязева.

Благодаря стараниям матери, Короленко получил в следующем году стипендию в Петровско -Разумовской земледельческой академии, где он проучился всего два года и был отчислен за подачу коллективного протеста и связи с народническими кружками.

Учение Тимирязева о жизни растений, имевшее широкий общебиологический смысл, оказало большое влияние на будущего писателя. Пристально

первое напряжение проходит: мы заговариваем о том, что французы мало знают русских, а русские – французов, и разговор завязывается горячий».

***

В книге под названием «В русской стране», вышедшей в Париже в 1895 году, Жюль Легра подробно рассказал о своем впечатлении от встречи с Чеховым в Мелихове в 1892 году.

Он *дал первую* во Франции характеристику Чехова как писателя-новеллиста. Ещё при жизни писателя он описал рабочий кабинет Чехова в Мелихове: «*По стенам – библиотечные полки с нагромождёнными на них без системы книгами по медицине и литературе. Кругом расставлены безделушки из тонкой бронзы и слоновой кости, вывезенные с Дальнего Востока. На подоконнике большого окна – склянки с лекарствами, кое-где портреты, в том числе портрет Толстого, на стене, над диваном, где я лежу, миниатюрная акварель, изображающая лужайку с тремя берёзами, серебристые стволы…»*

И далее: *«У тройного «итальянского» окна кабинета стоит письменный стол, на нём – керосиновая лампа с рефлектором, свечи в бронзовых подсвечниках. Здесь же – атрибуты писательского труда: перьевая ручка, чернильница, простой карандаш. Весы для взвешивания конвертов, марки в коробочке, палочка сургуча, которым запечатывали письма, – свидетели переписки…»*

Михаил Павлович Чехов вспоминает и сам облик французского гостя: «*Помню я этого Легра. Он бывал у нас в Мелихове не раз. Блондин, с ярко выраженным французским профилем, он приходил к нам в русской красной рубахе, с удовольствием пил квас и с еще большим удовольствием охотился в наших лесах. Он*

чувствовал себя великолепно. Никто ему не запрещал стрелять, нигде его не могли привлечь к ответственности за браконьерство, как сделали бы это во Франции, и он вкушал у нас редкое для француза счастье свободы. А когда мы возвращались обратно, он усаживался за ужин, выпивал рюмку водки, причем раньше закусывал, а выпивал потом, и с аппетитом ел. – Кушайте, Юлий Антонович, – обращался к нему Антон Павлович».

Привлекает внимание следующий фрагмент воспоминаний Михаила Чехова: «*Позднее этот Жюль Легра ездил на обследование Обь-Енисейского канала, написал о нем доклад и быстро выучился хорошо говорить по-русски. Когда он уезжал, я послал с ним поклон жившей тогда в Париже «прекрасной Лике», и он мне ответил, что посетил эту «красивую девушку» и исполнил мое поручение*».

Вероятно, этот факт, косвенно связан со знакомством Жюля Легра с младшим братом Владимира Галактионовича Короленко.

***

О том, что французский ученый посетил Сибирь, встречается информация и в некоторых других источниках. Так, например, краеведы установили, что в газетной хронике сообщалось, что «в марте 1897 года через Барнаул из Ново-Николаевска проследовал французский журналист Жюль Легра», и что в его дневнике есть запись о Барнауле следующего содержания: «*...нигде в Сибири нет такой сплоченной и даже влиятельной интеллигенции, как здесь…»*

***

В апреле 1897 года Легра посетил Алтай. Целью его поездки был сбор общих сведений по Алтайскому региону.

23 августа 1897 года газетная хроника сообщала о

обществе. Возможность устранить его представлялась ему лишь в сближении верхних слоев с народом – сближения, основанном на любви, на отречении от эгоизма.

Мишле проповедовал, что, прежде всего, нужно заниматься этическими вопросами при развитии демократического общества, чтобы, в конце концов, «*излечить души людей».* Средством для этого, по его убеждению, должна была стать народная школа, которая ставила бы себе целью возбуждение социальной любви.

Помимо истории, в зрелый период творчества он активно занимался изучением естественных наук и психологии.

В конце многотрудной и многоплодной жизни Мишле в сотрудничестве с женой создал целую серию книг о природе, которые представляют собой редкие по своей очаровательной оригинальности и вдохновенности произведения. Он остро чувствовал тесную связь человека с природой и умел свои чувства передать читателю (и это качество тоже сближает его с Короленко – С. Ш.).

В конце 50-х годов XIX века Жюль Мишле, написал четыре книги о четырёх стихиях: «Море» (о воде), «Гора» (о земле), «*Птица» (о воздухе),* «Насекомое» (об огне, поскольку насекомые обитали в жарких недрах земли).

В этих удивительных книгах он раскрыл себя, по мнению современной ему критики, «*настоящим поэтом в прозе*».

Этот цикл книг Мишле начал с создания «Птицы» (1856), а далее – «Насекомое» (1857), «Море» (1861), «Гора» (1868). На русском языке книга «Птица» увидит свет спустя почти 20 лет.

В книге «Птица» Мишле постоянно проповедовал необходимость веры, той веры, что «движет горами». Он писал**:** «*Вера, которую мы носим в сердце и*

8. Птица. Спб.1878.
9. История 19 в. Спб.1883–1884. Под ред. М. Цебриковой.

***

В начале 1850-х годов он создал цикл полемических статей о России. Непосредственным поводом к их написанию послужило знакомство с изданным в 1851 году на французском языке сочинением А. И. Герцена «О развитии революционных идей в России», которое Мишле оценил и назвал «*героической книгой великого русского патриота*».

По мнению Мишле, единственное, что может спасти Россию, – это свержение деспотической власти императора.

В следующем произведении на русскую тему – цикле статей «Мученики России», Мишле говорит о русском народе уже в мягком тоне и называет главной чертой русской души страдание, главным признаком русского человека – «разбитое сердце». Воплощением настоящей русской души Мишле в «Мучениках России» называет «*гений Пестеля и сердце Рылеева*». По его убеждению, «*история должна быть воскрешением духа прошлого*». Он был не менее талантливым писателем, чем ученым – историком, и не случайно его «Историю революции» называли «*эпической поэмой*».

Первый том «Краткой истории Франции до революции» вышел в 1847 году, а последний – в 1853 году. Его «Историю» считали «*лирической эпопеей Франции*». Он был наиболее известным представителем романтической повествовательной историографии.

По своим взглядам Жюль Мишле был решительным противником социализма. Ему был несимпатичен малейший элемент насильственности у сторонников коммунизма

Мишле остро ощущал всю глубину разлада в

том, что *в Хабаровск «прибыл Бордосский профессор Жюль Легра, путешествующий через Сибирь для изучения нашего переселенческого дела. Свободно и чисто говорит по-русски».*

Точное указание времени пребывания французского исследователя в Сибири позволяет также уточнить и время пребывания в Сибири младшего брата Короленко.

***

В 1899 году в Париже вышла книга Жюля Легра «О Сибири», в которой он писал: «*Я мало видел в Сибири подобных городов, где я чувствовал себя так хорошо, как в Барнауле. Как и Омск, это – административный центр. Здесь можно найти общество культурных людей, связанных между собой. Это является серьезным преимуществом маленького города и, пожалуй, нигде в Сибири нет такой сплоченной и даже влиятельной интеллигенции, как здесь. Агрономы, химики, лесники, врачи, статистики, кабинетские чиновники – все они объединяются без особой огласки, для того, чтобы обсудить какое-нибудь дело или организовать скромное общественно полезное мероприятие. Они открывают школы, библиотеки, музеи».*

Те дни, в течение которых Легра был в Барнауле, были насыщены встречами, визитами, оживленными и серьезными беседами. Разговаривали обо всем – «*о местных делах, о переселенческом движении на Алтай, о хлебопашестве, об удобрениях, о просветительской работе, о медицинской помощи, о лесах и рудниках – словом, обо всем, что волновало людей в этом округе».*

Разговор зашел о последней переписи населения и о затруднениях, которые возникали из-за старообрядцев. Его простые примеры наглядно показывали обилие национальных и религиозных

различий в Сибири, и то, как реагировало на них русское правительство.

***

В предисловии к своей книге «В Сибири» Жюль Легра, ставший впоследствии одним из лидеров французской русистики, заметил, что вместе со строительством Транссиба отношения «старой Сибири» с Россией изменяются, и отношения эти имеют не только исторический интерес – они будут определять будущее. Тогда этот маршрут только прокладывался, и невозможно было вообразить в будущем ту кровавую бойню, которая случилась в годы революции и гражданской войны.

***

Будучи уже авторитетным профессором-филологом и знатоком русской литературы, Жюль Легра в годы революции в Сибири состоял членом французской военной миссии.

Впоследствии историк С. П. Мельгунов состоял с ним в полемике и в то же время отмечал: «Легра был человеком, который имел наибольшие шансы разобраться в сибирской обстановке и по знанию языка, и по долголетнему знакомству с Россией…»

31 мая 1920 года Жюль Легра сделал в Париже доклад о состоянии дел в Сибири. Он подчеркивал, что хорошо осведомлен о текущих сибирских делах.

Ж. Легра в своем сибирском дневнике оставил свои впечатления об адмирале Колчаке: «*Нервный, порывистый, с правильными, волевыми чертами лица, с подвижными, умными глазами*». Этот дневник был напечатан в 1928 году в Париже.

***

Жюль Легра неоднократно писал о русских:

очаровательной оригинальности». Он остро чувствовал тесную связь человека с природой. Он видел в ней зародыш нравственной свободы, совокупность мыслей и чувств сходных с нашими.

В 1864 году Мишле написал «Краткий очерк нравственных учений, начиная с древности». Одновременно с этим он напряженно занимался естественными науками и психологией.

Это была яркая и разносторонне одаренная личность. Примечательно, что в биографическом очерке о нем приведена характеристика его человеческих качеств: «Отзывчивость его к чужим страданиям была слишком велика, чтобы он мог оставаться беспристрастным зрителем современных ему событий… отечество и семья были для него постоянными предметами боготворения…. Обхождение его было просто и приветливо. В его манерах сохранялись традиции вежливости старой Франции… у него было непосредственное, детское во всей его натуре, редкое у французов».

Но разве все эти качества души не были свойственны Владимиру Галактионовичу Короленко? Воистину это были родственные души.

В «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона указан ряд трудов Мишле, которые в разное время появлялись в русских переводах:

1. Обозрение новейшей истории. Спб.1838.
2. Краткая история Франции до революции. Спб.1838
3. История Франции в 16 в. Спб.1860.
4. Море. Спб.1861.
5. Реформа. Из истории Франции в 16 веке. Спб.1862
6. Женщина. Одесса.1863.
7. Царство насекомых. Спб.1863.

докторская диссертация была посвящена Плутарху и идее бесконечности в учении философа Локка. В 1827 году Мишле стал профессором философии и истории. В последующие годы Мишле заведовал историческим отделом в национальном архиве. Он увлеченно занимался изучением истории, написал многотомный труд по истории Франции (1831–1843), при этом он проявил поразительную эрудицию и глубокое знание оригинальных документов.

Мишле создал «Историю французской революции», над которой работал почти десять лет (первый том вышел в 1847 году, а последний – в 1853 году).

В тоже время он был и оригинальным писателем, и большим психологом, способным проникать в душу исторических лиц, своим пером возвращая их к жизни.

В своей педагогической деятельности он ставил перед собой цель «создавать души», и потому, по свидетельству слушателей, его лекции часто носили характер проповеди…. В своих лекциях Мишле не раз высказывал мысль о том, что нужно излечивать души людей. Его утопические взгляды вполне оправдывают кличку «народник», которую дал ему кто-то из историков.

В своих трудах Мишле выступал как решительный противник модных в то время идей социализма. В его биографии отмечается, что «ему был несимпатичен даже элемент насильственности у сторонников коммунизма, и что его гуманная натура отвергала с негодованием всякие террористические меры для осуществления идеала любви». Заметим, что эти качества заметно сближают его с Владимиром Галактионовичем Короленко.

В его биографии указывается, что в последний период своей долгой жизни он «в сотрудничестве с женой дал серию книг о природе, редких по своей

«*Русские наименее дисциплинированный народ в Европе, но народ этот отличается смутным влечением к высшему, и это, по-своему, – глубокая религиозность, более мистическая, чем во Франции».*

Жюль Легра тонко подметил особенности русского характера и особо он останавливался на самых важных, по его мнению, чертах русских, как нации: «*Основные свойства русского народа: природное изящество, обаятельность, гостеприимство, мягкость, любовь к детям, женственность, ловкость, ум, способность к публичной речи, любовь к пассивным удовольствиям, гуманность, доброжелательность, жалость к страдающим, широкая натура, щедрость, неорганизованность…»*

***

Известно, что Жюль Легра постоянно и напряженно занимался и переводческой деятельностью. Одними из первых с русского на французский язык им были переведены воспоминания ссыльного поэта – народовольца П. Мельшина (Л. Якубовича).

***

В 1929 году в Париже вышла в печати его книга «Литература в России». Особое внимание ученых-славистов привлекла в ней его статья «Пушкин и Гёте» (по поводу «Сцены из Фауста»), для которой он перевел поэтические тексты Пушкина и, в частности, «Моцарта и Сальери».

Жюль Легра делал попытки психологического истолкования изменений, внесенных Пушкиным в трактовку темы.

Он искренне полюбил русский народ, его культуру и литературу, и тех его представителей, которые встретились на его жизненном пути. Одним из них и был младший брат Владимира Галактионовича Короленко – Илларион.

Приложение. Жюль Легра «В РУССКОЙ СТРАНЕ» (Фрагмент).

- Проведя некоторое время в обществе немца или англичанина, я, чаще всего, понимаю – или думаю, что понимаю, – чем его видение мира отличается от нашего; имея дело с русским, я никогда ничего не знаю наверняка: в то самое мгновение, когда мне начинает казаться, будто я проник в его мысли, он от меня ускользает.
- Богатство славянской души, ее многогранность! – скажут одни; – двуличность! – возмутятся другие. Ни то, ни это, полагаю я.
- Не следует забывать, что истинное лицо России от нас сейчас скрыто; два главных ее сословия, народ и просвещенное общество (те, кого русские именуют *интеллигенцией*), предстают перед наблюдателем в ложном свете из-за некоторых превратностей русской истории.
- Народ до сих пор не избавился от последствий крепостного права, тяготевшего над ним в течение нескольких столетий; просвещенное общество живет с постоянной оглядкой на иностранцев, и эта навязчивая идея мешает ему идти вперед.
- Русского простолюдина трудно понять, во-первых, потому, что он очень хитер и очень недоверчив, а во-вторых, потому, что он, пожалуй, далеко не всегда обладает теми душевными богатствами, какие ему приписывают.
- Крепостное право оказало роковое влияние не только на само крестьянство, но и на все русское общество; оно заставило людей, принадлежащих к другим сословиям, восхищаться характером и добродетелями крестьянина и заблуждаться относительно истинной его натуры. Таким образом,

типографии процветали, но с установлением империи семье Мишле пришлось испытать горе и нужду; бедственное положение её дошло до того, что дед, отец, мать и 12-летний Жюль сами должны были исполнять типографскую работу. Понятно, что в таких условиях обучение молодого Мишле было сопряжено с трудностями; уроки чтения ему пришлось брать рано утром у одного старого книготорговца, прежнего школьного учителя, пылкого революционера: от него Мишле наследовал восхищение революцией. Веру в Бога и в бессмертие (он не был крещён в детстве) вызвала в нём книга «О подражании Христу». На последние средства родители поместили Мишле в коллегию Шарлемань. Стеснявшемуся своей бедности, не привыкшему к обществу Жюлю, ученье давалось трудно, но редкое прилежание помогло ему победить предубеждение, с которым относились к нему сначала его учителя; они признали в нём дарование, особенно литературное».

Жюль Мишле (21.08.1798 – 9.02.1874) вырос в Париже эпохи Наполеона. Ему довелось знать многих из поколения его родителей, кто был свидетелем революционных событий во Франции.

Впоследствии он стал известен своими многочисленными и разноплановыми работами и по истории мировой культуры, и по мировой истории. Он увлекался философией, психологией, естественными науками, и воплотил свои знания в отличавшихся оригинальностью книгах о природе, религии, отношениях между людьми.

Его считали моралистом, «наиболее известным представителем романтической повествовательной историографии». Назовем основные вехи его творческого пути.

В 1821 году Мишле был учителем истории. Его

(«Сказание о Флоре и Агриппе») и затем прошу прощения, что за недостатком времени вынужден ограничиться этими несистематическими и неполными набросками. Кажется, что необходимейшие внешние биографические черты здесь даны все».

Отсутствие сведений о его переводе книги Мишле, конечно, не случайно, и надо полагать, имеет на то свои причины. Можно лишь предположить, что это связано с тем, что работа над переводом была совместной, а с другой стороны, Короленко не считал ее важной вехой в своем становлении как писателя, тем более, что в последующие годы он к переводческой деятельности, насколько известно, больше не обращался.

Остается пока не совсем ясным, почему для перевода было выбрано именно это произведение Жюля Мишле, хотя предисловие переводчиков к этой книге кое-что проясняет.

Если же познакомиться с биографией Мишле – знаменитого французского историка и естествоиспытателя поближе, то и какие-то моменты становятся более понятными.

Коротко о Ж. Мишле.

Знакомство с биографией Жюля Мишле убедило меня в том, что на каком-то этапе в его биографии было немало схожего с творческой биографией В. Г. Короленко.

«*Жюль Мишле родился в небогатой семье, которую он сам называл «крестьянской». Отец его переселился в Париж и существовал за счёт доходов от основанной им типографии. Пока при Республике печать пользовалась относительной свободой, дела*

совокупное воздействие исторической реальности и человеческих предубеждений сделало черты этой неразвитой натуры еще более размытыми.

- Душа мужика подобна плодородной, но не паханой степи, где полезные растения растут вперемешку с сорняками; вглядываясь в эту зеленую зыбь издали, отличить одно от другого невозможно. Только после того, как по целине этой пройдутся коса и плуг, станет ясно, что она в себе таит. А пока этот день не настал, нечего и подступаться к здешним зарослям; самое большее, что можно оттуда вынести, это несколько цветочков в огромном ворохе травы.
- Что же касается просвещенного общества, *интеллигенции*, она также ускользает от нашего понимания. Слишком много в ней заимствовано у иностранцев, и эти заемные черты не только заслоняют качества врожденных, но и порождают непоследовательность, которую мы не умеем правильно истолковать. Последние два столетия русская интеллигенция только и делала, что пристально всматривалась в цивилизацию западных стран и поочередно то подражала ей, то ее проклинала.
- В результате чувства образованных русских остались по преимуществу русскими, т. е. простыми и юными, идеи же, плод просвещения чисто западного, обрели экзотический оттенок. Отсюда – постоянный внутренний разлад, неверие в собственную цивилизацию, вечные метания между безыскусной природой и утонченными абстракциями. Русские еще слишком молоды, чтобы быть самими собой; дайте им время, и они сумеют примирить свои противоречивые стремления; это пойдет им на пользу.
- Уже сейчас среди них находятся люди, в которых природные чувства и чужеземные идеи образуют единое целое; но люди эти – великие художники, впрочем, не вполне осилившие душевное смятение, не достигшие

совершенного равновесия; судить по ним обо всей нации невозможно.

- Очень вероятно, что русским мешает двигаться вперед такое прискорбное чувство, как ложный стыд, внушаемый мнимой замедленностью их развития. Они не могут жить и действовать иначе, как сравнивая себя с иностранцами. Часто кажется, что им хочется не столько преуспеть самим, сколько превзойти соседей: детские заботы, ребяческие потуги! Ради победы в этом соревновании они стремятся получить образование скорее блестящее и разностороннее, нежели основательное; они нагромождают вместо того, чтобы строить.
- Англичане, а вместе с ними и вся современная цивилизация, говорят: время – деньги; русские, напротив, временем не дорожат совершенно. У купцов в России есть пословица, превосходно рисующая их нравы – нравы жадного паука, который терпеливо подстерегает добычу: «Дело не волк, в лес не убежит». В этой пословице выразился весь характер русского народа: и его терпеливость, и его хитрость, и его смирение.
- Среди ощущений, каким я доверчиво открыл душу в бытность мою в России, иные повторялись так часто, что привели меня к некоторым общим выводам. Полностью ли верны мои ощущения, не смею на этом настаивать; единственное, в чем поручусь: я испытывал их постоянно.
- К их числу относится, прежде всего, ощущение незавершенности; пожалуй, оно главенствует над всеми прочими. Я испытывал его везде и всегда, с первого до последнего дня, в деревнях и в рафинированных столичных кружках.
- Сам физический облик русских людей, кажется, несет на себе печать незавершенности: черты расплывчаты, взгляд загадочен, туманен. Вся

В. Г. писал: «*1876 году, как видно из выданного мне академией свидетельства, я исключен с третьего курса «за подачу директору коллективного заявления студентов». Я был выслан, одновременно с двумя товарищами, из Москвы: сначала – в Вологодскую губернию, откуда, с дороги, был возвращен в Кронштадт, где в то время жила и моя семья, – под надзор полиции. Год спустя мы все переселились в Петербург, где я с братьями опять занялся корректурой».*

И далее: «К 1879 году относятся первые мои литературные попытки, и в том же году последовал арест всех мужчин моей семьи. Мы, без объяснения причин, были разосланы в разные места. Я попал сначала в Глазов Вятской губернии, затем в глухие дебри Глазовского уезда, откуда, опять по неизвестной мне причине, – высылался в Сибирь; возвращен из Томска в Пермь, оттуда, в 1881 году, выслан в Якутскую область (первый случай, причина которого мне неизвестна).

Из Перми я послал в «Слово» два очерка, которые и были напечатаны. Вернувшись же из Якутской области в 1885 году – я окончательно отдался литературе, вновь дебютируя «Сном Макара» в «Русской мысли»…»

И в завершение: «*Издал книгу «Очерков и рассказов» в 1887 году (теперь идет 5 издание, в общей сложности это составит около 13 тысяч экз.), «Слепого музыканта» (идет третье издание) и в настоящее время издаю «Вторую книгу очерков и рассказов». Первая книга появилась в переводах на немецком, французском, английском (Boston, Little Brown and Company) и чешском. «Слепой музыкант», как известно, издан в Лондоне (London: Ward and Downey, 1890) и в Бостоне (Little Brown and Company, 1890). Из отдельных переводов упомяну об армянском*

существования. Во второй части, наряду с общими вопросами, автор касается вопросов жизни трех представителей птичьего племени – ласточки, дятла и соловья. Именно о них написаны самые вдохновенные и трогательно-лирические строки.

***

Если обратиться к летописи жизни и творчества В. Г. Короленко, то выясняются некоторые интересные подробности его жизни в этот период: *«В 1877 году В. Г. Короленко поступает в Горный институт и участвует в революционных студенческих кружках. Поступает на корректорскую работу в петербургскую газету «Новости».*

В 1878 году он, увлеченный идеей «хождения в народ», оставляет институт и овладевает сапожным ремеслом. Если учесть, что переводная книга вышла весной 1878 года, то становится ясным, что переводом Владимир Галактионович мог заниматься, будучи еще студентом. И скорей всего, взялся за эту работу, чтобы помочь старшему брату в его делах.

В 1879 году в журнале «Слово» было напечатано первое произведение Короленко под названием «Эпизоды из жизни искателя». В том же году он был арестован и выслан в город Глазов Вятской губернии, а затем переведен на поселение в деревню Березовские Починки.

В 1880 году, по ложному обвинению в подготовке к побегу, вновь арестован. В Вышневолоцкой тюрьме он написал рассказ «Чудная». Отправлен по этапу в Сибирь, но с дороги возвращен и поселен в Перми, где служил табельщиком в железнодорожных мастерских…»

К сожалению, в сохранившихся текстах автобиографии Короленко о его работе в качестве переводчика с французского не сказано ни слова.

умственная и нравственная жизнь русского народа оставляет такое же впечатление вещи, которую не успели доделать. Все – от установлений, принадлежащих, кажется, иному веку, до верований, остановившихся на полпути между приятием и отвержением догматов, – выглядит незаконченным: все еще только возникает, все пребывает в становлении. При виде этой картины мне приходит в голову бабочка, лишь наполовину вышедшая из кокона.

- Поразил меня и русский энтузиазм, особенно тот, который заметен в просвещенном обществе. Многочисленными делами, не имеющими отношения к основному их ремеслу, русские занимаются с величайшим энтузиазмом.
- Самые вздорные идеи, как и самые благородные начинания, вдохновляют их на отчаянные поступки, кажущиеся нам удивительными: стоит русским отрешиться от повседневной рутины, как они во всем доходят до крайностей. Между тем энтузиазм сродни лихорадке: он рождается мгновенно, из пустяка, но от такого же пустяка и сникает. Точно так же и русские быстро вспыхивают, но не умеют поддерживать огонь. Они скоро устают – не оттого, что им недостает сил, а оттого, что их одолевает скука: окружающий мир производит на них, бесспорно, куда более сильное действие, чем на нас; однако, воодушевившись одним впечатлением, русские тотчас его забывают и переходят во власть другого.
- Образованная Россия не шествует к просвещению ровным шагом, как Германия; она продвигается вперед рывками и скачками. Отсюда эти вспышки нежных чувств, эти всепоглощающие увлечения, которые внезапно сменяются полным забвением, равнодушием беспричинным и безмерным.
- Помимо незавершенности и шального энтузиазма отмечу еще одну черту русских – беспечность, умение

не думать о будущем; черта эта поражает нас тем более сильно, что она совершенно противна нашим привычкам. У нас забота о завтрашнем дне лежит, пожалуй, в основании всего нашего душевного порядка; русским эта забота чужда.

- Они живут сегодняшним днем: будущее для них – не более чем призрак, ради которого никто не собирается приносить в жертву насущные интересы. В материальной жизни эта неспособность подумать о том, что случится завтра, нередко навлекает на русских серьезные неприятности, однако в жизни душевной она подчас дает плоды, вызывающие наше восхищение.
- То, что мы именуем фатализмом и смирением русского народа, – в сущности, не что иное, как беспечность, способность не думать о завтрашнем дне. К чему суетиться – думают русские. Ведь мы не в силах изменить все то плохое, что есть в нашей жизни *сегодня;* зачем же в таком случае думать еще и про *завтра.*
- Апатия, естественно присущая народу, который из-за слишком сурового климата вынужден проводить многие месяцы взаперти или облачаться в тяжелые одежды, лишь усиливает это ленивое нежелание хоть что-нибудь предусмотреть. Русские предпочитают экономить силы и идти по пути наименьшего сопротивления: пассивная покорность требует меньше сил, чем бунт, – особенно если эта покорность не вытекает из подчинения нравственному закону, понуждающему вас к насильственным мерам.
- В то же самое время способность не думать о завтрашнем дне вдохновляет и на решительные поступки; люди расчетливые достигают, пожалуй, большего, но идут вперед не так быстро, как люди непредусмотрительные.
- Тот, кто бросается в бой, не надеясь извлечь из победы какие-либо выгоды, и не готовя себе плацдарма

изложения и в высшей степени гуманное чувство, которыми проникнута каждая страница его почтенных исторических трудов, – составляют яркую особенность и этого этюда. В нем Мишле – смелый трибун жизни, ее прав, попираемых сильными во имя всему лучшему в нашей природе… здесь очень часто он убедителен и даже высок.

- *Он величаво идет впереди своей современности с ее жгучими запросами, гордым лозунгом и высоким порывом.*
- Его сердце так чутко и широко, что в нем нашла отзвук каждая капля горького моря страдания, затопившего мир.
- *Любовь, глубокая братская любовь, не только к человечеству, но и ко всему в природе, что чувствует и живет сознательной или бессознательной жизнью, благо всего живого – вот трогательные слова, написанные на знамени, которое Мишле сумел поднять и держать высоко*».

В конце текста обозначено место и время написания этого вступления – «*Спб. Май. 1878».* И подпись: «Кор–о».

Согласимся, текст написан не только вдохновенно, но и дает яркое представление об отношении переводчика к творчеству Мишле в целом и к этому сочинению, в частности, и более того, выраженные так четко мысли были очень созвучны и близки всему складу личности Владимира Короленко и, надо полагать, и его старшему брату.

***

Книга состоит из двух частей, в которых рассматриваются разные стороны жизни таких удивительных творений природы, как птицы.

Первая часть посвящена не какой-то одной конкретной птице, а рассказывает об общих законах и условиях их

1878 году совместно с В. Г. Короленко книгу Мишле «Птица». Изд. Н. В. Вернадского (Пб. 1878)».

В биографии В. Г.Короленко его деятельность в качестве переводчика, а тем более, переводчика с французского сочинения Ж. Мишле, нигде не указана

***

Заметим, что в эти примечания вкралась ошибка в инициалах: не Н. В., а И. В. Вернадский. Это существенное уточнение. Речь в данном случае идет об отце Владимира Ивановича Вернадского – Иване Васильевиче Вернадском. Вернадские состояли в дальнем родстве с семьей Короленко, и не удивительно, что Вернадский – старший помог братьям напечатать их труд.

***

Основному тексту книги Мишле предшествует краткое вступление «От переводчика». На этом тексте имеет смысл задержать внимание. Читаем:

- «*Издавая настоящий перевод «Птицы» Ж. Мишле, мы полагаем, что, несмотря на некоторые недостатки этого сочинения, открывающего собой строго законченный цикл естественно-философских этюдов Мишле, оно даже теперь, когда естествознание ушло так далеко вперед, обогащенное и массою новых данных и новыми теориями, не будет излишним для русских читателей. Они поймут, конечно, что ни научный материал, ни его группировка, ни, наконец, философская подкладка труда, взятая объективно, которая, очевидно, страдает некоторой односторонностью взгляда, не занимают в нем первого места.*
- Интерес к этой, бесспорно, талантливо написанной книге – весь в ее блестящей оригинальности, отмечающей собою все, что ни вышло из-под пера этого писателя.
- *Беззаветное увлечение идеей, страстность*

для отступления, наносит удары более сильные и более меткие; именно так и поступают русские. Вот почему они ни в чем не знают удержу, вот почему им нет равных ни в доброте – в тех случаях, когда они ее проявляют, – ни в самоуничижении.

- Народ, чье становление еще не завершено, народ, еще не вполне обретший свое лицо, народ, обуреваемый неумеренными чувствами, переходящий от энтузиазма к апатии, нетерпеливый и смиренный, самоотверженный без меры, а порой и без меры эгоистичный, – по этому портрету легко узнать народ совсем юный. Русские так сильно пленяют нас, когда мы общаемся с ними у них дома, именно потому, что они еще очень близки к природе; но по этой же причине они так часто нас изумляют.
- Они охвачены энтузиазмом, самоотверженны, добры и сердечны, как юноша в двадцать лет, но они так же непостоянны и беспечны, как этот юноша, и так же легко впадают в уныние. Как у юношей, чувства у них дольше сохраняют живость, а страсти отличаются большей глубиной; в то же время им чужды раздумчивость и умеренность, приходящие с годами; радости их более шумны, слезы более горьки, отчаяние более мучительно, иллюзии более пленительны, чем у нас; они способны на грубость, на какую не способны мы, но они же обладают неисчерпаемым запасом сострадательной нежности, какую мы не способны выказать, даже если по случайности и сохранили ее на дне души; порой их охватывают порывы безумной доверчивости, вызывающие у нас снисходительную улыбку, а порой – припадки уныния, нам непонятные; они отважны, мы осторожны; они великодушны, мы расчетливы; все дело в том, что они едва вышли из подросткового возраста и силы их льются через край, нам же, давно повзрослевшим, подобная невоздержанность в высшей степени чужда.

- Официальная жизнь не дает никакого представления об истинном характере русских людей; здесь царят чопорность, лицемерие и взяточничество. Уезжайте подальше от столицы, где являет себя во всем блеске чиновничья Россия, и там, в провинции, вы увидите, что такое Россия юная. Порой ее наивность вызывает у нас усмешку; порой ее недостойные сыны нас возмущают; но, как бы там ни было, имея дело с теми прямодушными русскими, чей энтузиазм не знает границ, мы молодеем и начинаем гораздо больше ценить жизнь.
- Вот уже полтора дня, как в сером тумане я еду к немецкой границе; я перечитываю восхитительный рассказ Льва Толстого «Смерть Ивана Ильича», и чтение наводит меня на некоторые размышления. Рассказ этот, куда более нравоучительный, чем любая проповедь, жесток и безжалостен... Жить и действовать, не зная, что такое доброта и милосердие; жениться и плодить себе подобных, не зная, что такое любовь и подлинный союз сердец, – вот жизнь Ивана Ильича; такова же и смерть его, вполне заслуженная. В этом заключается заветная идея великого Мистика; в этом же, в сущности, заключается и тот вывод, который можно извлечь из длительного общения с самыми благородными представителями молодой русской нации; все они мыслят сходным образом. Разумеется, мысли эти обличают в них неискоренимых мечтателей, чуждых реальности, и я прекрасно это сознаю, но мечтать так сладостно! Так приятно хоть на время отвлечься от нашей западной действительности и, припав к роднику, совсем недавно вырвавшемуся из скалы, почерпнуть из него хоть толику прямой и здравой веры в жизнь!..
- К вечеру серый туман слегка рассеялся и превратился в полупрозрачную дымку, сквозь которую едва различимы зыбкие контуры равнины. Серые

немецкого писателя и философа Г. Брандеса «Главные течения литературы 19 в.». Темой его выписок была история романтизма. Обращает на себя внимание и дата, т. е. как раз это было время работы над переводом книги Мишле.

В примечаниях к этим записям уточняется, что «в 80-е годы В. Г. Короленко много переводил Брандеса, причем в его архиве хранится тетрадь с переводом с немецкого книг Брандеса. И всё же французский был ему ближе, нежели немецкий.

***

Но вернемся к характеристике книги Ж. Мишле. Вместо полной фамилии переводчика указан лишь псевдоним «Ко-о», а вступительное слово «от переводчика» подписано иначе: «Кор-о».

Если обратиться к Словарю псевдонимов И. Ф. Масанова (т.4. 1960. С. 246), то можно узнать, что у В. Г. Короленко было несколько псевдонимов:

- «К–о. Вл.»,
- «Кор–о. Вл.»,
- «Кор–о».

А у его брата Юлиана, который представлен в этом авторитетном справочнике как «журналист и поэт» без указания на даты жизни, приведен только один псевдоним – «Кор–о». Таким образом, у обоих братьев был один и тот же псевдоним.

В качестве ссылки на источник этих сведений автор указывает на комментарии в издании «История моего современника» (М. 1930).

***

В экземпляре указанного издания, который также сохраняется в ОРИР, в примечаниях, где идет речь о старшем брате Короленко, есть следующий фрагмент: «*…В. Г. ценил способности брата и старался побудить его к серьезной литературной работе. Юлиан перевел в*

выходивший 4 раза в месяц, наполненный цифрами. Для него потребовалась корректура, и мы с братом взяли ее на себя. Заработок был ничтожный, что-то около 20 руб в месяц, а работа трудная, все цифры…. Но это была своего рода точка опоры. «Указатель» печатался в собственной типографии Вернадского, носившей название «Славянская книгопечатня» и помещавшейся на Гороховой…. В типографии могли встретиться и другие работы».

«Другими работами» вполне могло быть совместное с братом выполнение переводов.

Этот период деятельности у него из-за ареста оказался недолгим. Короленко уточняет:

«… вскоре я был приглашен вторым корректором в газете «Новости», в которой я работал до новой своей высылки из Пб-га».

Работу корректора оба брата совмещали с переводческой деятельностью. Они достаточно хорошо владели несколькими языками.

***

В 1877–1879 годы Иван Васильевич Вернадский издавал журнал «Экономический указатель», а перед этим недолго выпускал еженедельный «Биржевый указатель».

В примечаниях к «Истории моего современника» приведен важный документ – агентурная справка о В. Г. Короленко, датированная 14. X.1878 года, в которой сообщалось, что он *«служит в типографии Вернадского (газета «Новости») и берет некоторую работу на дом»*.

***

В первом томе «Дневника» не раз встречаются конспекты книг, которые читал писатель на немецком языке. Так, например, в записи от 28. 03. 1887 года указано, что Короленко сделал ряд выписок из книги

невспаханные поля под серым сумеречным небом простираются до самого горизонта – там глаз упирается в тоненькую светлую полоску. Поле наискось пересекает грязная дорога, она теряется вдалеке, у края земли, и, кажется, ведет прямо на небеса. Совсем рядом с железнодорожным полотном остановилась крестьянская телега; низкорослая лошадь стоит неподвижно, и длинная ее грива развевается по ветру. Подле лошади стоит мужик в истрепанном армяке и в лаптях; он смотрит вдаль, словно пытается что-то разглядеть в тумане.

- Промелькнувшая картинка потрясла меня: крестьянин в лохмотьях показался мне настоящим символом русского народа, и эта мысль тотчас преобразила для меня весь пейзаж. Грязная дорога, разрезающая в вечернем полумраке унылую равнину и теряющаяся у светлой линии горизонта, – это дорога цивилизации, по которой идет народ-ребенок, безвестный мечтатель; на дороге полно рытвин, она постоянно петляет и все-таки неуклонно поднимается, идет вверх. А крестьянин в лаптях, устремивший куда-то туманный взор и не обращающий никакого внимания на проносящийся мимо поезд, это и есть воплощение русского крестьянского смирения: он не оглядывается назад, он движется вперед вместе со своей верной лошадкой, невзирая на расстояние, усталость, скуку; движется почти бессознательно, не торопясь и не теряя надежды; дорога грязна, ухабиста, тосклива, но все-таки она ведет вверх, к светлеющему небу... Что же станется с этим мужиком, когда он одолеет подъем…».

И в заключение:

- «Один из самых проницательных наших историков написал мне несколько лет назад о русских людях: «Не знаю другого народа, который бы так же сильно очаровывал – и так же сильно разочаровывал». Долгое время я разделял это убеждение; сегодня я,

пожалуй, сужу о русских более снисходительно. Разочаровываться приходилось и мне, но я полагаю, что разочарование это всякий раз объяснялось разного рода случайностями. Снисходительность же моя объясняется, прежде всего тем, что я увидел, как страдает этот народ, и с тех пор полюбил его еще сильнее.

- Когда говоришь о «русских», следует вначале определить, что, собственно, имеется в виду. В России я постоянно общался только с буржуазией и с народом; познания мои, таким образом, ограниченны, и я не намерен это скрывать. Мне недостает знакомства с аристократами и чиновниками; впрочем, сразу скажу, что ни те, ни другие меня не интересуют, ибо первые слишком порабощены кастовым духом, а вторыми владеет дух слепой покорности либо неизменной скрытности. Да и вообще русское дворянство сходит с исторической сцены: отмена крепостного права нанесла ему смертельный удар. Цари могли бы, конечно, попытаться придать ему новые силы; однако если бы даже эти меры на время вернули дворянам прежнее могущество, они не сумели бы возвратить им ни нравственного авторитета, ни материального богатства. Что же касается простого народа и среднего класса, они, напротив, представляют собой живые силы нации: кровь их покамест свежа, мозг бодр, энтузиазм не растрачен; вдобавок очень скоро и знания, и деньги будут принадлежать им одним. Очевидно, что будущее России – за этими двумя сословиями; именно они мне интересны, именно с их представителями я охотно общался. Их-то, и только их, я имею в виду, когда говорю «русские»…

***

Этот текст появился в печати в 2007 году в журнале «Отечественные записки», и его предваряли небольшие биографические сведения, которые

Так, например, в главе «Я нахожу работу и приобретаю знакомства» он вспоминал: *«… к этому времени в моей жизни произошло два события: я нашел работу и меня разыскали родственники…. Бируков, муж моей двоюродной сестры, преподаватель или инспектор Пб. коммерческого училища. Мы познакомились, и с этих пор по субботам я проводил вечера в хорошей родственной семье. Это был маленький интеллигентный салон, бывали педагоги, студенты…»*

В этом доме он встретил некоего Наумова, который поразил его своей неординарностью. В этом же доме он познакомился и с Иваном Васильевичем Вернадским. Короленко писал: *«…(Наумов) – это была фигура очень характерная для 70-х. Совсем не крайних убеждений, что видно уже из того, что он был постоянным сотрудником «Русского мира». Он был все-таки коренной отрицатель. Во всей России сплошь все подлецы и негодяи. Я знаю только одного порядочного человека. Да, одного на всю Россию! Это Иван Васильевич Вернадский».*

***

В главе «Похороны Чернышова. Процесс 193-х» Короленко вспоминает подробности жизни в тот период: «*... меня охватило сознание, что беззаботная жизнь в Кронштадтской ссылке кончается, и на меня ложится ответственность за будущность семьи.*

… много мыслей тогда прошло в моей голове. Приходилось совместить одновременно серьёзные семейные обязанности, совершенно определенные и ясные, с мечтами об общественной работе, меняющимися, но неясными и неопределенными.

Мы переехали в Пб…, пришлось обратиться опять к корректуре. В это время Иван Васильевич Вернадский, известный когда-то издатель «Экономиста», полемизировавшего с Чернышевским, решил издавать новый еженедельный, довольно жалкий листок,

прекрасно дополняют этот неожиданный этюд, связанный с младшим братом В. Г. Короленко.

«Жюль Легра (1866–1938), германист по образованию, автор диссертации о Генрихе Гейне, написанной на французском языке, и диссертации о Карамзине, написанной на латыни, настолько полюбил Россию, что переквалифицировался из историка немецкой литературы в историка литературы русской и стал одним из первых во Франции профессоров-русистов.

Книга «В русской стране» (1895), заразившая интересом к России многих французов, вобрала в себя впечатления от первого пребывания Легра в России. Свой анализ русского характера Легра основывает не только и не столько на философских спекуляциях, сколько на реальном знании русских реалий и знакомстве с русскими людьми (в число которых входили, среди прочих, Лев Толстой и Чехов). Легра, конечно, русофил, но его любовь к России далеко не слепа, суждения о ее истории взвешенны, а взгляд на русских достаточно трезв».

такое занятие, которое, большей частью, может быть исполнено животными или машинами». Но, несмотря на трудные условия жизни и работы, бурлаки вовсе не превращаются в полудикий сброд бандитов и пьяниц, как считали многие «знатоки» народной жизни.

В 1857 году И. В. Вернадский стал издавать еженедельный журнал «Экономический указатель», где совершенно определенно писал о грядущем крахе общества, стремящегося к удовлетворению интересов лишь избранных: «Прямо или косвенно каждый шаг, поступательный шаг гиганта, называемого обществом, давит частные, отжившие свой век интересы, попавшиеся под его могучую ногу».

Иван Васильевич Вернадский был ярким представителем русской либеральной интеллигенции середины прошлого века. Он хорошо знал несколько европейских языков, высоко ценил европейскую науку и культуру, а царское самодержавие считал вредным для России пережитком прошлого. Он был сторонником введения в России демократического конституционного правления.

6 октября 1924 года в дневнике Вернадского–младшего появилась следующая запись об отце: «…у отца это могло быть связано со стремлениями юношества и молодости. Он был в очень хороших отношениях с Максимовичем. Сохранялись у нас «размышления о природе» Максимовича с его подписью из Харькова. Отец в 1870-х во время юбилея Максимовича отозвался, и напечатанная речь Максимовича была с надписью в числе сохранившихся книг…»

***

В книге «История моего современника» (М.1965) В. Г. Короленко написал об Иване Васильевиче Вернадском проникновенные строки.

Глава 5

К истории одного перевода

В фондах Харьковской Государственной Научной Библиотеки им. В.Г.Короленко сохранился экземпляр уникального издания .Книга поступила в фонд ХОБ в октябре 1901 года. На титульном листе: «Ж. Мишле. Птица. Перевод со второго французского издания. Спб. 1878». Книга прошла внутреннюю цензуру и была дозволена к печати 14 апреля 1878 года. На дату стоит обратить особое внимание.

Основному тексту предшествовало вступление «*От переводчика*» (заметим, указано перевод- чика, а не переводчиков – С.Ш.).

Удивительно и разночтение в датах: книга была подписана к печати в апреле, а вступление переводчика датировано маем того же года. Это можно объяснить только одним: текст вступления не был показан цензору, чтобы не возникало препятствий для публикации.

***

Книга Жюля Мишле «Птица» вышла на русском языке всего один раз через четыре года после смерти ее автора. Она достаточно объемна – в ней более двухсот страниц. Ее композиция весьма оригинальна.

Далее на титульном листе указана и типография: «Славянская печатня И. В. Вернадского. Гороховая ул. д. 46».

Эскизная зарисовка об Иване Вернадском

Иван Васильевич Вернадский (1821 – 1884) был экономистом и статистиком, общественным деятелем и публицистом.

Дед И. В. Вернадского – Василий Иванович (1769 – 1838) был врачом, окончил медицинский факультет Московского университета, участвовал в войне с Наполеоном.

Отца В. И. Вернадского отличали яркие способности, восприимчивость к математике и языкам. Иван Вернадский окончил Киевский университет, получил европейское образование в области политэкономии и статистики, преподавал в Киевском, Московском университетах, Петербургском политехническом институте, играл видную роль в российской и европейской экономической науке.

Помимо этого, Вернадский – старший занимался банковской деятельностью, издавал экономический журнал, открыл издательскую фирму «Славянская печатня» и имел магазин под названием «Книжник».

***

Ивана Васильевича Вернадского отличал острый интерес к практической стороне науки и общественной жизни. В 1856 году он, статский советник и чиновник особых поручений при министерстве внутренних дел, был командирован на Волгу для обследования положения бурлаков. Работу свою он выполнил очень тщательно. Написал подробный отчет. Предложил назначить специального чиновника для защиты интересов бурлаков. «Бурлачество образует, – писал он, – бродячее, невежественное, предоставленное случайностям население, истрачивающее свои силы на